

КОНФУЦИЙ

Философия

ИЗРЕЧЕНИЯ

Достаточно, чтобы слова выражали смысл.
Конфуций

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФОЛИО»

КОНФУЦИЙ

ИЗРЕЧЕНИЯ

КНИГА ПЕСЕН И ГИМНОВ

Перевод с китайского

ФОЛИО
Москва
2000

УДК 14
ББК 87.3
К64

Серия «Мастера. Философия»
основана в 1999 году

Текст печатается по изданиям:
Конфуций. Я верю в древность. — М.: Республика, 1995;
Шицзин (Книга песен и гимнов). — М.: Худож. лит., 1987

Художник-оформитель
Б. Ф. Бублик

Конфуций
К 64 Изречения / Худож.-оформитель Б.Ф. Бублик. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 448 с. — (Мастера. Философия).

ISBN 966-03-0849-3 (Фолио)
ISBN 5-17-002571-8 (АСТ)

В данное издание вошли два памятника дреанекитайской культуры — «Изречения» («Луньюй»), «Книга песен и гимнов» («Шицзин»), традиционно считающиеся произведениями китайского мудреца Конфуция (551—479 гг. до н. э.).

К $\frac{0301020000-131}{2000}$ Без объявл.

УДК 14
ББК 87.3

ISBN 966-03-0849-3 (Фолио)
ISBN 5-17-002571-8 (АСТ)

ИЗРЕЧЕНИЯ
(ЛУНЬЮЙ)

Глава 1

УЧИТЬСЯ

1

Учитель говорил:

— Не радостно ль учиться и постоянно добиваться совершенства? И не приятно ли, когда друзья приходят издалека? Не тот ли благороден муж, кто не досадует, что неизвестен людям?

2

Учитель Ю сказал:

— Редко бывает, чтобы человек, полный сыновней почтительности и послушания старшим, любил бы досаждать правителю. И не бывало вовсе, чтобы тот, кто не любит досаждать правителю, питал бы склонность к мятежу. Благородный муж заботится о корне; когда заложен корень, то рождается и путь, сыновняя почтительность и послушание старшим — не в них ли коренится человечность?

3

Учитель сказал:

— Человечность редко сочетается с искусными речами и умильным выражением лица.

4

Учитель Цзэн сказал:

— Я на день трижды себя вопрошаю: добросовестно ли я трудился для людей? Сохранил ли искренность в общении с друзьями? Повторял ли то, чему меня учили?

5

Учитель сказал:

— Правя уделом, способным выставить тысячу боевых повозок, надо быть тщательным в делах, правдивым, любить людей, экономить средства и побуждать народ к труду в соответствии со сменой сезонов.

6

Учитель сказал:

— Дома младшие почтительны к родителям, а на стороне послушны старшим, осторожны и правдивы, полны любви ко всем, но близки с теми, в ком есть человечность. Если при этом остаются силы, то стремятся обрести ученость.

7

Цзыся сказал:

— Если кто-либо предпочитает чувственности добро, способен до изнеможения служить отцу и матери, на службе государю может жертвовать собой и обращается к друзьям с правдивым словом, то пусть бы говорили, что он неучен, я непременно назову его ученым.

8

Учитель сказал:

— Если благородный муж лишен строгости, в нем нет внушительности и он нетверд в учении. Главное — будь честен и правдив, не дружи с теми, кто тебе не равен, и не бойся исправлять свои ошибки.

9

Учитель Цзэн сказал:

— Если будут чтить умерших, помнить предков, то в народе вновь окрепнет добродетель.

10

Цзыцинь спросил Цзыгуна:

— В какой бы стране Учитель ни был, он всегда знает о делах ее правления. Он сам ищет эти сведения или ему их дают?

Цзыгун ответил:

— Учитель получает их благодаря тому, что ласков, добр, почтителен, бережлив и уступчив. Не отличается ли он в том, как их ищет, от других людей?

11

Учитель сказал:

— Кто вглядывается в устремления своего отца, когда он жив, а после его смерти — в то, как он поступал, и не меняет его путь в течение трех лет, тот может называться почитающим родителей.

12

Учитель Ю сказал:

— Из назначений ритуала всего ценней гармония. Она делает прекрасным путь древних царей, а им следуют в малом и великом. Но и гармония бывает применима не всегда. Если знают лишь гармонию, не заключая ее в рамки ритуала, она не может претвориться в жизнь.

13

Учитель Ю сказал:

— Если в искренности близок справедливости, обещанное сможет выполнить. Если чтит согласно ритуалу, то избежит стыда и срама. Если твоя опора тот, кто на самом деле тебе близок, то можешь ему подчиниться.

14

Учитель сказал:

— Если благородный муж не думает во время трапезы о насыщении своего желудка, не помышляет, живя дома, об уюте, проявляет расторопность в деле, осторожно говорит и исправляется, сближаясь с теми, у кого есть путь, он может называться любящим учиться.

15

Цзыгун спросил:

— Как Вы оцениваете тот случай, когда человек в бедности не пресмыкается, а разбогатев, не зазнается?

Учитель ответил:

— Это неплохо, но не сравнится с тем, когда человек в бедности испытывает радость, а разбогатев, питает склонность к ритуалу.

Цзыгун снова спросил:

— В Песнях есть строки:
Он словно выточен, гранен,
Шлифован и отполирован.

Вы не об этом ли говорили?

— Да, Цы, — ответил Учитель, — отныне с тобой можно говорить о Песнях: тебе скажешь что-либо, а ты уже знаешь, что за *этим* следует.

16

Учитель сказал:

— Не печалься, что люди не знают тебя, но печалься, что ты не знаешь людей.

Глава 2

ПРАВИТЕЛЬ

1

Учитель сказал:

— Правитель, положившийся на добродетель, подобен северной Полярной звезде, которая замерла на своем месте средь сонма обращающихся вкруг нее созвездий.

2

Учитель говорил:

— Три сотни Песен заключены в одной строке, гласящей: «Его мысль не уклоняется».

3

Учитель сказал:

— Если править с помощью закона, улаживать наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если

править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность.

4

Учитель сказал:

— В пятнадцать лет я ощутил стремление учиться; в тридцатилетнем возрасте я утвердился; достигнув сорока, освободился от сомнений; в пятьдесят познал веление Неба; в шестьдесят мой слух обрел проникновенность; с семидесяти лет я следую желаниям сердца, не нарушая меры.

5

Благостный из Старших спросил о том, что такое сыновняя почтительность.

Учитель ответил:

— Это то, когда не нарушают ритуалов.

Позднее Фань Чи вез Учителя, и тот сказал:

— Старший Сунь спросил меня о том, что такое сыновняя почтительность, и я ответил: «Это то, когда не нарушают ритуалов».

— Что это значит? — спросил Фань Чи.

Учитель ответил:

— Служи родителям по ритуалу, умрут — похорони по ритуалу и чти их жертвами по ритуалу.

6

Воинственный из Старших спросил о том, что такое сыновняя почтительность.

Учитель ответил:

— Это то, когда отца и мать лишь одно и тревожит — как бы сын не захворал.

7

Цзыю спросил о том, что такое сыновняя почтительность.

Учитель ответил:

— Ныне сыновняя почтительность сводится лишь к содержанию родителей. Но ведь содержат и животных.

В чем будет тут отличие, если не проявлять самой почтительности?

8

Цзыся спросил о том, что такое сыновняя почтительность.

Учитель ответил:

— Выражение лица — вот в чем ее трудность. Когда же появляется какое-либо дело, и младшие берут о нем заботу, а появляется вино, еда — и ими потчуют прежде рожденного, то в этом ли состоит сыновняя почтительность?

9

Учитель сказал:

— Я целый день беседовал с Хуэем; он выражал такое полное согласие со мной, что казался глупым. Но судя по тому, каков он у себя, в нем есть способность к пониманию. Хуэй — неглупый человек.

10

Учитель сказал:

— Где укрываться человеку?
Где укрываться человеку,
Если видеть, как он поступает,
Глядеть на то, чему он следует,
И знать, что его удовлетворяет?

11

Учитель говорил:

— Кто постигает новое, лелея старое,
Тот может быть учителем.

12

Учитель сказал:

— Благородный муж не инструмент.

13

Цзыгун спросил о том, каким должен быть благородный муж.

Учитель ответил:
— Он прежде видит в слове дело, а после — сказанному следует.

14

Учитель сказал:
— Благородный муж участлив, но лишен пристрастности.
Малый человек пристрастен, но лишен участливости.

15

Учитель говорил:
— Напрасно обучение без мысли,
Опасна мысль без обучения.

16

Учитель сказал:
— Увлеченность чуждыми суждениями приносит только вред.

17

Учитель сказал:
— Ю! Научить ли тебя, что такое знание?
Считай знанием то, что знаешь, и считай незнанием незнание. Это и есть знание.

18

Цзычжан учился, чтобы добиться жалованья, и Учитель ему сказал:
— Больше слушай, исключая все неясное, осторожно говори об остальном — реже будешь обвинен. Больше наблюдай и сторонись опасности, осторожно действуй в остальном — реже будешь каяться. Если редко обвиняют за слова и редко каешься в своих поступках, в этом и отыщешь жалованье.

19

Князь Скорбной Памяти спросил:
— Как привести народ к покорности?

Конфуций ответил:

— Если возвысить и поставить честных над бесчестными, то народ придет к покорности. Если возвышать бесчестных, ставя их над честными, то народ не покорится.

20

Благодетельный из Младших спросил о том, как добиться, чтобы народ был почтителен, предан и воодушевлен.

Учитель ответил:

— Будь с ним серьезен, и он станет почтителен; соблюдай долг сына и отца, и он будет предан, возвысь способных, наставь неумелых, и он воодушевится.

21

Кто-то спросил Конфуция:

— Почему Вы не участвуете в управлении государством?

Учитель ответил:

— В Книге сказано: «Как ты почтителен к родителям! Ты почитаешь их, относишься с любовью к братьям и проявляешь все это в делах правления». Это и есть управление государством. Зачем же для участия в нем поступать на службу?

22

Учитель говорил:

— Человеку и не быть правдивым? Не ведаю, возможно ли такое. Если у малой ли, большой повозки не скреплены оглобли с перекладиной, разве на них какая-то езда возможна?

23

Цзычжан спросил, можно ли узнать, что будет через десять поколений.

Учитель ответил:

— Дом Инь основывался на обрядах дома Ся,
Что сохранил из них и добавил, можно знать;
Дом Чжоу опирался на обряды Инь,

Что сохранил из них и добавил, можно знать;
И о тех, кто, возможно, будет следовать за Чжоу,
Пусть и за сотню поколений, можно знать.

24

Учитель говорил:

— Жертвоприношение чужому духу заключает в себе лесть.

Бездействие в момент, когда возможно поступить по справедливости, означает трусость.

Глава 3

ВОСЕМЬЮ РЯДАМИ

1

Конфуций говорил о Младшем, у которого «восемью рядами танцуют при дворе»:

— Если это можно вытерпеть, то что же вытерпеть нельзя?

2

Три семейства убирали жертвенную утварь под звуки гимна «Лад».

Учитель об этом сказал:

Содействуют в храме князья,
Сын Неба прекрасен и строг.

— Разве эти слова применимы к делам трех семейств?

3

Учитель говорил:

— К чему ритуалы, если, будучи человеком, не проявляет человечности? К чему и музыка, если, будучи человеком, не проявляет человечности?

4

Линь Фан спросил о том, что составляет основу ритуала.

Учитель ответил:
— Как важен твой вопрос! При исполнении ритуала бережливость предпочтительнее расточительности; на похоронах чувство скорби предпочтительнее тщательности.

5

Учитель сказал:
— У варваров при государе хуже, чем в китайских землях без него.

6

Младший приносил жертвы горе Великой, и Учитель спросил Жань Ю:
— Ты не мог его удержать?
— Не мог, — ответил Жань Ю.
Учитель сказал:
— Увы! Неужто скажешь, что гора Великая менее разборчива, чем Линь Фан?

7

Учитель сказал:
— Благородный муж ни в чем не состязается, но если вынужден, то разве что в стрельбе из лука; он входит в зал, приветствуя и уступая; выйдя оттуда, пьет вино. Он благороден даже в состязании.

8

Цзыся спросил:
— Что означают строки:

Смеясь, чарует ямочкой на щечке,
Очей прекрасных ясен взгляд,
И белизна в ней кажется цветным узором.

— Вторично то, когда раскрашивают белое, — ответил Учитель.
— И ритуал вторичен? — заметил Цзыся.
Учитель сказал:
— Кто меня понимает, так это ты!
Теперь с тобой можно говорить о Песнях.

9

Учитель говорил:

— Я мог бы рассказать о ритуале Ся, да в Ци недостает свидетельств; я мог бы рассказать о ритуале Инь, да в Сун недостает свидетельств. Все оттого, что не хватает записей и знающих людей. А если бы хватало, я мог бы подтвердить свои слова.

10

Учитель сказал:

— При царском жертвоприношении я не хочу смотреть на то, что там делается, с момента возлияния вина.

11

Кто-то спросил о смысле царского жертвоприношения.

Учитель ответил:

— О нем не ведаю, а кто ведал бы, тот управлял бы Поднебесной так, словно она была бы здесь.

И указал при этом на свою ладонь.

12

Учитель будто зрел тех, кому приносил жертвы. И будто зрел духов, принося им жертвы. Он говорил:

— Если сам не участвую в жертвоприношении, то для меня его как бы и не было.

13

Вансунь Цзя спросил:

— Что значат слова: «Угодничать полезней перед очагом, чем перед юго-западным углом»?

— Неверно сказано, — ответил Учитель. — Кто провинится перед Небом, тому будет некому молиться.

14

Учитель сказал:

— Дом Чжоу зрел пример двух предыдущих царствований, поэтому он так блистает просвещенностью. Я следую за Чжоу.

15

Войдя в Великий храм, Учитель спрашивал обо всем, что там происходило.

Кто-то заметил:

— И кто это считает сына цзоусца знающим ритуалы? Войдя в Великий храм, он спрашивал обо всем, что там происходило.

Учитель, услышав это, ответил:

— В этом ритуал и состоит.

16

Учитель сказал:

— Суть стрельбы из лука состоит не в том, чтобы пробить мишень, ибо люди обладают разной силой.

В этом заключается путь древних.

17

Цзыгун желал, чтобы при оглашении первого числа прекратили приносить в жертву барана.

Учитель возразил:

— Тебе, Цы, жалко этого барана,

А мне жаль этот ритуал.

18

Учитель сказал:

— Если служить государю, строго соблюдая ритуал, люди видят в этом лесть.

19

Князь Твердый спросил о том, как государь повелевает подданными, а подданные служат государю. Конфуций ответил:

— Государь повелевает подданными, соблюдая ритуал; подданные честно служат государю.

20

Учитель сказал:

— «Крики чаек» в меру веселят и печалят, не терзая душу.

21

Князь Скорбной Памяти спросил Цзай Во об Алтаре Земли. Цзай Во ответил:

— Владыка Ся использовал сосну, у иньца применялся кипарис, а чжоусец избрал каштан, чтобы народ дрожал от страха.

Учитель, услышав это, сказал:

— Свершенного не объясняют,
За то, что сделано, не увещают
И в том, что было, не винят.

22

Учитель сказал:

— Гуань Чжун был небольших способностей.

Кто-то спросил:

— А не был ли он бережливым?

Учитель возразил:

— Как мог он быть бережливым, если у него имелась башня «Три возврата» и должности не совмещались?

— Но не был ли тогда он сведущ в ритуале?

— У государя перед входом были установлены щиты, Гуань поставил у себя такие же; у государя при свидании с другими государями имелся постамент для опрокинутых чаш для вина, Гуань имел такой же постамент. Если Гуань знает ритуалы, то кто же их не знает? — был ответ.

23

Беседуя о музыке со старшим музыкантом из удела Лу, Учитель сказал:

— А музыку, ее знать можно! Вначале исполняют — как бы слита, играют далее, как бы беспримесна, как бы светла и как бы непрерывно длится в конце.

24

Хранитель рубежа из И, прося о встрече, говорил:

— Мне удавалось до сих пор встречаться с каждым благородным мужем, который приходил сюда.

Ученики его представили.

А выйдя, он сказал:

— Зачем вам беспокоиться о том, что все утрачено? Уже давно пути нет в Поднебесной, и Небо скоро сделает Учителя колоколом.

25

Учитель говорил о музыке «Весенняя»: в ней все прекрасно и все хорошо; и говорил о музыке «Воинственной»: в ней все прекрасно, но хорошо не все.

26

Учитель вопросил:

— Как мне глядеть-то на того, кто проявляет нетерпимость, будучи правителем, не чувствует благоговения при исполнении ритуала и не скорбит во время траура?

Глава 4

ТАМ, ГДЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

1

Учитель сказал:

— Прекрасно там, где человечность. Как может умный человек, имея выбор, в ее краях не поселиться?

2

Учитель сказал:

— Лишенный человечности не может долго оставаться в бедности, не может постоянно пребывать в благополучии. Кто человечен, для того человечность — наслаждение, а мудрому она приносит пользу.

3

Учитель говорил:

— Лишь тот, кто человечен, умеет и любить людей, и испытывать к ним отвращение.

4

Учитель говорил:

— Устремленность к человечности освобождает от всего дурного.

5

Учитель сказал:

— Знатность и богатство — это то, к чему люди стремятся; если они нажиты нечестно, благородный муж от них отказывается. Бедность и униженность — это то, что людям ненавистно. Если они незаслуженны, благородный муж ими не гнушается. Как может благородный муж добиться имени, если отвергнет человечность? Благородный муж не расстается с человечностью даже на время трапезы. Он непременно с ней, когда спешит, и непременно с ней, когда находится в опасности.

6

Учитель сказал:

— Я не встречал еще того, кому приятна человечность и отвратительна бесчеловечность. Кому приятна человечность, того не превзойти. Кому же отвратительна бесчеловечность, тот проявляет человечность и избегает соприкосновения со всем бесчеловечным. Окажется ли кто-нибудь способен в течение всего дня стараться быть человечным? Я не встречал людей, которым не хватало бы для этого их сил. Может быть, и есть такие люди, но я их не встречал.

7

Учитель сказал:

— Каждый ошибается в зависимости от своей пристрастности. Вглядись в ошибки человека — и познаешь степень его человечности.

8

Учитель говорил:

— Кто утром слышит о пути, тот может вечером и умереть спокойно.

9

Учитель сказал:

— Кто устремляется к пути, но стыдится, что плохо ест и одевается, с тем говорить не стоит.

10

Учитель сказал:

— В делах под Небесами благородный муж ничем не дорожит и не пренебрегает, но следует тому, что справедливо.

11

Учитель сказал:

— Благородный муж стремится к добродетели,
Малый человек тоскует по своей земле;
Благородный муж предпочитает быть наказанным,
Малый человек надеется на милость.

12

Учитель сказал:

— Когда исходят лишь из выгоды, то множат злобу.

13

Учитель говорил:

— Какие могут быть затруднения, когда способны править государством в соответствии с ритуальным правилом уступчивости? К чему нужен ритуал, когда не способны править государством в соответствии с ритуальным правилом уступчивости?

14

Учитель сказал:

— Не печалься, что тебе нет места,
А печалься о своем несовершенстве;
Не печалься, что тебя никто не знает,
Но стремись к тому, чтоб заслужить известность.

15

Учитель сказал:

— Шэнь! В моем пути все пронзено одним.

Учитель Цзэн с ним согласился.
Когда он вышел, ученики спросили:
— Что это значит?
Учитель Цзэн ответил:
— В пути Учителя одно лишь сострадание до глубины души.

16

Учитель сказал:
— Благородный муж постигает справедливость.
Малый человек постигает выгоду.

17

Учитель сказал:
— Встретив достойного человека, стремитесь с ним сравняться; встретив недостойного, вникайте внутрь себя.

18

Учитель сказал:
— Служа отцу и матери,
Их увещай помягче;
А видишь, что не слушают,
Их чти, им не перечь;
А будут удручать, ты не ропщи.

19

Учитель говорил:
— При живых отце и матери
Далеко от них не уезжай,
А уедешь, будь на одном месте.

20

Учитель сказал:
— Кто не меняет путь отца три года после его смерти, тот может называться почитающим родителей.

21

Учитель сказал:
— Нельзя не помнить о возрасте отца и матери; для сына в этом сразу и радость, и тревога.

22

Учитель сказал:
— Древние предпочитали промолчать,
Стыдясь, что могут не поспеть за словом.

23

Учитель сказал:
— У сдержанного человека меньше промахов.

24

Учитель сказал:
— Благородный муж стремится говорить безыскусно, а действовать искусно.

25

Учитель сказал:
— Добродетель не бывает одинокой, у нее непременно есть соседи.

26

Цзыю сказал:
— Настойчив ты с правителем —
И вот уж опозорен;
Настойчив ты с друзьями —
И дружбы той уж нет.

Глава 5

ГУНЬЕ ЧАН

1

Учитель сказал о Гунье Чане:
— Вот сто́ящий жених. Он, правда, был в тюрьме, но это не его вина.
И отдал ему в жены свою дочь.

2

Учитель отозвался о Нань Жуне:

— Его не отвергают, когда в стране есть путь; он избегает наказания, когда в ней нет пути.

И отдал ему в жены дочь своего старшего брата.

3

Учитель отозвался о Цзыцзяне:

— О, это благородный муж! Но как бы он сумел им стать без благородных мужей из удела Лу?

4

Цзыгун спросил:

— Какой я человек?

Учитель ответил:

— Ты как сосуд.

— Какой сосуд?

— Драгоценный жертвенный сосуд.

5

Кто-то сказал:

— Юн человечен, но лишен красноречивости.

Учитель ответил:

— Зачем ему красноречивость? Кто ищет в бойком языке свою защиту, тот часто будет ненавидим. Не знаю, обладает ли он человечностью, но зачем ему красноречивость?

6

Когда Учитель стал склонять Цидяо Кая поступить на службу, тот ответил:

— *Я* в этом не могу еще довериться себе.

Учитель был доволен.

7

Учитель сказал:

— Путь не в ходу... Взойду на плот и поплыву к морям.

Не Ю ли будет тем, кто поплывет со мной?
Цзылу, услышав это, обрадовался.
Учитель же продолжил:
— Вот Ю... Он превосходит в храбрости меня, но древесину для плота нигде не сыщет.

8

Воинственный из Старших спросил о том, человечен ли Цзылу.
Учитель ответил:
— Не знаю.
Но тот стал снова спрашивать.
Учитель пояснил:
— Ю можно было бы послать в страну, которая выставляет тысячу боевых повозок, руководить набором войска. А обладает ли он человечностью, я не знаю.
— А Цю обладает человечностью?
— Цю можно было бы назначить управляющим селения с тысячью семей или владения, которое выставляет сотню боевых повозок. А обладает ли он человечностью, я не знаю, — ответил Учитель.
— А Чи обладает человечностью?
— Чи можно было бы послать принимать гостей, чтобы он, подпоясавшись, встал у престола. А обладает ли он человечностью, я не знаю.

9

Учитель спросил Цзыгуна:
— Кто из вас лучше, ты или Хуэй?
Цзыгун ответил:
— Как смею я равнять себя с Хуэем? Хуэй, услышав что-либо одно, уже знает остальные десять; а я, услышав что-либо одно, знаю еще лишь о втором.
Учитель сказал:
— Не равен, я согласен, ты ему не равен.

10

Цзай Юй заснул средь бела дня.
Учитель сказал:
— Не вырезать узора на гнилом суку, стену из навоза не отштукатурить. За что же упрекать мне Юя?

Учитель еще сказал:

— Сначала я общался с людьми так: внимая сказанному, верил, что исполнят; теперь же я веду себя иначе: внимая сказанному, жду, когда исполнят. Я так переменился из-за Юя.

11

Учитель сказал:

— Я не встречал еще твердых, несгибаемых людей.

Кто-то заметил:

— Вот Шэнь Чэн.

Учитель возразил:

— Как может быть он несгибаем,
Когда столь многого желает?

12

Цзыгун сказал:

— Я не хочу делать другим то, чего я не хочу, чтобы другие делали мне.

— Цы, это для тебя недостижимо, — заметил Учитель.

13

Цзыгун сказал:

— Можно изведать просвещенность нашего Учителя, но слов о человеческой природе и пути Небесном от него не услышишь.

14

Когда Цзылу что-либо слышал, но выполнить пока не мог, то лишь боялся снова что-нибудь услышать.

15

Цзыгун спросил:

— Почему Кун Просвещенный получил посмертный титул «Просвещенного»?

Учитель ответил:

— Он был сметлив, любил учиться и не стыдился обращаться за советом к низшим, поэтому его назвали «Просвещенным».

16

Учитель говорил о четырех достоинствах Цзычаня, какими обладает благородный муж:

— Он вел себя благоговейно,
С почтительностью служил высшим,
Был благосклонен к простым людям
И обходился с ними справедливо.

17

Учитель говорил:

— Вот Янь Пинчжун умел с людьми общаться: был вежлив и со старым другом.

18

Учитель сказал:

— Цзан Просвещенный поместил большую черепаху в дом, где капители были разукрашены резьбою в форме гор, а столбики на перекладинах — рисунком водорослей. Какой же у него был ум?

19

Цзычжан спросил:

— Что был за человек министр Цзывэнь: он трижды поступал на должность, не выражая радости, и трижды уходил с нее, не проявляя огорчения, и непременно сообщал о сделанном на службе новому министру?

Учитель ответил:

— Это был честный человек.

— А был ли человечен он?

— Не знаю; как он мог быть человечным?

— А что за человек Чэнь Просвещенный? Он был владельцем десяти четверок лошадей, но бросил их, бежал, когда Цуй убил государя Ци; придя в другой удел, сказал: «Походят здесь на нашего вельможу Цуя» и бежал оттуда. Придя еще в один удел, опять сказал: «Походят здесь на нашего вельможу Цуя» и бежал оттуда.

Учитель ответил:

— Это был чистый человек.

— А был ли человечен он?

— Не знаю; как он мог быть человечным?

20

Цзи Просвещенный трижды думал, перед тем как действовать.

Учитель, услышав об этом, сказал:

— Достаточно подумать дважды.

21

Учитель говорил:

— Нин Воинственный вел себя умно, когда в стране был путь, и глупо, когда в ней не было пути. С ним по уму сравняться можно, по глупости — нельзя.

22

Учитель, находясь в уделе Чэнь, воскликнул:

— Я возвращаюсь! Возвращаюсь! Мои сынки стали дерзки и фамильярны. Они достигли всяких совершенств, но не умеют себя ограничивать.

23

Учитель сказал:

— Старший Ровный вместе с Младшим Равным не помнили плохого, поэтому к ним почти никто не питал зла.

24

Учитель вопросил:

— Кто сказал, что Вэйшэн Гао прям? Когда кто-то попросил у него уксуса, то он дал его, выпросив у своего соседа.

25

Учитель сказал:

— Искусные слова, умильный взор, почтительность сверх меры — все это вызывало в Цзо Цюмине стыд и вызывает стыд во мне. Дружить с тем, кого втайне ненавидишь, — такое вызывало в Цзо Цюмине стыд и вызывает стыд во мне.

26

Янь Юань и Цзылу стояли перед Учителем. Он им предложил:

— Почему вы не высказываете своих желаний?

Цзылу ответил:

— Я хотел бы, имея повозку, лошадей и платье на меху, делиться ими с другом и не досадовать, когда они придут в негодность.

А Янь Юань сказал:

— Я хотел бы не кичиться тем, что есть во мне хорошего, и скрыть свои заслуги.

Затем Цзылу спросил:

— Хотелось бы услышать о желании Учителя.

Учитель ответил:

— Дать отдых старым людям,
Быть искренним с друзьями,
Заботиться о младших.

27

Учитель воскликнул:

— Все кончено! Я не встречал того, кто может осудить себя в душе, когда видит, что ошибся!

28

Учитель сказал:

— В любом селении из десяти домов всегда найдутся люди, которые не уступят мне в честности и искренности, но уступят в склонности к учению.

Глава 6

ВОТ ЮН...

1

Учитель сказал:

— Вот Юн, он может быть поставлен ликом к югу.

Чжунгун спросил об учителе Тутовнике Старшем.

Учитель ответил:

— Он может: в нем есть непринужденность.

Чжунгун опять спросил:

— Разве нельзя, правя народом, действовать непринужденно, но хранить при этом строгую почтительность? Не проявляет ли излишнюю непринужденность тот, кто держится непринужденно и непринужденно действует?

— Юн верно говорит, — ответил Учитель.

2

Князь Скорбной Памяти спросил Учителя о том, кто из его учеников любит учиться, и он ответил:

— Был Ян Хуэй, он любил учиться, не срывал ни на ком своего гнева, не повторял ошибок. К несчастью, его жизнь была короткой, он умер. Теперь таких уж нет. Не слышно, чтобы кто-нибудь любил учиться.

3

Цзыхуа был послан в Ци. Учитель Жань пришел просить для его матери зерна.

Учитель ответил:

— Отсыпь ей большой мерой.

Тот снова попросил:

— Прошу добавить.

— Отсыпь в два раза больше, — был ответ.

Учитель Жань отсыпал больше в сотню с лишним раз.

Учитель сказал:

— Чи, уезжая в циское владение, ехал на сытых лошадях, одетый в меховой халат. Я слышал, благородный муж помогает людям не тогда, когда они богаты, а когда бедны.

4

Когда Юань Сы стал управляющим дома Учителя, Учитель дал ему девять сотен мер зерна. Юань Сы отказался.

Учитель сказал:

— Не отказывайся, лучше помоги соседям, землякам.

5

Учитель отозвался о Чжунгуне:

— Пускай бы даже люди не желали, разве отринут горы и потоки бычка из пахотного стада с рогами ровными и рыжей шерстью?

6

Учитель сказал:

— Хуэй мог по три месяца не разлучаться в своем сердце с человечностью, тогда как у других ее хватает лишь на день иль месяц.

7

Благодетельный из Младших спросил:

— Можно ли привлечь Чжун Ю к правлению?

Учитель ответил:

— Ю — человек решительный. С чем он не справится по службе?

— А можно ли и Цы привлечь к правлению?

— Цы — человек понятливый. С чем он не справится по службе?

— А можно ли и Цю привлечь к правлению?

— Цю многое умеет. С чем он не справится по службе?

8

Младший посылал за Минь Цзыцзянем, чтобы поставить его управляющим в свое селение Би. Но Минь Цзыцзянь сказал посланцу:

— Ты откажись за меня поискуснее. Если снова будет звать, переселюсь за реку Вэнь.

9

Боню был болен. Учитель навестил его и, взяв через окно за руку, сказал:

— Увы! Он умирает, такова судьба. Такого человека и поразил такой недуг! Такого человека и поразил такой недуг!

10

Учитель сказал:

— Какой достойный человек Хуэй! Живет в убогом переулке, довольствуясь плетушкой риса и ковшом воды. Другие не выдерживают этих трудностей, Хуэй не изменяет этим радостям. Какой достойный человек Хуэй!

11

Жань Цю сказал:

— Не то чтоб мне не нравился ваш путь, но сил моих недостает.

Учитель ответил:

— В ком сил недостает, на полпути бросают. А ты еще не начинал идти!

12

Учитель просил Цзыся:

— Ты будь, как благородный муж, ученым,
Не будь учен, как малый человек.

13

Когда Цзыю стал управляющим Учэна, Учитель у него спросил:

— Ну как, обрел ли там кого-либо себе?

Цзыю ответил:

— Обрел Таньтай Мемина. Он не идет окольными путями и появляется в моем доме лишь по долгу службы.

14

Учитель сказал:

— Мэн Чжифань был скромен. При бегстве находился в арьергарде, но перед въездом в город подстегнул свою лошадь и молвил: «Я не посмел бы ехать сзади, да конь не шел вперед».

15

Учитель сказал:

— В наш век едва ли избежишь беды, если ты красив, как сунский Чжао, а красноречием жреца Чжу То не обладаешь.

16

Учитель говорил:

— Кто может выходить, минуя дверь?
Но почему не следуют этим путем?

17

Учитель сказал:

— Суть в простаке затмила лоск,
В педанте лоск затмил всю суть,
Лишь в благородном муже
Суть с лоском ровно смешаны.

18

Учитель сказал:

— Люди живы тем, что прямы. Коль обманщик жив и цел, то лишь по случайности.

19

Учитель говорил:

— Узнать — не то, что пожелать,
Желать — не то, что наслаждаться.

20

Учитель сказал:

— Кто возвышается над средним человеком, с тем можно говорить о высшем; но с тем, кто его ниже, о высшем говорить нельзя.

21

Фань Чи спросил о том, что такое знание.

Учитель ответил:

— Следовать долгу пред людьми, чтить демонов и духов, но к ним не приближаться, это и может называться знанием.

Фань Чи спросил о том, что такое человечность.

— Если трудность предпочли успеху, это может называться человечностью, — был ответ.

22

Учитель сказал:

— Умный радуется водам,
Человечный рад горам;
Умный действует,
Человечный погружен в покой;
Умный полон радости,
Человечный долговечен.

23

Учитель говорил:

— Одно лишь изменение в уделе Ци,
И он сравняется с уделом Лу;
Одно лишь изменение в Лу,
И Лу сравняется с путем.

24

Учитель вопрошал:

— Коль кубок уж не кубок, какой же это кубок? Какой же это кубок?!

25

Цзай Во спросил:

— Пусть бы тому, кто человечен, сообщили, что кто-то из людей, известных своей человечностью, упал в колодец, то он бы бросился за ним?

Учитель ответил:

— Зачем ему так поступать? Ведь благородный муж готов идти на смерть, но он не может гибнуть безрассудно; его способны обмануть, но сделать из него глупца нельзя.

26

Учитель сказал:

— Благородный муж, овладевая всей ученостью, тоже может грань не перейти, если будет себя сдерживать правилами ритуала.

27

Учитель встретился с княгиней Наньцзы, и Цзылу был недоволен. Учитель его клятвенно заверил:

— Коль я неверно поступил, пусть Небеса меня отвергнут! Пусть Небеса меня отвергнут!

28

Учитель сказал:

— Незыблемая середина — эта добродетель наивысшая из всех, но давно уже редка среди людей.

29

Цзыгун спросил:

— Что скажете о том, кто широко благотворит народу и способен всем помочь. Может ли он быть назван человечным?

Учитель ответил:

— Почему же только человечным? Не так ли непременно поступают люди высшей мудрости? Об этом ведь пеклись всем сердцем Яо с Шунем! Кто человечен, тот дает другим опору, желая сам ее иметь, и помогает им достичь успеха, желая сам его достигнуть. Умение найти пример вблизи — вот в чем вижу я искусство человечности.

Глава 7

Я ПРОДОЛЖАЮ

1

Учитель сказал:

— Я продолжаю — не творю; я верю в древность и люблю ее чистосердечно. Осмеливаюсь в этом сравниться с Лаопыном.

2

Учитель вопросил:

— В молчании запоминать, учиться ненасытно и наставлять других без устали — что есть во мне из этого?

3

Учитель говорил:

— Я чувствую печаль, когда не улучшают нравы, не уясняют то, что учат, а зная долг, не могут ему следовать и не способны устранить порок.

4

Учитель на досуге
Имел спокойный вид
И выглядел довольным.

5

Учитель сокрушался:

— Как опустился я! Уже давно не снится мне князь Чжоу.

6

Учитель сказал:

— Привязан всей душой к пути,
Ищу поддержку в добродетели,
Исполнен веры в человечность,
Утеху нахожу в искусствах.

7

Учитель говорил:

— Я всем даю советы, начиная с тех, кто мне приносит связку вяленого мяса.

8

Учитель сказал:

— Кто не проникнут горестным порывом, тех не просвещаю, непотрясенных не учу, не повторяю тем, кто не способен отыскать по одному углу три остальных.

9

Когда Учитель находился рядом с человеком в трауре, он никогда не наедался досыта.

10

В тот день, когда Учитель плакал, он не пел.

11

Учитель сказал Янь Юаню:

— Когда используют, то действуем, а отвергают, то скрываемся — так поступаем только мы с тобой.

Цзылу спросил:

— А с кем бы Вы, Учитель, были, когда б вели войска?

Учитель ответил:

— Не с тем, кто может броситься на тигра с голыми руками иль кинуться в реку, не дожидаясь лодки, и умереть без сожаленья. Но непременно — с тем, кто, приступая к делу, полон осторожности и со своей любовью к составлению планов добивается успеха.

12

Учитель сказал:

— Если бы богатства можно было добиться, то ради этого я стал бы даже тем, кто держит плеть. Но раз его нельзя добиться, я буду делать, что мне нравится.

13

Учитель относился бдительно к посту, войне, болезни.

14

Когда Учитель находился в Ци и там услышал музыку «Весенняя», то он в течение трех месяцев не знал мясного вкуса и сказал:

— Не ждал от исполнения музыки такого совершенства.

15

Жань Ю спросил:

— Учитель за Вэйского правителя?

Цзыгун ответил:

— Ладно, я его спрошу.

Войдя к Учителю, спросил:

— Что были за люди Старший Ровный с Младшим Равным?

— Они были древними достойными людьми, — последовал ответ.

— Они на что-нибудь роптали?

— Они стремились к человечности и обрели ее. На что же было им роптать?

Выйдя от Учителя, Цзыгун сказал:

— Учитель не за Вэйского правителя.

16

Учитель говорил:

— Я радость нахожу и в том, когда живу на отрубях с водой, сплю, подложив ладошку вместо изголовья. Богатство, знатность, обретенные нечестно, мне кажутся проплывшим мимо облаком.

17

Учитель сказал:

— Когда бы мне было добавлено еще немного лет, то в пятьдесят я взялся бы за изучение «Перемен» и смог бы избежать больших ошибок.

18

Учитель пользовался образцовым говором,
касаясь Песен, Книги и Обрядов.
Всегда использовал при этом образцовый говор.

19

Князь Шэ спросил Цзылу о том, что за человек Конфуций. Цзылу не ответил.

Учитель сказал:

— А почему ты не сказал: «Вот это человек какой — не помнит в горестном порыве о еде, испытывая радость, забывает все печали и не замечает подступившей близко старости»?

20

Учитель говорил:

— Я обладаю знанием не от рождения, но древность возлюбя, стремлюсь к ней всеми силами.

21

Учитель не высказывался о чудесном, силе, смуте, духах.

22

Учитель сказал:

— Я непременно нахожу себе наставника в каждом из двоих моих попутчиков. Я выбираю то, что есть в них хорошего, и следую ему, а нехорошего у них я избегаю.

23

Учитель молвил:

— У меня от Неба добродетель! А Хуань Туй, что может он мне сделать?!

24

Учитель говорил:

— Сынки, вы, верно, думаете, что я скрытен. А у меня нет от вас тайн. Что я ни делаю, все разделяю с вами. Я именно таков, сынки.

25

Учитель обучал по четырем разделам: учености, поступкам, честности и преданности.

26

Учитель говорил:

— Я не надеюсь уж на встречу с человеком совершенной мудрости. Если удалось бы встретиться с благородным мужем, то этого было бы достаточно.

Учитель продолжал:

— Я не надеюсь уже встретиться с хорошим человеком. Если удалось бы встретить обладающего постоянством, то этого было бы достаточно. Трудно тому быть

постоянным, кто, не имея, претендует на наличие, пустое выдает за полное, нужду считает избытком.

27

Учитель удил рыбу, но не пользовался сетью; охотясь с привязной стрелой, не бил сидящих птиц.

28

Учитель сказал:

— Бывают, видимо, творящие без знаний. Я не таков. Слышать же о многом, выбирать в нем лучшее и следовать ему, не забывать то многое, что видишь, — это в знании второстепенно.

29

С людьми Хусяна было трудно говорить. Но отрок из тех мест был принят Учителем. Ученики пришли в недоумение.

Учитель им сказал:

— Я не позволил ему удалиться и разрешил войти, чтобы не быть излишне строгим. Если человек себя очистил прежде, чем войти, я одобряю его очищение без поручительства за то, что было сделано им в прошлом.

30

Учитель говорил:

— Далека ли человечность? Едва к ней устремлюсь, она ко мне приходит.

31

Сыбай из Чэнь спросил Конфуция о том, знал ли князь Блестящий ритуал, и он ответил:

— Знал.

Когда Конфуций вышел, Сыбай, поклонившись Ума Ци, провел его вперед и стал расспрашивать:

— Я слышал, благородный муж лишен пристрастности. Он, что же, тоже может быть пристрастным? Ведь князь взял в жены деву из удела У, носившую такую же, как у него, фамилию, но дал ей имя «Первая из У». Коль знает ритуалы князь, то кто же их тогда не знает?

Ума Ци поведал все Учителю, и он воскликнул:
— Мне везет. Люди непременно узнают о каждой из моих ошибок.

32

Когда Учитель пел в компании с другими и ему нравилось их пение, то он просил начать сначала и лишь затем к ним присоединялся.

33

Учитель говорил:
— В учености я, может быть, не уступлю другим, но в том, чтоб лично стать на деле благородным мужем, я не достиг еще успеха.

34

Учитель вопрошал:
— Разве посмею я претендовать на то, что обладаю высшей мудростью и человечностью? Но я стремлюсь к ним ненасытно, учу других без устали, вот это лишь и можно обо мне сказать.
Гунси Хуа заметил:
— Но мы, ученики, этому как раз не можем научиться.

35

Когда Учитель тяжко заболел, Цзылу просил позволить вознести молитву. Учитель у него спросил:
— А делают ли так?
Цзылу ответил:
— Делают. В Молитвеннике сказано: «Воздам молитву за тебя духам Неба и Земли».
Учитель возразил:
— Я уж давно молюсь.

36

Учитель говорил:
— Расточительность ведет к непокорности, а бережливость — к захудалости. Но лучше захудалость, чем непокорность.

37

Учитель молвил:
— Благородный муж спокоен, не стеснен,
Малых же людей всегда гнетут печали.

38

Учитель ласков был, но строг.
Внушителен, но не свиреп,
Полон почтительности и покоя.

Глава 8

ВЕЛИКИЙ ПЕРВЕНЕЦ

1

Учитель сказал:
— Великий Первенец, он может называться человеком высшей добродетели. Три раза уступал трон Поднебесной, и народ не мог от восхищения даже найти слова, чтобы его восславить.

2

Учитель говорил:
— Почтительность вне ритуала утомляет, а осторожность вне его ведет к трусости; при смелости вне ритуала поднимают смуту, от прямоты вне ритуала становятся нетерпимы.

Если благородный муж привязан душой к близким, в народе процветает человечность; если не забыты им старые друзья, народ не поступает низко.

3

Когда учитель Цзэн был тяжко болен, то он созвал своих учеников и им сказал:
— Откройте мои ноги! Откройте мои руки! В Песнях сказано:

С трепетом остерегайся,
Словно ты пред краем бездны,
Словно ты на тонком льду.

Отныне стало мне понятно, что я могу остаться цел, мои сынки!

4

Когда учитель Цзэн был тяжко болен и Почтительный из Старших навестил его, учитель Цзэн сказал:

— Птицы перед смертью горестно кричат, люди перед смертью говорят о важном. Благородный муж находит тройственную ценность, заключенную в пути: во внешности, манерах он далек от грубости и небрежения, серьезным выражением лица способен заслужить доверие, в речах, их тоне избегает пошлости и фальши. А что до расстановки жертвенных чаш, для этого имеются свои чины.

5

Учитель Цзэн сказал:

— Умелому советоваться с неумелым, талантливому спрашивать у бесталанного, иметь, но делать вид, что не имеешь, пустым казаться, когда полон, и оставлять обиду без ответа — так вел себя мой друг когда-то.

6

Учитель Цзэн сказал:

— Не это ль благородный муж, кому мы можем вверить сироту, судьбу страны размером в сотню ли, кого нельзя склонить к измене долгу? Он, безусловно, благородный муж.

7

Учитель Цзэн сказал:

— Ученый человек не может не быть твердым и решительным, ибо его ноша тяжела и путь его далек. Ношей ему служит человечность — это ли не тяжесть? Завершает путь, лишь умирая, — это ли не даль?

8

Учитель говорил:

— Я вдохновляюсь Песнями,

Ищу опору в ритуалах
И завершаю музыкой.

9

Учитель сказал:
— Народ можно принудить к послушанию
его нельзя принудить к знанию.

10

Учитель говорил:
— Быть смуте, коль смелы и ненавидят свою бедность. Быть смуте, коль чрезмерно ненавидят людей, лишенных человечности.

11

Учитель предостерегал:
— Блистай ты хоть великолепием талантов князя Чжоу, но если скуп ты и заносчив, из остального в тебе будет не на что смотреть!

12

Учитель говорил:
— Найти непросто человека, который проучился бы три года без помышления о жалованье.

13

Учитель сказал:
— Будь глубоко правдив, люби учиться, стой насмерть, совершенствуя свой путь. Страна в опасности — ее не посещай, в стране мятеж — там не живи. Когда под Небесами следуют пути, будь на виду, а нет пути — скрывайся. Стыдись быть бедным и незнатным, когда в стране есть путь; стыдись быть знатным и богатым, когда в ней нет пути.

14

Учитель говорил:
— В дела другого не вникай,
Когда не на его ты месте.

15

Учитель сказал:

— Какими необъятными, чарующими становятся звуки мелодии, когда ее начало исполняет мастер Чжи, а конец венчает песня «Крики чаек»!

16

Учитель сказал:

— Я не понимаю, как может быть необузданный лукавым, тупой нечестным и невежественный лживым.

17

Учитель говорил:

— Учись, словно не можешь обрести
И будто опасаешься утратить.

18

Учитель воскликнул:

— Возвышенны, велики Шунь и Юй!
Владея Поднебесной, они держались от нее в стороне.

19

Учитель воскликнул:

— Каким великим государем был Яо! Как он возвышен, величав! Велико только Небо, и только Яо подражал ему. Как он необъятен! Народ не мог найти слова, чтобы его восславить. Как велики, возвышенны его свершения! Как лучезарна им предначертанная просвещенность!

20

У Шуня было только пять сановников, и в Поднебесной настал мир. Царь Воинственный изрек:

— У меня есть десять способных к управлению сановников.

Конфуций по этому поводу сказал:

— Не правда ли, как трудно находить таланты? В этом наибольшего успеха достигли Яо и Шунь. А у царя Воинственного среди его десяти сановников имелась одна жен-

щина, поэтому их у него, по сути, было только девять. Царь Просвещенный владел двумя третями Поднебесной, но при этом продолжал быть подданным дома Инь. Можно сказать, что дом Чжоу обладает наивысшими достоинствами.

21

Учитель сказал:

— Вот Юй — я в нем не нахожу изъяна. Он питался очень скудно, но богам и духам приносил обильные дары; одевался худо, но на свою ритуальную одежду украшений не жалел; жил в лачуге, но отдавал все силы рытью каналов, чтобы отвести воды потопа. Я в нем не нахожу изъяна.

Глава 9

УЧИТЕЛЬ РЕДКО...

1

Учитель редко говорил о выгоде, судьбе и человечности.

2

Житель улицы Состоятельных сказал:

— Как велик Конфуций! Его ученость необъятна, вот только не сумел ни в чем прославиться.

Учитель, услышав об этом, обратился к своим ученикам:

— Чем же мне заняться? Заняться ль управлением колесницей? Заняться ли стрельбой из лука? Займусь-ка управлением колесницей.

3

Учитель сказал:

— По ритуалу, шапке надлежит быть из пеньки, но ныне ее делают из шелка, что дешевле, и в этом я следую за всеми.

По ритуалу, надо кланяться внизу у входа в залу, но ныне кланяются наверху, что дерзко. Пусть буду против всех, но кланяюсь внизу.

4

Учителю были чужды четыре недостатка: склонность к домыслам, излишняя категоричность, упрямство, себялюбие.

5

Когда Конфуцию угрожали в Куане, он сказал:

— Разве после смерти государя Просвещенного тут, во мне, не уцелела просвещенность? Если бы Небо пожелало эту просвещенность погубить, то я не смог бы приобщиться к ней. Но Небеса ее не погубили. А куанцы... Как им со мною справиться?

6

Кравчий спросил Цзыгуна:

— Как много у Учителя способностей, талантов! Он обладает высшей мудростью?

Цзыгун ответил:

— Воистину Небо позволило ему приобщиться к высшей мудрости. Еще он наделен многими талантами.

Учитель, услышав об этом, сказал:

— Знает ли меня кравчий? Я был незнатен в молодости, поэтому знал много простых профессий. А много ли умеет благородный муж? Совсем немного.

7

Лао сказал:

— Учитель говорил: «Я умел много, так как не был испытан на службе».

8

Учитель сказал:

— Есть ли у меня какие-либо знания? Их нет. Но когда селяне просят у меня совета, я, не имея никакого представления об их деле, выясняю только, где его начало и конец, и больше ничего не объясняю.

9

Учитель горестно изрек:

— Не прилетает благовещий феникс,

Не шлет река предначертаний,
Свершается мой час последний!

10

Когда Учитель встречался с человеком в траурном либо церемониальном одеянии или со слепцом, то при виде их всегда вставал, а подходя к ним, непременно ускорял шаг.

11

Печально вздыхая, Янь Юань сказал:

— Смотрю — оно все выше, вникаю — все сокрытей, гляжу — передо мною, то вдруг уж позади. Учитель сразу все не раскрывает, умеет завлекать людей. Он всесторонне просвещает нас и сдерживает ритуалом. Мне это не отбросить, даже если пожелаю.

И вот когда все мои силы на исходе, оно как будто уже рядом. Я хочу следовать за ним, но не могу.

12

Учитель тяжело заболел, Цзылу послал к нему для несения службы своих учеников. Когда Учителю стало лучше, он сказал:

— Уже давно Цзылу совершает лицемерные поступки. Кого я обману, считая, что обрел подданных, когда на самом деле их у меня нет? Небо обману? Ужель мне лучше умереть в окружении подданных, чем на руках моих учеников? Пусть даже и не удостоюсь пышных похорон, но ведь меня не бросят после смерти на дороге!

13

Цзыгун спросил:

— Есть тут у нас изделие из прекрасной яшмы. Спрятать ли его в шкатулку и хранить или продать достойному ценителю?

Учитель ответил:

— Продать! Продать! Я жду ценителя.

14

Учитель хотел уйти жить к восточным варварам.

Кто-то воскликнул:

— Как же Вы сможете там жить? Они ведь так грубы!

Учитель ответил:

— Какая грубость может быть там, где благородный муж?

15

Учитель сказал:

— Когда из Вэй я возвратился в Лу, музыка была исправлена. Все оды, гимны обрели свои места.

16

Учитель говорил:

— На стороне служить князю и сановникам, а дома — своему отцу и старшим братьям; не сметь пренебрегать заботой об умерших и пьяным от вина не быть — что есть во мне из этого?

17

Учитель, стоя на берегу реки, сказал:

— Все уходящее, как эти воды, не прекращает своего движения день и ночь.

18

Учитель сказал:

— Я не встречал еще того, кто любил бы добродетель так же сильно, как чувственные наслаждения.

19

Учитель сказал:

— К примеру, если, насыпая холм, я останавливаюсь, хотя мне надо еще высыпать последнюю плетушку, чтобы завершить работу, то эта остановка зависит от меня. Или, к примеру, если, ровняя землю, я высыпаю сначала лишь одну плетушку, то это будет продвижение вперед, которое зависит от меня.

20

Учитель говорил:

— Это не Хуэй ли был, кто никогда не отвлекался, когда я с ним беседовал?

21

Учитель сказал о Янь Юане:

— О нем моя кручина! Я видел, как вперед он продвигался, но никогда не видел, чтобы останавливался.

22

Учитель говорил:

— Бывает, появляются ростки, но не цветут;
Бывает, что цветут, но не дают плодов.

23

Учитель сказал:

— Младших по возрасту надо уважать. Как знать, возможно, в будущем они будут не хуже нас? Но недостоин уважения тот, кто не обрел известности, дожив до сорока-пятидесяти лет.

24

Учитель сказал:

— Как можно не соглашаться со справедливым замечанием? Но при этом важно самому исправиться. Как можно не радоваться деликатно высказанному совету? Но при этом важно вникнуть в его суть. Я не могу помочь тем людям, которые лишь соглашаются, но себя не исправляют и радуются, не вникая в суть.

25

Учитель сказал:

— Главное — будь честен и правдив; с теми, кто тебе не равен, не дружи и не бойся исправлять свои ошибки.

26

Учитель сказал:

— Можно с полководцем разлучить солдат.
Но нельзя стремлений у простых людей отнять.

27

Учитель сказал:

— Это не Ю ли, кто не стыдится стоять рядом с одетыми в меха лисицы и енота, когда на нем накинут изношенный халат, подбитый сбившейся пенькой?

Коль не завистлив и не жаден,
Что может сделать он дурного.

Цзылу эти стихи повторял всю жизнь.

Учитель на это заметил:

— Для достижения добра этого недостаточно.

28

Учитель сказал:

— Становится известно, как стойки сосна и кипарис,
Лишь с наступлением холодного сезона.

29

Учитель говорил:

— Знающий не сомневается,
Человечный не трѐвожится,
Смелый не боится.

30

Учитель сказал:

— С кем можно сообща учиться, не всегда годен для того, чтобы вместе с ним идти по пути; с кем можно идти по пути, не всегда годен для того, чтобы вместе с ним на пути прочно стоять; с кем можно стоять прочно, не всегда годен для того, чтобы вместе с ним применяться к обстоятельствам.

31

Колышутся, волнуются
Цветы на ветках сливы.
Я ли о тебе не думаю?
Да дом твой далеко отсюда.

Учитель по поводу этих строк заметил:

— Не думает. А если бы думал, то было бы недалеко.

Глава 10

В СВОЕЙ ДЕРЕВНЕ

1

В своей деревне Конфуций казался простодушным и в речи безыскусным, а при дворе и в храме предков он говорил красноречиво, хотя и мало.

2

В ожидании аудиенции, беседуя с низшими чинами, он казался ласковым, в беседе с высшими чинами — твердым.

В присутствии князя он двигался с почтительным и важным видом.

3

Когда князь приказывал ему принять гостей, он как бы и в лице менялся, и ноги у него будто подгибались. Он кланялся по сторонам стоящим вместе с ним сановникам, поднимая к груди сложенные руки, при этом его одежда не собиралась в складки, и спешил вперед, растопырив руки, словно крылья. Когда же гости уходили, обязательно докладывал:

— Гости уже больше не оглядываются.

4

Когда входил в дворцовые ворота, казалось, изгибался весь, словно в них не помещался. При остановке не вставал посередине и проходил, не наступая на порог.

Подходя к престолу, он как бы и в лице менялся, и ноги у него будто подгибались, и слов ему, похоже, не хватало.

Вот, подобрав полу, он поднимался в зал, казалось, весь изогнутый, и, затаив дыхание, словно не дышал. Когда же выходил из зала и спускался на одну ступень, его лицо выражало облегчение и он казался удовлетворенным. Спустившись с лестницы, спешил вперед, растопырив руки, словно крылья, и с благоговейным видом возвращался на свое место.

5

Когда он держал скипетр князя, то, казалось, изгибался весь, словно удержать не мог. Он поднимал его, словно в поклоне, и опускал, как будто собираясь что-то передать, с трепещущим видом и словно изменившимся лицом он осторожно, как по перекладине, шел мелкими шажками.

При поднесении подарков у него было спокойное лицо, при частных встречах он выглядел довольным.

6

Благородный муж не носил оторочек из пурпурной и коричневой материи, не использовал розовую и фиолетовую ткани для одежды, в которой ходил дома.

В жару он надевал легкую одежду из тонкой грубой ткани и всегда носил ее поверх рубашки.

Он носил черный кафтан с халатом из каракуля, белый — с дохой из пыжика и желтый — с лисьей шубой.

Для дома у него был длинный меховой халат с коротким правым рукавом.

Во время сна всегда пользовался коротким одеялом в половину своего роста.

Сидел на коврике из толстых шкур лисицы и енота. Когда кончался траур, надевал на пояс все подвески. Всегда носил лишь юбки, сшитые из обрезков ткани, за исключением случаев, когда участвовал в какой-либо торжественной церемонии.

Когда шел выразить соболезнование, не надевал халата из каракуля и черной шапки.

В первый день года всегда являлся ко двору в придворном одеянии.

7

Когда постился, непременно надевал чистое холщовое белье. В это время ел другую пищу и не сидел дома где обычно.

8

Он не отказывался от обрушенного риса и измельченного мяса. Не ел скисающего риса, начавших портиться рыбы или мяса. Не ел пищу с дурным запахом и цветом.

Не ел того, что было плохо приготовлено и подано не вовремя. Не ел неправильно разделанного мяса. Не ел без соответствующего соуса.

Пусть даже было бы и много мяса, он избегал съедать его больше, чем риса. И лишь в вине себя не ограничивал, но не был пьяным.

Отказывался от вина и мяса, купленных на рынке.

В еде не обходился без имбиря.

Ел немного.

9

Участвуя в княжеском жертвоприношении, он никогда не оставлял жертвенного мяса на ночь. В других же случаях он не оставлял его более чем на три дня. И его не ел, если оно лежало более трех дней.

10

Ел молча; улегшись спать, не разговаривал.

11

Даже когда ел грубую простую пищу, то всегда приносил из нее немного в жертву и при этом выражал всем своим видом строгую почтительность.

12

Он не садился на циновку, постланную криво.

13

Когда был на пиру в своей деревне, то уходил с него лишь после стариков.

14

Когда в его деревне изгоняли демонов поветрий, он стоял на восточной лестнице в парадном одеянии.

15

Когда передавал кому-нибудь из другого княжества с тем, кто туда ехал, привет, то, провожая уезжавшего, дважды ему кланялся.

16

Когда сановник Благодетельный прислал ему лекарство, он взял его с поклоном и сказал:

— Я не знаю его свойств и не смею им пользоваться.

17

Когда у него сгорела конюшня, Учитель, вернувшись от князя, спросил:

— Никто не пострадал?

О лошадях не спросил.

18

Если князь посылал ему в подарок кушанье, то он, поправив под собой циновку, сразу же его отведывал. Если князь жаловал ему сырое мясо, он варил его и преподносил духам своих предков. Если князь посылал ему в подарок живность, он ее содержал. За столом у князя после того, как князь совершал жертвоприношение, начинал есть с риса.

19

Когда был болен и князь пришел его проведать, он лег головою на восток, разложил на себе придворную одежду, поверх нее перекинул большой парадный пояс.

20

Если князь приказывал ему явиться, то шел, не дожидаясь, когда для него запрягут коней.

21

Входя в Великий храм, расспрашивал обо всем, что там происходило.

22

Когда умирал его друг, которого некому было похоронить, он говорил:

— Я похороню.

23

Друзьям за подарки, будь то даже кони и повозка, но не жертвенное мясо, он не кланялся.

24

Не лежал в постели; словно неживой, не сидел среди домашних в позе человека, принимающего гостя.

25

Встречая человека в траурной одежде, даже если это был его приятель, Учитель неизменно проявлял к нему глубокую почтительность. Когда встречал кого-нибудь в парадном головном уборе иль слепца, то, даже если это были люди, с которыми он ежедневно виделся, всегда к ним относился с церемонной вежливостью.

Когда ехал в повозке и встречал людей, одетых в траурное платье, то наклонялся из почтительности к ним вперед. Он так же поступал при встрече с тем, кто нес важные государственные документы.

Когда, случалось, стол ломился от различных угощений, Учитель обязательно приподнимался с выражением почтительности на лице.

В грозу, при неожиданном ударе грома, завывании ветра, он выражал всем своим видом глубочайшую почтительность.

26

Когда он залезал в повозку, то держался прямо, ухватившись за веревочные поручни.

В повозке не оглядывался, говорил неторопливо и не показывал руками куда ехать.

27

Когда увидели, каким было выражение его лица, взлетели и, сделав круг, всей стаей опустились.

— Умеют выбрать время! Умеют выбрать время эти цесарки с горного моста! — сказал Учитель.

Цзылу им поклонился. Они взмахнули трижды крыльями и улетели.

Глава 11

ПРЕЖДЕ ЛЮДИ, ИЗУЧАЯ...

1

Учитель сказал:

— Прежде люди, изучая ритуал и музыку, были просты и безыскусны, после они стали в этом деле благородными мужами. Если придется выбирать, я предпочту то, как изучали прежде.

2

Учитель сказал:

— Нет у моих ворот никого из тех, кто был со мной между княжествами Чэнь и Цай.

3

Янь Юань, Минь Цзыцзянь, Жань Боню, Чжунгун отличались в своей жизни добродетелью; Цзай Во, Цзыгун красноречиво говорили; Жань Ю, Цзи Лу познали толк в делах управления; Цзы Ю, Цзыся обрели ученость.

4

Учитель говорил:

— Хуэй не помогает мне:

В моих речах он всем доволен.

5

Учитель сказал:

— С какой почтительностью Минь Цзыцзянь относится к отцу и матери! Даже чужие люди не могут ни к чему придраться в том, что говорят о нем его родители и братья.

6

Нань Жун неоднократно повторял стихи о «скипетре из белой яшмы». Конфуций дал ему за это в жены дочь своего старшего брата.

7

Благодетельный из Младших спросил у Конфуция о том, кто из его учеников любит учиться. Он ответил:

— Был Янь Хуэй, он любил учиться. К несчастью, его жизнь была короткой, он умер. Теперь таких уж нет.

8

Когда Янь Юань умер, его отец Янь Лу попросил Учителя продать повозку, чтобы купить саркофаг для гроба сына. Учитель сказал:

— Каждый печется о своем сыне, будь его сын талантлив или нет. Когда Ли умер, он был похоронен в гробу без саркофага. Я не стану ради саркофага лишаться повозки и ходить пешком. Я занимаю место за сановниками, поэтому мне не полагается ходить пешком.

9

Когда Янь Юань умер, Учитель воскликнул:

— О! Гибну я от Неба! Гибну я от Неба!

10

Когда Янь Юань умер, Учитель его горько оплакивал. Ученики ему сказали:

— Учитель, не горюйте так!

— Так не горевать? О ком же мне и горевать, как не об этом человеке?

11

Когда Янь Юань умер, ученики решили устроить ему пышные похороны. Учитель им сказал:

— Этого делать нельзя.

Но они устроили ему пышные похороны.

Учитель сказал:

— Хуэй на меня смотрел как на отца, а я не смог отнестись к нему как к сыну. В этом не моя вина, а ваша, дети!

12

Цзи Лу спросил о служении духам умерших и богам. Учитель ответил:

— Не зная, как служить живым,
Сумеешь ли служить их духам?
— Осмелюсь узнать, что такое смерть?
— Не зная жизни,
Как познаешь смерть?

13

В присутствии Учителя Минь Цзы держался вежливо и строго, Цзылу выглядел решительным и твердым, Жань Ю, Цзыгун казались мягкими людьми. Учитель был доволен.

— Такие, как Чжун Ю, не умирают своей смертью.

14

Когда в княжестве Лу стали перестраивать длинную сокровищницу, Минь Цзыцзянь спросил:

— А что, если ее восстановить? Зачем непременно перестраивать?

Учитель тогда о нем сказал:

— Обычно он молчит,
А скажет — попадет точно.

15

Учитель спросил:

— С какой стати в моем доме гусли, Ю?

После этого другие ученики перестали уважать Цзылу.
Учитель о нем говорил:

— Он поднялся в залу,
Но не дошел до внутренних покоев.

16

Цзыгун спросил:

— Кто лучше, Ши или Шан?

Учитель ответил:

— Ши переходит через край, Шан не доходит.
— Тогда Ши лучше?

— Переходить не лучше, чем не доходить, — сказал Учитель.

17

Младший был богаче князя Чжоу, а Цю еще больше умножал его состояние, собирая подати. Учитель обратился к своим ученикам:

— Сынки! Можете открыто, с барабанным боем, на него напасть. Я не считаю его больше моим учеником.

18

Чай неумен!
Шэнь туп,
Ши неглубок,
Ю неотесан!

19

Учитель сказал:

— Хуэй, почти достигший совершенства, пребывает в безысходной нищете. А Цы, не удостоенный Небесного призвания, редко ошибается в своих расчетах и становится день ото дня богаче.

20

Цзычжан спросил, в чем заключается стезя хорошего человека. Учитель ответил:

— Он не следует по стопам плохих людей, но и не доходит до внутренних покоев.

21

Учитель спросил:
— Считать ли благородным мужем
Того, кто одобряет верные суждения?
Или он только внешне кажется достойным?

22

Цзылу спросил:

— Что слышу, тут же исполнять?

Учитель ответил:

— У тебя живы отец и старший брат, как же тебе можно тут же исполнять то, что слышишь?

Жань Ю спросил:

— А мне, что слышу, тут же исполнять?

Учитель ответил:

— Что слышишь, тут же исполняй.

Гунси Хуа спросил:

— Когда Ю задал вопрос, исполнять ли ему тут же то, что слышит, Вы сказали, что у него живы отец и старший брат. Когда же Цю задал вопрос, Вы ему сказали, чтобы он тут же исполнял, что слышит. Я не понимаю, почему Вы им ответили по-разному, и прошу мне объяснить.

Учитель ответил:

— Цю медлит, поэтому я его подталкиваю; Ю рвется обогнать, поэтому я его удерживаю.

23

Когда куанцы, угрожавшие Учителю, его отпустили, Янь Юань пришел позднее. Учитель сказал:

— Я думал, ты уже мертв.

— Как я посмею умереть, когда Учитель жив?

24

Цзыжань из Младших спросил, можно ли назвать Чжун Ю и Жань Цю великими подданными. Учитель ответил:

— Я думал, Вы спросите о чем-нибудь особенном, а Вас интересуют Ю и Цю! Кого зовут великим подданным, тот честно служит государю и удаляется, когда не может более так действовать. А Ю и Цю можно назвать полезными подданными.

— Значит, они будут послушны?

— Убить правителя или отца не согласятся и они, — сказал Учитель.

25

Когда Цзылу назначил Цзыгао управляющим селения Би, Учитель заметил:

— Губишь у другого человека сына.

Цзылу возразил:

— Там есть народ, есть алтари земли и злаков. Чтобы тебя считали знающим, совсем не обязательно учиться.

Учитель ответил:

— Вот почему мне неприятны эти мастера красиво говорить.

26

Когда Цзылу, Цзэн Си, Жань Ю и Гунси Хуа сидели подле Учителя, он им сказал:

— Забудьте, что я вас немного старше. Вот вы все время жалуетесь: «Нас не ценят». А если бы нашелся кто-нибудь и оценил ваши способности, то как бы вы это использовали?

Первым поспешил ответить Цзылу:

— Если бы я управлял владением, способным выставить тысячу боевых повозок, то, пусть бы оно даже было сжато между большими царствами, страдало бы от вражеских нашествий и испытывало тяжкий голод, в нем за три года все прониклись бы отвагой и сознанием долга.

Учитель на это усмехнулся и затем спросил Жань Цю:

— А что ты, Цю, скажешь?

— Если бы я управлял владением размером в шестьдесят или семьдесят, а то хотя бы и в пятьдесят или шестьдесят ли, то за три года я привел бы весь живущий там народ к достатку. Но для распространения ритуала с музыкой был бы нужен благородный муж.

— А что ты, Чи, скажешь? — Учитель спросил Гунси Хуа.

— Нельзя сказать, что я это умею, но я хотел бы научиться и тогда желал бы стать младшим распорядителем церемониала, чтобы прислуживать при полном ритуальном облачении в храме предков и на встречах государей.

— А что ты, Дянь, скажешь? — обратился Учитель к Цзэн Си.

Замолкли струны, с их последним отзвуком Цзэн Си отложил лютню, поднялся и ответил:

— У меня другое, чем у них, желание.

— Что же тут плохого? — сказал Учитель. — Ведь каждый высказывает свое желание.

— В конце весны, когда уж сотканы весенние одежды и находились бы со мной пять-шесть молодых людей

и шесть-семь подростков, омыться бы в водах И, побыть бы на ветру у алтаря Дождя и с песней возвратиться.

Учитель, глубоко вздохнув, сказал:

— Хочу быть с Дянем.

Когда трое остальных вышли, Цзэн Си, отстав от них, спросил Учителя:

— Как вам понравились их речи?

— Каждый из них лишь высказал свое желание, — ответил Учитель.

— Над чем вы усмехнулись в словах Ю?

— Государством управляют с помощью ритуала, его же речь была такой заносчивой, поэтому я и усмехнулся, — сказал Учитель.

— А разве Цю не хотел бы править государством?

— Где же ты видел, чтобы земли в шестьдесят или семьдесят, а то хотя бы в пятьдесят или в шестьдесят ли не были государством?

— А разве Чи не хотел бы править?

— Храм предков, встречи государей — чье это дело, как не правителей? Если бы Чи был младшим, то кто бы мог стать старшим?

Глава 12

ЯНЬ ЮАНЬ

1

Янь Юань спросил о том, что такое человечность.

Учитель ответил:

— Быть человечным — значит победить себя и обратиться к ритуалу. Если однажды победишь себя и обратишься к ритуалу, все в Поднебесной признают, что ты человечен. От самого себя, не от других, зависит обретение человечности.

— А не могли бы вы объяснить более подробно? — продолжал спрашивать Янь Юань. Учитель ответил:

— Не смотри на то, что чуждо ритуалу,
Не внемли тому, что чуждо ритуалу,
Не говори того, что чуждо ритуалу,
Не делай ничего, что чуждо ритуалу.

Янь Юань сказал:

— Я хоть и несметлив, позвольте мне заняться исполнением этих слов.

2

Чжунгун спросил о том, что такое человечность.

Учитель ответил:

— Это когда ведут себя на людях так, словно вышли встретить важную персону, руководят народом так, словно совершают важный жертвенный обряд; не делают другим того, что не хотят себе; не вызывают ропота в стране, не вызывают ропота в семействе.

Чжунгун сказал:

— Я хоть и несметлив, позвольте мне заняться исполнением этих слов.

3

Сыма Ню спросил о том, что такое человечность.

Учитель ответил:

— Кто человечен, тот говорит с трудом.

— Говорить с трудом — это вы и называете человечностью? — переспросил Сыма Ню.

Учитель пояснил:

— Можно ли без труда сказать о том, что трудно сделать?

4

Сыма Ню спросил о том, каким должен быть благородный муж. Учитель ответил:

— Благородный муж лишен тревоги и боязни.

— Лишен тревоги и боязни — такого только вы и называете благородным мужем? — переспросил Сыма Ню.

Учитель пояснил:

— Если не найдешь в себе изъяна, о чем тогда тревожиться, чего бояться?

5

Сыма Ню посетовал:

— У всех есть братья, только у меня их нет.

Цзыся ему сказал:

— Я об этом вот что слышал. Жизнь и смерть зависят от Небесного веления, родовитость и богатство посылаются с Небес. Если благородный муж почтителен без упущений, вежливо обходится с людьми по ритуалу, то в пре-

делах четырех морей каждый будет ему братом. Зачем тогда ему тревожиться, что у него нет братьев?

6

Цзычжан спросил о том, что можно считать разумным. Учитель ответил:

— Когда ни изощренной клевете, ни пылкой жалобе не удается возыметь воздействие, то это можно называть разумным. Когда ни изощренной клевете, ни пылкой жалобе не удается возыметь воздействие, то это может называться дальновидным.

7

Цзыгун спросил о том, в чем состоит управление государством. Учитель ответил:

— Это когда достаточно еды, достаточно оружия и есть доверие народа.

— А что из названного можно первым исключить в случае необходимости? — спросил Цзыгун.

— Можно исключить оружие.

— А что из остающегося можно первым исключить в случае необходимости? — снова спросил Цзыгун.

— Можно исключить еду.

Смерти издревле никто не может избежать,
Когда ж народ не верит, то не устоять.

8

Цзи Совершенный сказал:

— В благородном муже важна суть. Зачем ему еще быть образованным?

Цзыгун возразил:

— Прискорбно, что вы, Учитель, так рассуждаете о благородном муже. Сказанного не догнать и на четверке лошадей. Без шерсти шкура тигра или леопарда сходна с очищенной от шерсти шкурой собаки и овцы.

9

Князь Скорбной Памяти спросил Ю Жо:

— Как быть? Нынешний год неурожайный, и на покрытие расходов не хватает средств.

Ю Жо ответил:

— А почему бы не взимать налог в размере лишь одной десятой части.

— Я сейчас взимаю две десятых, и мне их не хватает. Как же я обойдусь одной десятой? — возразил князь.

Ю Жо сказал:

— Как может Вам недоставать, когда будет хватать народу? Как может Вам хватать, когда народу не хватает?

10

Цзычжан спросил о том, как возвысить добродетель и обнаружить заблуждение. Учитель ответил:

— Если для тебя всего важнее честность и преданность и ты стремишься к справедливости, то возвысишь добродетель.

Любя кого-нибудь, желают, чтобы он был жив, а если ненавидят — чтобы умер. Желать кому-то, чтобы он был жив иль умер, — это заблуждение.

Тебя влечет к ней не богатство,
А жажда новых впечатлений.

11

Князь Великий из удела Ци спросил Конфуция о том, в чем заключается управление государством. Конфуций ответил:

— Да будет государем государь, слуга — слугой, отцом — отец и сыном — сын.

— Отлично! Воистину, если не будет государем государь, слуга слугой, отец отцом и сыном сын, то, пусть бы даже у меня был хлеб, смогу ли я его вкушать? — ответил князь.

12

Учитель сказал:

— Это только Ю, наверное, может, не дослушав тяжущихся, выносить решение!

Цзылу сразу, не откладывая, выполнял обещанное.

13

Учитель говорил:

— Я разбираю тяжбы не хуже остальных, но надо, чтобы тяжбы не велись.

14

Цзычжан спросил о том, в чем состоит управление государством. Учитель ответил:

— Когда руководишь, забудь об отдыхе.
А выполняя поручение, будь честен.

15

Учитель сказал:

— Благородный муж, овладевая всей ученостью, тоже может грань не перейти, если будет себя сдерживать правилами ритуала.

16

Учитель сказал:

— Благородный муж способствует тому, чтобы в человеке побеждало все, что есть в нем самого хорошего, а не плохое. Малый человек способствует обратному.

17

Благодетельный из Младших спросил Конфуция о том, в чем заключается правление.

Конфуций ответил:

— Правление есть исправление.
Кто же посмеет не исправиться,
Когда исправитесь Вы сами!?

18

Благодетельный из Младших был обеспокоен воровством и спросил совета у Конфуция.

Конфуций ответил:

— Коль сами будете скромны в желаниях,
Не согласятся воровать и за награду.

19

Благодетельный из Младших, беседуя с Конфуцием об управлении государством, спросил:

— Что если казнить беспутных ради сближения с теми, у кого есть путь?

Конфуций ответил:

— В Ваших руках бразды правления, зачем же Вам казнить? Вам стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас же устремится ко всему хорошему. У благородного мужа добродетель — ветер, у малых же людей она — трава; склоняется трава вслед ветру.

20

Цзычжан спросил:

— Каким должен быть ученый муж, который мог бы называться выдающимся?

— А что, по-твоему, значит «выдающийся»? — спросил Учитель.

— Всегда быть прославляемым в стране, всегда быть прославляемым в семействе, — ответил Цзычжан.

Учитель возразил:

— Это прославленный, а не выдающийся. А выдающийся бесхитростен и прям, он любит справедливость, вникает в то, что люди ему говорят, и изучает выражение их лиц, заботится о том, чтобы поставить себя ниже других. Он непременно будет выдающимся в стране и выдающимся в семействе. Кого же прославляют, тот внешне проявляет человечность, а поступает вопреки ей, и так живет, не ведая сомнений. Вот он и будет непременно прославляемым в стране и прославляемым в семействе.

21

Фань Чи, сопровождая Учителя на прогулке у алтаря Дождя, сказал:

— Осмелюсь спросить, что значит возвысить добродетель, очиститься от скверны и обнаружить заблуждение?

Учитель ответил:

— Какой хороший вопрос! Разве не возвысить добродетель, если дело предпочесть его итогу? Разве не очис-

титься от скверны, если вступить в бой с дурным в себе и не касаться дурного у других? Разве не изведать заблуждение, если из-за краткой вспышки гнева позабыть себя и своих близких?

22

Фань Чи спросил о том, что такое человечность.
Учитель ответил:
— Это любовь к людям.
Фань Чи спросил о том, что такое знание.
Учитель ответил:
— Это знание людей.
Фань Чи не понял. Тогда Учитель пояснил:
— Если поставить честных над бесчестными,
То можно всех бесчестных сделать честными.
Фань Чи ушел и, встретившись с Цзыся, сказал:
— Я только что был у Учителя и спросил его о том, что такое знание, а он ответил:
— «Если поставить честных над бесчестными,
То можно всех бесчестных сделать честными».
Что это значит?
— Прекрасно сказано! — ответил Цзыся. — Когда Шунь правил Поднебесной и выбирали из толпы, то выдвинули Гао Яо, и все, кто не был человечен, удалились. Когда Тан правил Поднебесной и выбирали из толпы, возвысили И Иня, и все, кто не был человечен, удалились.

23

Цзыгун спросил о том, что значит быть кому-то другом. Учитель ответил:
— Будь честен с ним, когда даешь ему совет, и побуждай к хорошему. Но если он не слушает, то не настаивай, чтобы не быть униженным.

24

Учитель Цзэн сказал:
— Благородный муж завязывает дружеские связи с помощью своей учености, а дружба помогает ему утвердиться в человечности.

Глава 13

ЦЗЫЛУ

1

Цзылу спросил о том, что значит быть правителем.
Учитель ответил:

— Побуждай к усердию своим примером.

Когда Цзылу попросил дальнейших разъяснений, Учитель сказал:

— Не знай отдыха.

2

Чжунгун стал управляющим у Младших и спросил о том, что значит быть правителем. Учитель ответил:

— Будь примером для своих подданных, не вини за малые проступки, выдвигай достойных и способных.

— А как узнать достойных и способных, чтобы их возвысить? — спросил Чжунгун. Учитель ответил:

— Возвысь тебе известных,
А тех, кого не знаешь, —
Отринут ли другие?

3

Цзылу сказал:

— Вэйский государь ждет Вас для дел правления. С чего Вы начнете? Учитель ответил:

— Нужно исправить имена.

— Вы так считаете? — возразил Цзылу. — Это слишком заумно. Зачем их исправлять?

Учитель ответил:

— Как ты необразован, Ю! Благородный муж, наверно, промолчал бы, услышав то, чего не понимает. Ведь если не подходит имя, то неуместно его толкование; коль неуместно толкование, не может быть успеха в деле; а без успеха в деле не процветают ритуал и музыка; но если ритуал и музыка не процветают, то наказания бьют мимо цели, когда же наказания бьют мимо цели, народ находится в растерянности. Поэтому все, что называет благородный муж, всегда можно растолковать, а что он растолковывает, всегда можно исполнить. Благородный муж лишь избегает в толковании небрежности.

4

Фань Чи попросил научить его земледелию.

Учитель ответил:

— Мне не сравниться в этом с земледельцами.

Фань Чи попросил научить его возделывать огород.

Учитель ответил:

— Мне не сравниться в этом с огородниками.

Когда Фань Чи вышел, Учитель сказал:

— Какой же малый человек, Фань Сюй!

Когда правитель любит ритуал, никто в народе не осмелится быть непочтительным; когда правитель любит справедливость, никто в народе не осмелится быть непослушным; когда правитель любит правду, никто в народе не посмеет быть нечестным. И если будет так, то отовсюду станет прибывать народ, неся с собою на спине своих детей. Зачем тогда правителю будет нужно самому пахать и сеять?

5

Учитель сказал:

— Если знаешь наизусть все триста Песен, но не разбираешься в порученном тебе государственном деле и не можешь, посланный в чужие земли, самостоятельно вести переговоры, то какая польза в Песнях, пусть ты даже помнишь их так много!?

6

Учитель сказал:

— Когда ведешь себя правильно, то за тобой пойдут и без приказа; когда же ведешь себя неправильно, то не послушают, хоть и прикажешь.

7

Учитель сказал:

— У княжеств Лу и Вэй — братские правления.

8

Учитель говорил о Цзине, сыне князя Вэй, что он был наделен житейской мудростью: когда имел совсем немного, то сказал: «Мне этого почти достаточно!» А стало чуть побольше, заявил: «Все есть почти сполна!» Когда же по-

явилось еще больше, он сказал: «Живу почти совсем роскошно!»

9

В поездке в Вэй с Учителем был Жань Ю, который правил повозкой. Учитель заметил:

— Какое множество людей!

Жань Ю спросил:

— Когда их много, то что еще следует сделать?

— Их обогатить, — ответил Учитель. Жань Ю снова спросил:

— А если станут и богаты, то что еще следует сделать?

— Их обучить, — ответил Учитель.

10

Учитель сказал:

— Когда какой-нибудь правитель пригласит меня на службу, то у него уже в течение года станет лучше, а через три он обретет успех.

11

Учитель воскликнул:

— Воистину, как верно сказано, что если власть в стране в течение ста лет будет принадлежать хорошим людям, то они смогут справиться с насилием и обойтись без казней!

12

Учитель сказал:

— Даже когда приходит к власти истинный правитель, человечность может утвердиться лишь через поколение.

13

Учитель говорил:

— Когда ты исправляешь сам себя, то с чем не справишься в правлении? Когда не можешь сам себя исправить, то как же будешь исправлять других?

14

Когда Жань вернулся с заседания, Учитель спросил:

— Почему пришел так поздно?

— Обсуждали одно государственное дело — ответил ученик.

Учитель возразил:

— Это дело не могло быть государственным. В противном случае я слышал бы о нем, хотя нигде и не служу.

15

Князь Твердый спросил:

— Можно ли одним высказыванием привести страну к расцвету?

Конфуций ответил:

— Этого нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: «Трудно быть правителем и нелегко быть подданным». Если поймешь, как трудно быть правителем, то разве не приблизишься к тому, когда одним высказыванием приводят государство к процветанию?

— А можно ли одним высказыванием погубить страну? — спросил князь.

Конфуций ответил:

— Этого нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: «Мне доставляет радость быть правителем лишь то, когда не возражают на мои слова». Если то, о чем он говорит, прекрасно, разве плохо, что ему никто не возражает? Но если сказанное дурно, и никто не возражает, то разве не приблизишься к тому, чтобы одним высказыванием погубить государство?

16

Князь Шэ спросил, что значит управление государством. Учитель ответил:

— Это когда радуются те, что близко,
И приходят те, что далеко.

17

Когда Цзыся стал управителем Цюйфу, он спросил о том, как должен действовать правитель.

Учитель ответил:

— Не рассчитывай на скорые успехи и не соблазняйся малой выгодой. Поспешишь — и не добьешься цели, соблазнишься малым — и не сделаешь великого.

18

Князь Шэ сказал Конфуцию:

— В моей деревне был один прямодушный человек Его отец украл барана, и он донес на своего отца.

Конфуций ответил:

— В моей деревне прямые люди отличаются от ваших. Отцы там покрывают сыновей, а сыновья — отцов. В этом прямота и состоит.

19

Фань Чи спросил о том, что составляет человечность. Учитель ответил:

— Держать себя с почтительностью дома,
Благоговейно относиться к делу
И честно поступать с другими.
От этого нельзя отказываться,
Даже когда едешь к варварам.

20

Цзыгун спросил:

— Каким надо быть, чтобы могли назвать ученым мужем?

Учитель ответил:

— Ученым может называться человек, стыдливый в своем поведении, способный с честью выполнить приказ правителя во время миссии в чужом краю.

— Осмелюсь узнать, каков следующий за этим?

— Названный в роду почтительным к родителям,
Названный в деревне чтящим старших.

— Осмелюсь узнать, каков следующий за этим?

— Им будет, несомненно, малый человек, чьи речи всегда искренни, а действия решительны. Он ограничен и упрям, но его тоже можно считать «следующим».

— А каковы те, кто в наши дни занят правлением?

— А... мелкие людишки! Они не могут идти в счет!

21

Учитель сказал:

— Не найдя идущего посередине, должны сближаться с необузданным и добросовестным. Необузданные целеустремленны, а добросовестные сдержанны.

22

Учитель сказал:

— У южан имеется высказывание: «В ком нет постоянства, тот не сможет быть даже колдуном и лекарем!» Прекрасно сказано!

Кто непостоянен в своей добродетели,
Часто испытывает стыд.

Учитель пояснил:

— Ему об этом и гадать не надо.

23

Учитель говорил:

— Благородные мужи при разногласии находятся в гармонии; у малых же людей гармонии не может быть и при согласии.

24

Цзыгун спросил:

— Что, если кого-то любят все односельчане?

Учитель ответил:

— Это плохо.

— Что, если кого-то ненавидят все односельчане?

— Это тоже плохо. Будет лучше, если его полюбят лишь хорошие односельчане и невзлюбят плохие, — ответил Учитель.

25

Учитель сказал:

— Легко служить, когда правит благородный муж, но угодить ему непросто. Ему не угодить, если угождать, не следуя пути. Когда же он руководит людьми, то исходит из талантов каждого.

Трудно служить, когда правит малый человек, но угодить ему легко. Ему можно угодить, если даже угождать, не следуя пути. Когда же он руководит людьми, то крайне к ним взыскателен.

26

Учитель говорил:

— В благородном муже скромность сочетается с раскованностью, в малом человеке при отсутствии раскованности много спеси.

27

Учитель сказал:

— Кто тверд, решителен, бесхитростен и говорит с трудом, тот близок к человечности.

28

Цзылу спросил:

— Каким надо быть, чтобы могли назвать ученым мужем?

Учитель ответил:

— Ученым может называться человек, способный увещать и быть доброжелательным. Он увещает друга и относится с доброжелательностью к брату.

29

Учитель сказал:

— Если хороший человек учил людей семь лет,
Их можно посылать в сражение.

30

Учитель сказал:

— Вести сражаться необученных людей значит их бросать.

Глава 14

СЯНЬ СПРОСИЛ

1

Сянь спросил о том, что значит «стыдно».

Учитель ответил:

— Стыдно получать жалованье, и когда в стране есть путь, и когда его там нет.

— А может ли считаться человечностью избавление от тщеславия, высокомерия, зависти и алчности?

— Это можно считать труднодостижимым. Что же касается человечности, то я не знаю, — ответил Учитель.

2

Учитель сказал:

— Не достоин быть ученым тот, кто думает о сытой и спокойной жизни.

3

Учитель говорил:

— Когда в стране есть путь,
Будь прям в поступках и речах;
Когда в ней нет пути,
Будь прям в поступках, в речи осторожен.

4

Учитель сказал:

— У добродетельных людей всегда есть что сказать, но у кого есть что сказать, тот не всегда бывает добродетелен.

Кто полон человечности, тот непременно храбр, но храбрый не всегда исполнен человечности.

5

Наньгун спросил Конфуция:

— И мастерски стрелял из лука, Ао мог передвигать по суше лодки, но это им не помогло и оба плохо кончили. А Юй и Цзи сами пахали землю и обрели всю Поднебесную?

Учитель ничего на это не ответил, но, когда Наньгун Ко вышел, сказал:

— Какой он истинно благородный муж!
Как он почитает добродетель!

6

Учитель говорил:

— Увы, бывает, благородный муж — и нет в нем человечности, но не бывает, чтобы малый человек — и был он человечен!

7

Учитель сказал:

— Как можно быть нетребовательным к тому, кого ты любишь?

Как можно оставлять без наставления того, кому ты предан?

8

Учитель сказал:

— При составлении формулировки Би Чэнь сначала создавал ее вчерне, Ши Шу высказывал об этом свое мнение, ответственный за внешние сношения Цзыюй вносил поправки, Цзычань же из Восточного селения оттачивал.

9

Кто-то попросил Учителя высказаться о Цзычане, и он ответил:

— Это милостивый человек.

Когда попросили высказаться о Цзыси, ответил:

— Это он-то, он-то!

Когда попросили высказаться о Гуань Чжуне, ответил:

— Это был человек! Он отобрал у Бо селение Пянь с тремя сотнями семей, но Бо, хоть был и вынужден питаться грубой пищей, ни разу до своей кончины на него не возроптал.

10

Учитель говорил:

— Трудно бедняку злобы не питать

И легко богатому не быть заносчивым.

11

Учитель сказал:

— У Мэн Гунчо вполне хватало бы способностей для службы управляющим в великих кланах вроде Чжао или Вэй, но он не мог бы быть сановником в таких небольших княжествах, как Тэн или Сюё.

12

Цзылу спросил о том, каков совершенный человек.

Учитель ответил:

— Совершенным можно считать человека с умом Цзана Воинственного Второго, бескорыстием Гунчо, храбростью Чжуанцзы из Бяня, умелостью Жань Цю, облагороженными обрядами и музыкой.

Затем продолжил:

— Но зачем же совершенным людям быть обязательно такими в наше время? Ведь совершенным также можно считать того, кто предпочитает справедливость личной выгоде, жертвует собой в момент опасности и никогда, даже пребывая длительное время в трудных обстоятельствах, не забывает своих обещаний.

13

Учитель спросил у Гунмин Цзя о Гуншу Просвещенном:

— Правда ли что он не говорит, не улыбается и не приобретает?

Гунмин Цзя ответил:

— Тот, кто это вам сказал, преувеличивал. Он говорит ко времени — и никто не устает от его слов; смеется, когда весело, — и никому не докучает его смех; приобретает, если справедлив, — и никого не тяготит его приобретательство.

— Это так. Но разве он так и поступает? — спросил Учитель.

14

Учитель сказал:

— Цзан Воинственный Второй, полагаясь на свое владение Фан, просил у государя Лу о том, чтобы его потом-

ки были оставлены там править. Если скажут, что он не оказывал давления на государя, я в это не поверю.

15

Учитель сказал:

— Князь Просвещенный из удела Цзинь был вероломен и нечестен, князь Столп из Ци был честен и невероломен.

16

Цзылу сказал:

— Князь Столп убил своего брата, принца Цзю, и Шао Ху, служивший принцу, наложил на себя руки, а Гуань Чжун с собой не покончил.

И затем спросил:

— Гуань Чжун не был человечен?

Учитель ответил:

— Князь Столп благодаря усилиям Гуань Чжуна, а не с помощью оружия, девять раз объединял правителей уделов. Сравниться ль с ним по человечности? Сравниться ль с ним по человечности?

17

Цзыгун спросил:

— Гуань Чжун не был человечен? Когда князь Столп убил своего брата Цзю, Гуань Чжун не только не смог умереть, но стал у него первым советником.

Учитель ответил:

— Когда Гуань Чжун стал первым советником у князя Столпа, он сделал его гегемоном у правителей уделов, объединил, исправил Поднебесную. Народ доныне пользуется его милостями. Не будь Гуан Чжуна, мы все ходили бы с распущенными волосами и запахивались налево. Разве он мог позволить себе быть таким же щепетильным, как те простые люди, которые кончают с собой в ямах и оврагах, оставаясь неизвестными?

18

Сановник Чжуань был управляющим у Гуншу Просвещенного и вместе с Просвещенным, по его рекомен-

дации, возвысился при дворе князя. Учитель, услышав об этом, сказал:

— Заслуживает имя «Просвещенного».

19

Когда Учитель заговорил о беспутстве князя Чудотворного из Вэй, вельможа Благодетельный спросил:

— Если это так, то почему же он не погибает?

Конфуций ответил:

— У него Чжуншу Юй ведает приемом чужестранцев, жрец То организует жертвоприношения, а Вансунь Цзя руководит войсками. Как может он погибнуть при таких помощниках?

20

Учитель сказал:

— Трудно исполнить
Обещанное без стеснения.

21

Когда Чэнь Хэн убил князя Простого, Конфуций, омывшись, явился ко двору и сказал князю Скорбной Памяти:

— Чэнь Хэн убил своего государя, прошу его наказать.

— Скажи главам трех семейств, — ответил князь.

Конфуций, отойдя, сказал:

— Я занимаю место за сановниками, поэтому не смею промолчать. А государь велел: «Скажи главам трех семейств».

И он пошел к ним и сказал, но они ответили отказом.

— Я занимаю место за сановниками, поэтому не смел молчать, — сказал Учитель.

22

Цзылу спросил о том, как служить государю. Учитель ответил:

— Не лги и не давай ему покоя.

23

Учитель говорил:
— Благородный муж постигает высшее,
Малый человек постигает низшее.

24

Учитель сказал:
— В древности учились ради улучшения себя,
Ныне учатся, чтобы понравиться другим.

25

Цюй Боюй послал одного человека к Конфуцию.
Сидя с ним, Конфуций его спросил:
— Чем занимается наш господин?
— Господин хотел бы, но еще не может, делать меньше промахов, — ответил он.
Когда посланец Цюй Боюя вышел, Учитель воскликнул:
— Каков посланец! Каков посланец!

26

Учитель говорил:
— В дела другого не вникай,
Когда не на его ты месте.
Учитель Цзэн пояснил:
— Благородный муж не думает о том, что не относится к нему по положению.

27

Учитель сказал:
— Благородный муж стыдится много говорить, когда же действует, то проявляет неумеренность.

28

Учитель сказал:
— Тройственна стезя, что отличает благородного мужа, но мне это не по силам:
Человечный не тревожится,

Знающий не сомневается,
Смелый не боится.
Цзыгун заметил:
— Учитель это о себе сказал.

29

Цзыгун любил давать оценку людям.
Учитель сказал:
— Как ты, должно быть, совершенен, Цы!
А у меня для этих дел нет времени.

30

Учитель сказал:
— Не печалься, что тебя никто не знает,
А печалься о своем несовершенстве.

31

Учитель сказал:

— Не будет ли достойным человеком тот, кто сможет без предубеждения и подозрительности заранее прозреть обман и недоверие?

32

Вэйшэн Му сказал Конфуцию:
— Ради чего ты так хлопочешь, Цю?
Не иначе как хочешь показать свою красноречивость?

— Я не смею быть красноречивым, но мне не по душе упрямцы, — ответил Конфуций.

33

Учитель говорил:

— Коня зовут тысячеверстным, славя его нрав, а не физическую силу.

34

Кто-то спросил:
— Что если за зло платить добром?

Учитель ответил:

— А чем же за добро платить?
Плати за зло по справедливости,
А за добро плати добром.

35

Учитель сказал:

— Увы! Никто меня не знает.

— Но почему же Вас никто не знает? — спросил Цзыгун.

Учитель ответил:

— Не ропщу на Небо, но не виню людей, занимаясь низшим, высшее постиг. Не Небесам ли и известен я?

36

Гунбо Ляо оклеветал Цзылу перед Младшим Сунем. Цзыфу Великий сообщил об этом Учителю и добавил:

— Гунбо Ляо удалось на самом деле заронить сомнение в сердце господина. Но у меня еще достанет сил, чтобы предать его публичной казни.

Учитель сказал:

— Последуют ли пути или его отвергнут, на то есть повеление Неба. Как может Гунбо Ляо помешать Небесному велению?

37

Учитель сказал:

— Лучший удаляется от мира,
За ним следует бегущий из страны,
Следующий избегает взгляда,
За ним следует бегущий от речей.

38

Цзылу заночевал у Каменных ворот. Утром привратник у него спросил:

— Ты от кого идешь?

— От Конфуция, — ответил Цзылу. Привратник воскликнул:

— Не тот ли это, кто продолжает делать то, в чем, как он знает, ему не достичь успеха?

39

Когда Учитель, находясь в уделе Вэй, бил в каменный гонг, какой-то человек с плетушкой за плечами проходил мимо ворот дома Конфуция и сказал:

— Как тяжело на сердце у того, кто так бьет в гонг!

И затем продолжил:

— Как грубы эти звуки! Так мелки и назойливы! Никто тебя не ценит — ну и оставь, только и всего.

Глубоко — переправлюсь в платье,
А мелко — перейду, подняв полу.

Учитель ответил:

— Он так категоричен, что не могу и возразить!

40

Цзычжан спросил:

— В Книге сказано: «Предок Возвышенный, исполняя траур, жил в хижине и не говорил три года». Что это значит?

Учитель ответил:

— Не только он, все древние так поступали. После смерти государя должностные лица в течение трех лет руководствовались в своей деятельности только указаниями первого советника.

41

Учитель сказал:

— Когда правитель любит ритуал, ему легко повелевать народом.

42

Цзылу спросил о том, что значит быть благородным мужем. Учитель ответил:

— Это значит совершенствовать себя с благоговением.

— И это все?

— Совершенствовать себя, чтобы тем самым обеспечить благоденствие других.

— И это все?

— Совершенствовать себя, чтобы тем самым обеспечить благоденствие народа. Не это ли так сильно волновало еще Яо с Шунем?

43

В ожидании Учителя Юань Жан сидел, раскинув ноги. Учитель сказал:

— Кто в детстве не был кроток и послушен старшим, достигнув зрелости, не сделал ничего, что можно передать потомкам, и в старости все продолжает жить, не умирает, — это разбойник.

И ударил его палкой по ноге.

44

Мальчик из селения Цюэ докладывал Учителю.

Кто-то спросил о нем:

— Он делает успехи?

Учитель ответил:

— Судя по тому, что он садится с нами, ходит наравне со старшими по возрасту, это тот, кто ищет скорых результатов, а не настоящего успеха.

Глава 15

КНЯЗЬ ЧУДОТВОРНЫЙ ИЗ УДЕЛА ВЭЙ

1

Князь Чудотворный из удела Вэй спросил о способах боевого построения. Конфуций ответил:

— Я знаю, как расставить жертвенные чаши и сосуды, но как построить войско — этому не обучился.

И на следующий день ушел из Вэй.

2

У Учителя, когда он находился в Чэнь, иссяк запас зерна; все, кто его сопровождал, расхворались, не могли

подняться. Цзылу был недоволен, встретился с ним и спросил:

— И благородный муж живет в нужде?

Учитель ответил:

— Благородный муж в нужде не отступает; малый человек, терпя нужду, становится распущенным.

3

Учитель спросил:

— Цы, ты думаешь, что я из тех, кто изучает многое и все запоминает?

— Да, а разве нет?

— Нет! У меня все пронзено одним.

4

Учитель сказал:

— Ю, мало тех, кто понимает, что такое добродетель.

5

Учитель сказал:

— Это не Шунь ли был, кто правил в недеянии? Чем же он занимался? Обратив лицо прямо на юг, он почитал себя, и только!

6

Цзычжан спросил о том, что значит проявить себя.

Учитель ответил:

— Если твои речи честны и правдивы, а поступки благородны и исполнены почтительности, то проявишь себя даже в землях варваров. Но как сможешь проявить себя, пусть даже и в родных краях, если речи твои лживы и нечестны, а поступки лишены благородства и почтительности? Когда стоишь, то должен видеть это мысленно перед собой, а едешь в повозке — видеть это, словно оно прислонилось к перекладине. Тогда только и сможешь проявить себя.

Цзычжан записал это на своем поясе.

7

Учитель сказал:

— Как прям был хронист Юй! Он был словно стрела, когда страна шла по пути, и был словно стрела, когда страна с пути сходила.

Каким был благородным мужем Цюй Боюй! Он шел служить, когда в стране был путь, и мог скрывать свои способности, когда в ней не было пути.

8

Учитель сказал:

— Когда не говорите с тем, с кем можно говорить, то упускаете таланты; когда же говорите с тем, с кем говорить нельзя, то тратите слова напрасно. Но умный никого не упускает и не тратит слов напрасно.

9

Учитель говорил:

— Мужи высоких помыслов и те, кто полны человечности, не согласятся ради сохранения своей жизни нанести вред человечности, но могут лишь пожертвовать собой, чтобы до конца быть человечными.

10

Цзыгун спросил о том, как обрести человечность.

Учитель ответил:

— Ремесленник сначала обязательно наточит инструмент, чтобы успешно выполнить свою работу.

Когда живешь в какой-либо стране, служи лишь наиболее достойным из ее сановников и веди дружбу с ее самыми человечными мужами.

11

Янь Юань спросил о том, как надо управлять страной.

Учитель ответил:

— Следуй сезонам дома Ся,
Езди в повозке дома Инь,
Носи шапку дома Чжоу,

Используй в музыке танец «Весенний».
Отбрасывай напевы Чжэн
И не сближайся с теми, кто красноречив.
Напевы Чжэн распутны,
Те, кто красноречив, опасны.

12

Учитель говорил:
— Когда не ведают далеких дум,
То не избегнут близких огорчений.

13

— Все кончено! Я не встречал еще того, кто любил бы добродетель так же сильно, как чувственные наслаждения.

14

Учитель сказал:
— Это не Второй ли был из Цзанов Просвещенный, кто занимал свой пост по-воровски? Он знал о превосходных качествах Милостивого из Люся, но не стремился служить с ним вместе при дворе.

15

Учитель говорил:
— Когда строги к себе и снисходительны к другим, не вызывают злобы.

16

Учитель сказал:
— Я не знаю, как мне быть с тем, кто не спрашивает себя постоянно: «Как же быть? Как же быть?»

17

Учитель заметил:
— Как трудно быть вместе целый день и с увлечением умничать, не заводя речей о справедливости!

18

Учитель сказал:

— Благородный муж видит в справедливости неприкрашенную суть. Ритуалы используются, чтобы воплотить ее в поступках, смиренность — чтобы дать ей проявиться, а искренность — чтобы достичь в ней совершенства. Благородный муж именно такой!

19

Учитель говорил:

— Благородный муж печалится о своем несовершенстве, он не печалится о том, что неизвестен людям.

20

Учитель сказал:

— Благородный муж страшится, что умрет он и не будет его имя прославляться.

21

Учитель сказал:

— Благородный муж взыскателен к себе,
Малый человек взыскателен к другим.

22

Учитель говорил:

— Благородный муж, сознавая свое превосходство, никому его не показывает, он легко сходится с людьми, но остается беспристрастным.

23

Учитель сказал:

— Благородный муж не возвышает никого за речи, но не отвергает и речей из-за того, кто их говорит!

24

Цзыгун спросил:

— Найдется ли одно такое слово, которому можно было бы следовать всю жизнь?

Учитель ответил:
— Но таково ли сострадание?
Чего себе не пожелаешь,
Того не делай и другим.

25

Учитель сказал:
— Кого я при общении с людьми хвалил или ругал?
Если я хвалил, то лишь того, кто был испытан.
Благодаря этим простым людям Три династии и шли прямым путем.

26

Учитель сказал:
— Владеющий конем дает его другим объездить. Я еще видел, как хронисты оставляли пропуски в сомнительных местах. Но в наше время этого, увы, уже не встретить.

27

Учитель говорил:
— Искусной речью затемняют добродетель, а небольшое нетерпение может помешать великим замыслам.

28

Учитель сказал:
— Когда кого-либо все ненавидят,
Это требует проверки;
Когда кого-либо все любят,
Это требует проверки.

29

Учитель сказал:
— Человек способен сделать путь великим,
Но великим человека делает не путь.

30

Учитель говорил:
— Лишь та — ошибка,
Что не исправляется.

31

Учитель признавался:

— Я днями целыми не ел и ночи напролет не спал — все думал, но напрасно, полезнее — учиться.

32

Учитель сказал:

— Благородный муж стремится лишь к пути, но не заботится о своем пропитании. Бывает, голодают, занимаясь хлебопашеством; бывает, получают жалованье, когда обращаются к учению. Благородный муж тревожится об обретении пути, он не тревожится о своей бедности.

33

Учитель сказал:

— Утратят непременно, даже если обретут, то, для чего ума хватает, но человечности, чтобы хранить, недостает. Может хватать для этого ума и человечности, но если управлять без строгого приличия, народ не преисполнится почтительности. Когда хватает и ума, и человечности, и правят, соблюдая строгое приличие, но не побуждают к действию при помощи обрядов, то совершенства еще нет.

34

Учитель пояснил:

— Благородный муж неценен в малом, но ему по силам все великое; малым людям не по силам все великое, но они ценны в малом.

35

Учитель сказал:

— Человечность для людей важнее, чем вода с огнем. Я видел погибавших от воды с огнем, но никогда не видел, чтобы кто-нибудь погиб от человечности.

36

Учитель призвал:

— Не уступай возможности быть человечным даже своему наставнику.

37

Учитель заметил:

— Благородный муж тверд в принципах, но не упрям.

38

Учитель сказал:

— Когда служат государю, относятся с благоговением к своим обязанностям и не придают значения тому, какое получают жалованье.

39

Учитель подчеркнул:

— Можно учить всех, не делая различий.

40

Учитель отметил:

— Когда пути неодинаковы, не составляют вместе планов.

41

Учитель сказал:

— От речи требуется только выразительность.

42

Когда музыкант Мянь, придя к Учителю, приблизился к ступеням, Учитель сказал:

— Это ступени!

Подойдя с ним к постланным для сидения циновкам, Учитель сказал:

— Это циновки.

После того, как все уселись, Учитель ему сообщил:

— Здесь сидит такой-то, там — такой-то.

Когда музыкант Мянь ушел, Цзычжан спросил:

— Так надо общаться с музыкантами?

— Да, так именно и надо помогать слепому музыканту, — ответил Учитель.

Глава 16

МЛАДШИЙ

1

Когда Младший решил выступить против владения Чжуаньюй, Жань Ю и Цзи Лу встретились с Конфуцием и сообщили:

— Младший решил начать боевые действия против Чжуаньюя.

Конфуций ответил:

— Но в этом не ты ли, Цю, и виноват? Царь-предок в прошлом сделал Чжуаньюй ответственным за жертвоприношения горе Дунмэн, к тому же данное владение находится на территории нашего княжества и защищает его алтари. Зачем же выступать против него?

Жань Ю ответил:

— Наш господин желает этого, а мы оба, его подданные, не хотим.

Конфуций ответил:

— Цю, у Чжоу Жэня есть высказывание: «Когда ты можешь проявить свои способности, то оставайся на посту, а не способен — уходи». Зачем слепому поводырь, который не поддерживает его в опасном месте и не помогает встать, когда он падает? Ты говоришь неверно. Кто виноват, когда из клетки убегает тигр иль носорог, или ломаются в шкатулке панцирь черепахи и нефрит?

— Городские стены во владении Чжуаньюй крепки, и оно находится недалеко от Би, — сказал Жань Ю.

— Если сейчас не захватить, то в будущем наверняка доставит беды сыновьям и внукам Младшего.

Конфуций возразил:

— Цю, благородный муж не любит, когда не высказывают прямо своих побуждений, лишь стараются найти им оправдание. Я слышал, что того, кто правит государством или возглавляет знатный род, тревожит не отсутствие богатства, а его несоразмерное распределение, тяготит не малочисленность народа, а отсутствие благополучия. При соразмерности нет бедности; когда царит гармония, нет недостатка в людях; где утверждается благополучие, там не бывает потрясений. Так-то вот. Поэтому коль непокорны жители далеких местностей, их привлекают тем, что совершенствуют образование и нравственность; когда

же привлекают, то делают их жизнь благополучной. И вот вы оба, Ю и Цю, хотя и ходите в помощниках у господина, но жители далеких местностей ему не покоряются, и он не может их привлечь; в стране раздоры и разброд, а он не может ее уберечь, да еще замышляет выступить с оружием внутри страны. Младшим Суням, боюсь, надо опасаться не владения Чжуаньюй, а самих себя.

2

Конфуций сказал:

— Когда под Небесами следуют пути, то ритуалы, музыка, карательные войны исходят лишь от Сына Неба; когда под Небесами нет пути, то ритуалы, музыка, карательные войны исходят от князей. Когда исходят от князей, то редкие из них не упускают власти через десять поколений; когда исходят от сановников, то редкие из них не упускают власти через пять колен. Когда судьба страны в руках побочных слуг, то редкие из них не упускают власти через три колена.

Когда под Небесами следуют пути, сановники не обладают высшей властью.

Когда под Небесами следуют пути, народ не рассуждает.

3

Конфуций отметил:

— Уже пять поколений у княжеского рода нет реальной власти, и четыре поколения она находится в руках сановников. Поэтому и стали так мелки потомки трех семейств князя Столпа.

4

Конфуций сказал:

— Бывают три полезных друга и три друга, приносящих вред. Полезны справедливый друг, чистосердечный друг и друг, который много знает. А вредны льстивый друг, двуличный друг и друг красноречивый.

5

Конфуций сказал:

— Есть три полезных и три вредных радости. Полезно радоваться правильно исполненному ритуалу с музыкой,

речам о чем-нибудь хорошем в людях и тому, что дружите со многими достойными людьми. Но вредно предаваться радостям тщеславия, безделья и застолья.

6

Конфуций предостерегал:

— Рядом с благородным мужем допускают три ошибки: говорить, когда не время говорить, — это опрометчивость; не говорить, когда настало время говорить, — это скрытность; и говорить, не замечая его мимики, — это слепота.

7

Конфуций сказал:

— Благородный муж выполняет три запрета: в молодости, когда горячи дыхание и кровь, он избегает наслаждений; в зрелости, когда сильны дыхание и кровь, он избегает ссор; в старости, когда слабы дыхание и кровь, он избегает жадности.

8

Конфуций сказал:

— Благородный муж трижды испытывает трепет: он трепещет перед Повелением Неба, с трепетом относится к великим людям и трепещет перед словом людей высшей мудрости. Малый человек, не зная Повелений Неба, перед ними не трепещет, непочтительно ведет себя с великими людьми и пренебрегает словом людей высшей мудрости.

9

Конфуций сказал:

— Высший — тот, кто знает от рождения, следующий — тот, кто познает в учении; следующий далее — учится, когда испытывает крайность; те же, кто и в крайности не учатся, — люди низшие.

10

Конфуций сказал:

— Благородный муж вынашивает девять дум. Когда глядит, то думает, ясно ли увидел; а слышит — думает,

верно ли услышал; он думает, ласково ли выражение его лица, почтительны ль его манеры, искренна ли речь, благоговейно ль отношение к делу; при сомнении думает о том, чтоб посоветоваться; когда же гневается, думает об отрицательных последствиях; и перед тем, как что-то обрести, думает о справедливости.

11

Конфуций сказал:

— «Стремлюсь к хорошему, словно опасаюсь его упустить, от плохого же отскакиваю, как ошпаренный». Я встречал таких людей и такие речи слышал. «Живу уединенно в поиске того, к чему стремится сердце; делаю то, что справедливо, и тем самым достигаю своего пути». Я такие речи слышал, но не встречал таких людей.

12

Князь Ци Великий владел тысячью четверок лошадей, но в час его кончины народ не мог сказать о нем ничего хорошего. Старший Ровный с Младшим Равным умерли от голода в предгорье Шоуяна, но народ доныне поминает их добром. То-то и оно!

13

Чэнь Кан спросил Боюя:

— Ваш отец говорил Вам что-нибудь особенное?

— Нет! — ответил Боюй. — Но однажды, когда отец стоял один, а я проходил поспешно по двору, он спросил: «Ты учишь Песни?» Я ответил: «Нет!» Он сказал: «Кто не учит Песен, не может ничего сказать». И я пошел учить Песни. На другой день, когда отец стоял один, а я проходил поспешно по двору, он спросил: «Ты изучаешь ритуалы?» Я ответил: «Нет!» Он сказал: «Кто не изучает ритуалы, тому не обрести своего места». И я пошел изучать ритуалы. Он говорил мне только это.

Чэнь Кан, удалившись, радостно сказал:

— Спрашивая об одном, я узнал многое другое: о Песнях, ритуалах и о том, что благородный муж не ощущает близости к родному сыну.

14

Государь удельного владения зовет свою жену «супругой»; его супруга называет себя «деткой»; люди их удела зовут ее «супругой государя», а при общении с людьми других уделов называют «малым государем»; люди же других уделов зовут ее «супругой государя».

Глава 17

ЯН ХО

1

Ян Хо хотел, чтобы к нему явился Конфуций, но Конфуций не приходил. Тогда он послал Конфуцию в подарок поросенка. Выбрав время, когда Ян Хо не было дома, Конфуций отправился к нему с визитом, но неожиданно встретил его по дороге.

— Подойди ко мне, — обратился к нему Ян Хо, — я хочу с тобой поговорить.

Затем он сказал Конфуцию:

— Может быть назван человечным тот, кто, затаив за пазухой драгоценность, спокойно наблюдает, как его страна сбивается с пути? Не может. А может быть назван умным тот, кто стремится поступить на службу, но уже много раз упускал эту возможность? Не может. Дни и месяцы уйдут, с ними годы нас покинут.

— Согласен, я пойду служить, — ответил Конфуций.

2

Учитель сказал:

— Природа каждого с другим сближает,
Привычка друг от друга отдаляет.

3

Учитель заметил;

— Никогда не изменяются только высшая мудрость и самая большая глупость.

4

Когда Учитель пришел в Учэн и услышал там звуки струн и песен, он радостно улыбнулся и сказал:

— Зачем же резать курицу таким большим ножом?

Цзыю ответил:

— Я прежде от Вас слышал, что, если благородный муж учится пути, он проникается любовью к людям, а если малый человек учится пути, им становится легко повелевать.

— Дети! Он верно говорит. Я перед этим говорил шутя, — сказал Учитель.

5

Гуншань Строптивый восстал, укрепившись в Би, и пригласил к себе Конфуция. Учитель хотел пойти, но Цзылу высказал недовольство:

— Некуда идти, и не надо. Зачем уж так необходимо идти к Гуншаню?

Учитель ответил:

— Разве напрасно пригласит меня? Если меня кто-нибудь возьмет на службу, то не смогу ли я создать Чжоу на Востоке?

6

Цзычжан спросил Учителя о том, что такое человечность. Конфуций ответил:

— Тот будет человечен, кто сможет воплотить повсюду в Поднебесной пять достоинств.

— Можно спросить, каковы они?

— Почтительность, великодушие, правдивость, сметливость, доброта. Почтительность не навлекает унижений, великодушие покоряет всех, правдивость вызывает у людей доверие, сметливость позволяет достигать успеха, а доброта дает возможность повелевать людьми.

7

Би Си пригласил к себе Учителя, и он хотел пойти.

Цзылу сказал:

— Я прежде от Вас, Учитель, слышал: «Кто лично совершает плохие дела, к тому благородные мужи не прихо-

дят». Би Си восстал, укрепившись в Чжунмоу. Как же это можно, чтобы вы к нему пошли?

Учитель ответил:

— Верно, я это говорил.

Но не говорилось ли:
Так тверд, что точишь — и не поддается.
Не говорилось ли:
Так чист, что пачкаешь — и не грязнится.
Разве я похож на тыкву?
Как можно не испробовать меня, держа на привязи?

8

Учитель спросил:

— Ю! Ты слышал о шести достоинствах, переходящих в шесть заблуждений?

— Нет! — ответил Цзылу.

— Сядь! Я скажу тебе.

Когда стремятся к человечности, но не хотят учиться,
То это заблуждение приводит к глупости;
Когда стремятся проявить свой ум, но не хотят учиться,
То это заблуждение ведет к дерзости;
Когда стремятся быть правдивыми, но не хотят учиться,
То это заблуждение приносит вред;
Когда стремятся к прямоте, но не хотят учиться,
То это заблуждение приводит к грубости;
Когда стремятся быть отважными, но не хотят учиться,
То это заблуждение приводит к смуте;
Когда стремятся к непреклонности, но не хотят учиться,
То это заблуждение приводит к безрассудству.

9

Учитель сказал:

— Детки! Почему никто из вас не учит Песни? Песни могут воздействовать внушением. В них можно отыскать наглядные примеры, они учат общительности, помогают выразить негодование; способствуют вблизи служению родителям, а в отдалении — государю. Из них узнаете много названий птиц, зверей, деревьев, трав.

10

Учитель спросил Боюя:

— Ты усвоил песни «Чжоунань» и «Шаонань»? Не подобен ли тот, кто не усвоил этих песен, человеку, который встал лицом к стене и ничего не видит?

11

Учитель воскликнул:

— Говорят, мол, ритуалы, ритуалы,
Но разве здесь идет речь только о нефрите и шелках?
Говорят, мол, музыка, музыка,
Но разве здесь идет речь только о колоколах и барабанах?

12

Учитель вопросил:

— Если того, кто суров лишь внешне, но на самом деле робок, сравнить с каким-нибудь ничтожным человеком, не окажется ли, что он подобен вору, который прорывает лаз или перелезает через стену?

13

Учитель сказал:

— Добродетель губят местные смиренники.

14

Учитель сказал:

— Кто распространяет слухи, тот отбросил добродетель.

15

Учитель сказал:

— Как можно вместе с низким человеком служить государю? Когда он еще не достиг своей цели, то тревожится лишь о том, чтобы достигнуть. Когда уже достиг, то тревожится лишь о том, чтобы не утратить. Когда тревожится о том, чтобы не утратить, может пойти на все.

16

Учитель заметил:

— В древности у людей было три недостатка, которых в наше время уже, наверно, не найти! Необузданность у древних проявлялась в своенравности, ныне она проявляется в распущенности; горделивость древних проявлялась в сдержанности, ныне она проявляется в озлобленности; глупость древних проявлялась в прямоте, ныне она означает только лживость.

17

Учитель говорил:

— Человечность редко сочетается с искусными речами и умильным выражением лица.

18

Учитель отметил:

— Плохо, когда фиолетовый цвет затмевает ярко-красный; плохо, когда мелодии удела Чжэн портят возвышенную музыку; плохо, когда краснобаи губят государство.

19

Учитель сказал:

— Я хотел бы не говорить.

— Что же тогда мы сможем передать, если Вы не будете говорить? — спросил Цзыгун.

Учитель ответил:

— А говорит ли Небо что-нибудь?
Но чередуются в году сезоны,
Рождается все сущее.
А говорит ли Небо что-нибудь?

20

Жу Бэй хотел, чтобы его принял Конфуций. Конфуций, сославшись на свою болезнь, ему отказал. Но едва лишь тот, кто передал просьбу Жу Бэя, вышел за дверь, Конфуций взял гусли и запел, чтобы Жу Бэй его услышал.

21

Цзай Во, спрашивая о трехлетнем трауре по родителям, сказал, что срок его слишком долог:

— Если благородный муж в течение трех лет не будет заниматься ритуалами, то ритуалы неминуемо придут в упадок; если он в течение трех лет не будет заниматься музыкой, то музыка потерпит неизбежный крах. Но траур можно завершить за год, когда кончаются запасы прошлогоднего зерна, снимают новый урожай и полностью меняется огонь, зажигаемый от трения по дереву.

— Ты будешь спокоен, если после года траура начнешь питаться рисом и носить парчовую одежду? — спросил Учитель.

Цзай Во ответил:

— Да, буду.

— Если ты будешь спокоен, — сказал Учитель, — то так и поступай. А благородный муж, когда он в трауре, не может наслаждаться вкусной пищей, не радуется музыке и не чувствует себя уютно дома. Но если ты будешь спокоен, то так и поступай.

Когда Цзай Во вышел, Учитель заметил:

— Юй бесчеловечен! Сын не покидает рук отца и матери три года после своего рождения. И трехлетний траур по родителям — повсеместный обычай в Поднебесной. Разве отец и мать Юя не носили его на руках три года?

22

Учитель сказал:

— Трудно, когда не находят применения своему сердцу, проводя все дни в чревоугодии! Разве нет такой игры, как шашки? Уж лучше играть в них, чем ничего не делать!

23

Цзылу спросил:

— Благородный муж ценит смелость?

Учитель ответил:

— Благородный муж больше всего ценит справедливость. Когда благородный муж смел, но несправедлив, он вызывает смуту; когда малый человек смел, но несправедлив, он становится разбойником.

24

Цзыгун спросил:

— Благородный муж кого-нибудь ненавидит?

Учитель ответил:

— Ненавидит. Ему ненавистны те, кто сплетничает о других, ненавистны низшие, которые поносят высших, ненавистны те, кто, отличаясь смелостью, не соблюдают ритуала, ненавистны люди, полные решительности, но упрямые.

Затем Учитель спросил:

— А ты, Цы, тоже ненавидишь кого-нибудь?

— Я ненавижу тех, кто живет чужим умом, считает непокорность смелостью, а доносительство — проявлением прямоты.

25

Учитель заметил:

— Трудней всего общаться с женщиной и малым человеком. Приблизишь их к себе — и станут дерзкими, а удалишь — озлобятся.

26

Учитель сказал:

— Нет будущего у того, кто вызывает неприязнь к себе в сорокалетнем возрасте.

Глава 18

ВЛАДЕТЕЛЬ ВЭЙ

1

Владетель Вэй от него ушел, владетель Цзи стал его рабом, Бигань погиб за увещания.

Конфуций сказал:

— Среди иньцев трое обладали человечностью.

2

Когда Милостивый из Люся был судьей, его трижды увольняли. Кто-то спросил его:

— Вам уходить еще не время?

— Если служить людям в соответствии с прямым путем, то где же могут не уволить? Если служить людям в соответствии с кривым путем, то надо ль будет покидать родную землю? — был ответ.

3

Князь Великий из удела Ци, принимая Конфуция, сказал:

— Я не могу его принять как главу семейства Младших. Приму его по положению между Младшими и Старшими.

Затем князь добавил:

— Я уже стар и не смогу использовать его на службе.

Конфуций ушел из Ци.

4

Цисцы прислали в подарок танцовщиц. Столп из семейства Младших принял их. Три дня при дворе не заслушивали дела. И Конфуций удалился.

5

Безумец из Чу «Встречающий повозки», напевая, проходил мимо Конфуция и сказал:

— О феникс, феникс!
Как твоя добродетель оскудела!
Нельзя корить за то, что было,
Но то, что будет, еще достижимо.
Избавься же! Избавься же!
Рискует ныне тот, кто занимается правлением!

Конфуций, желая с ним поговорить, слез с повозки, но тот быстро ушел, и Конфуцию поговорить с ним не удалось.

6

Чан Цзюй и Цзе Ни пахали вдвоем. Конфуций, проезжая, послал Цзылу спросить у них, где находится переправа. Чан Цзюй спросил:

— А кто это в повозке с вожжами в руках?

— Это Кун Цю, — ответил Цзылу.

— Не луский ли Кун Цю?

— Да, он.

— Этот сам знает, где переправа.

Цзылу обратился к Цзе Ни. Цзе Ни спросил:

— А ты кто?

— Я Чжун Ю.

— Ученик луского Кун Цю?

— Да.

— Вся Поднебесная, словно бушующий потоп; с кем сможете добиться перемены? Чем следовать за тем, кто избегает того или иного человека, не лучше ли последовать за теми, кто бежит от мира?

Сказав это, он продолжал без остановки рыхлить землю. Цзылу вернулся и рассказал все Конфуцию. Учитель с огорчением сказал:

— С кем же мне общаться, как не с этой человеческой толпой? Человек не может жить с животными и птицами. Имейся в Поднебесной путь, я не добивался бы с вами перемен.

7

Цзылу, сопровождая Учителя, от него отстал и повстречал старца, несшего через плечо на палке корзину. Цзылу его спросил:

— Вы видели Учителя?

Старик ответил:

— Не утруждаешь рук и ног,
Не различаешь хлебных злаков,
Какой же у тебя учитель?

И, воткнув в землю палку, принялся полоть. Цзылу встал перед ним в поклоне со сложенными на груди руками. Старик оставил Цзылу переночевать, зарезал курицу, приготовил просо, накормил его и представил ему двух своих сыновей.

На следующий день Цзылу ушел и рассказал об этом Учителю.

— Это отшельник, — сказал Учитель и послал Цзылу снова с ним встретиться.

Придя к нему и не застав его дома, Цзылу сказал:

— Несправедлив тот, кто не служит. Если нельзя отвергнуть порядок разделения на старшего и младшего, как можно допустить, чтобы были отвергнуты обязанности

государя и слуги? Стремясь достигнуть личной чистоты, наносят вред этой великой связи. Для благородного мужа служба — это выполнение своего долга, даже когда уже известно, что путь не может быть осуществлен.

8

Людьми, которыми пренебрегали, были Старший Ровный, Младший Равный, Юйчжун, Ии, Чжу Чжан, Милостивый из Люся и Шао Лянь. Учитель сказал:

— Старший Ровный с Младшим Равным были людьми, которые не отказались от своих стремлений и не опозорили себя.

Он сказал о Милостивом из Люся и Шао Ляне:

— Они отказались от своих стремлений и опозорили себя. Их отличали только вразумительность речей и обдуманность поступков, но не более.

Он отозвался также о Юйчжуне и Ии:

— Они в своем уединении вольно высказывались, сохранили себя в чистоте и проявили гибкость, удалясь от мира.

Но что касается меня, то, в отличие от них, я не предрешаю, как мне можно поступать и как нельзя.

9

Старший музыкант Чжи удалился в Ци, музыкант Вторая трапеза Гань удалился в Чу, музыкант Третья трапеза Ляо отправился в Цай, музыкант Четвертая трапеза Цюэ ушел в Цинь, барабанщик Фан Шу переселился на другой берег Реки, музыкант У, играющий на ручном барабане, переправился через реку Хань, помощник старшего музыканта Ян и Сян, играющий на каменном гонге, отправились за море.

10

Князь Чжоу сказал князю удела Лу:

— Благородный муж не относится пренебрежительно к своим родным, не вынуждает сановников роптать на то, что их не слушают; не отвергает старых друзей, если на это нет серьезных оснований; не ищет в ком-либо одном всех достоинств.

11

Было восемь чжоуских ученых: Старший Да и Старший Ко, Второй Ту и Второй Ху, Третий Е и Третий Ся, Младший Суй и Младший Гуа.

Глава 19

ЦЗЫЧЖАН

1

Цзычжан сказал:

— Достаточно уже того, если ученый муж жертвует собой в момент опасности, думает о справедливости, когда приобретает, стремится быть почтительным при жертвоприношении и проникается печалью, пребывая в трауре.

2

Цзычжан сказал:

— Когда не стойки в добродетели,
Не преданы пути всем сердцем,
Какая разница, — живут они,
Или их нет на свете?

3

Ученики Цзыся спросили у Цзычжана о том, как надо находить друзей.

Цзычжан спросил:

— А что говорит об этом Цзыся?

— Он говорит: «Водите дружбу с теми, кто для нее подходит, неподходящих отвергайте», — ответили они.

Цзычжан сказал:

— А мне известно другое: благородный муж чтит достойных людей и терпимо относится ко всем другим, хвалит хороших людей и жалеет неумелых. Обладай я великими достоинствами, к кому я был бы нетерпим? А будь я недостойным человеком, меня отвергли бы другие, и как тогда я мог бы их отвергнуть?

4

Цзыся сказал:

— Непременными достоинствами обладает даже малый путь, но на нем, боюсь, застрянешь, устремясь к далекой цели, поэтому благородный муж не тратит на него своих усилий.

5

Цзыся ответил:

— Любящим учиться может быть назван человек, который ежедневно сознает свои несовершенства и каждый месяц восстанавливает в памяти все то, чему научен.

6

Цзыся сказал:

— Ученость, твердость устремлений,
Пытливость, озабоченность всем близким —
В этом состоит человечность.

7

Цзыся сказал:

— Ремесленники, чтобы выполнить свою работу, трудятся в мастерских, а благородный муж для достижения своей стези учится.

8

Цзыся заметил:

— Ошибаясь, малый человек всегда находит оправдание.

9

Цзыся сказал:

— Благородный муж по-разному воспринимается в трех случаях: издалека он выглядит внушительным, вблизи предстает ласковым, а его речи отличает строгость.

10

Цзыся учил:

— Благородный муж, не обретя доверия простых людей, не заставляет их трудиться, иначе они примут его за насильника; не обретя доверия, он не выступает с увещанием, иначе его примут за клеветника.

11

Цзыся сказал:

— Если не выходить за рамки высшей добродетели, то можно не быть строгим в соблюдении второстепенных правил поведения.

12

Цзыю заметил:

— Ученики Цзыся вполне пригодны для того, чтобы сделать уборку, ответить на вопросы, подойти и отойти. Но все это второстепенно, а главного они не знают. Как же так можно?

Цзыся, услышав это, сказал:

— Как ни прискорбно, но Янь Ю не прав. Что благородный муж, согласно своему пути, преподает сначала? Что оставляет в утомлении на потом? Он это различает так же, как виды разных трав, деревьев. Как может его путь вести к обману? Только люди высшей мудрости, наверное, могут сразу овладеть началом и концом.

13

Цзыся сказал:

— Учись в свободное от службы время,
Служи, когда свободен от учебы.

14

Цзыю отметил:

— Исчерпывает траур крайняя печаль.

15

— Незаурядными способностями обладает мой друг Чжан, но человечности ему недостает.

16

Учитель Цзэн воскликнул:

— Какая в Чжане величавость! Но с ним рядом трудно добиваться человечности.

17

Учитель Цзэн сказал:

— Я слышал от Учителя, что люди до поры до времени не могут выразить себя, но это непременно происходит с ними, когда умирают их родители.

18

Учитель Цзэн сказал:

— Я слышал от Учителя, что все другое, чем отличался в почитании своих родителей Строгий из Старших, легко исполнить, за исключением того поступка, в котором трудно с ним сравниться, когда он отказался сменить слуг своего умершего отца и оставил в неизменности его правление.

19

Когда глава семейства Старших сделал Ян Фу судьей, Ян Фу обратился за советом к учителю Цзэну, и учитель Цзэн сказал:

— Высшие утратили свой путь, и народ давно уже находится в смятении. Раскрывая преступления простых людей, сочувствуй и скорби, а не впадай в самодовольство.

20

Цзыгун заметил:

— Чжоу не был уж таким плохим. Поэтому и избегает благородный муж низовий, где к нему липнет все дурное в Поднебесной.

21

Цзыгун сказал:

— Когда ошибается благородный муж, то это как затмение солнца и луны. Он делает ошибку — и все это замечают; он исправляет ее — и все устремляют к нему взоры.

22

Гунсунь Чао из Вэй спросил Цзыгуна:

— У кого учился Чжунни?

Цзыгун ответил:

— Путь, завещанный царями Просвещенным и Воинственным, не затерялся на земле и находится среди людей. Достойные из них помнят в нем великое, а недостойные — малое. У каждого есть путь Просвещенного и Воинственного. Где не мог бы научиться ему наш Учитель? И зачем для этого иметь определенного наставника?

23

Третий Воинственный из Средних Суней, беседуя во дворце с сановниками, сказал:

— Цзыгун превосходит Чжунни.

Цзыфу Великий передал эти слова Цзыгуну.

Цзыгун сказал:

— Приведу сравнение со стеною вокруг дома. Моя стена не выше плеч, и каждый может подсмотреть, что есть в доме ценного. Стена Конфуция простерлась в высоту на несколько саженей, и если не найти в ней входа и не проникнуть внутрь, то не увидеть, как великолепен там храм предков и роскошны все палаты. Но, видимо, немногие могут отыскать в ней вход. Поэтому неудивительно, что он так высказался.

24

Третий Воинственный из Средних Суней порочил Чжунни.

Цзыгун сказал:

— Он напрасно старается. Чжунни нельзя опорочить. Достоинства других людей — это курганы и холмы, на

них взобраться можно, Чжунни же — это солнце и луна, а их нельзя достигнуть. Пусть даже кто-то пожелает от них отказаться, какой вред это может нанести солнцу и луне? Он лишь покажет, что не знает своих сил.

25

Чэнь Цзыцинь сказал Цзыгуну:

— Вы слишком скромны. Разве Чжунни вас превосходит?

Цзыгун ответил:

— Следует быть осторожным в том, что говоришь. Благородный муж показывает свою мудрость или глупость, стоит ему только обронить какое-нибудь слово.

С Учителем нельзя сравниться, как не подняться по ступеням лестницы на Небо. Если бы Учитель был главой удела или родовитого семейства, то, как говорится, начни он ставить — и стояли бы, начни вести — и шли бы, начни благотворить — и собирались бы, начни побуждать — и находились бы в гармонии. Его при жизни прославляли бы, а после смерти стали бы оплакивать. Как можно с ним сравниться?

Глава 20

ЯО СКАЗАЛ

1

Яо сказал:

— О! Ты, Шунь! По преемству, установленному Небом, выбор пал на тебя. Держись твердо незыблемой середины. Если народ в пределах четырех морей будет терпеть лишения, то благословение Неба навсегда тебя покинет.

Шунь дал такое же указание Юю.

Тан сказал:

— Я, ничтожный Люй, осмеливаюсь принести в жертву черного быка и с трепетом докладываю Великому Владыке, что не смею миловать свершивших преступления и прикрывать Твоих, Владыка, слуг; пусть Твое сердце само сделает выбор. Если я виновен, не карай всех остальных; если виновны остальные, то за них меня подвергни каре.

Чжоуский дом одаривал щедро, и стали богаты хорошие люди.

«Хотя есть близкая родня, ей не сравниться с людьми, обладающими человечностью. Если виноват народ, его вина на мне одном».

Он произвел проверку мер длины, объема, веса, восстановил отброшенные должности, и правительственные распоряжения стали всюду выполняться. Он возродил погибшие уделы, угаснувшие поколения, возвысил тех, кого несправедливо отвергали, и все простые люди Поднебесной выразили ему с радостью свою покорность.

Чему он уделял особое внимание, так это простым людям, обеспеченности продовольствием, обряду траура и жертвоприношениям.

Великодушие покоряет всех, правдивость вызывает у людей доверие, сметливость позволяет достигать успеха, а беспристрастность радует.

2

Цзычжан спросил Конфуция:

— Каковы условия участия в правлении страной?

Учитель ответил:

— Если относиться с почитанием к пяти достоинствам и устранять четыре недостатка, то можно принимать участие в правлении.

— Что значит пять достоинств? — спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

— Благородный муж, оказывая милость, не несет расходов; не вызывает злобы у людей, когда заставляет их трудиться; его желания несовместимы с жадностью; он полон величавости, но чужд высокомерия; он грозен, но в нем нет свирепости.

— Что значит: «оказывая милость, не нести расходов?» — спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

— Благотворить народу, используя все то, что приносит ему выгоду, — это ли не милость, не требующая расходов? Если для людей, которых заставили трудиться, выбирать посильный труд, то у кого из них возникает злоба? Когда стремятся к человечности и добиваются ее, откуда может взяться жадность? Благородный муж не смеет проявить пренебрежение, имеет ли он дело с многочис-

ленным или немногим, великим или малым, — это ли не величавость без высокомерия? Благородный муж носит надлежащим образом шапку и платье, его взор полон достоинства, он так внушителен, что люди, глядя на него, испытывают трепет, — он ли не грозен без свирепости?

— Что значит четыре недостатка? — спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

— Казнить тех, кого не наставляли, значит быть жестоким; требовать исполнения, не предупредив заранее, значит проявлять насилие; медлить с приказом и при этом добиваться срочности, значит наносить ущерб; и в любом случае скупиться, оделяя чем-либо людей, значит поступать казенно.

3

Конфуций сказал:

— Не зная Повеления Неба, не сможешь быть благородным мужем.

Не зная ритуала, не сможешь утвердиться.

Не понимая сказанного, не сможешь разобраться в человеке.

КНИГА ПЕСЕН И ГИМНОВ (ШИЦЗИН)

ГОФЫН

I

НРАВЫ ЦАРСТВ

I. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖОУ[1] И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ

(I, I, 1)

Утки, я слышу, кричат на реке предо мной,
Селезень с уткой[2] слетелись на остров речной...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
Будешь супругу ты доброй, согласной женой.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы,
Справа и слева кувшинки, срываю я их...
Тихая, скромная, милая девушка ты.
Спит иль проснется — к невесте стремится жених.

К ней он стремится — ему недоступна она,
Спит иль проснется — душа его думой полна;
Долго тоскует он, долго вздыхает о ней,
Вертится долго на ложе в томленье без сна.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы.
Справа и слева мы их соберем до конца...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
С цитрой и гуслями[3] встретим тебя у крыльца.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы,
Мы разберем их, разложим их в дар пред тобой[4].
Тихая, скромная, милая девушка ты...
Бьем в барабан мы и в колокол — радостный бой.

СТЕБЛИ ПРОСТЕРЛА ДАЛЕКО КРУГОМ КОНОПЛЯ

(I, I, 2)

Стебли простерла далеко кругом конопля,
В самой долине покрыла собою поля.

Вижу густые, густые повсюду листы;
Иволги, вижу, над нею летают, желты.
Иволги вместе слетелись меж частых дерев.
Звонкое пенье несется ко мне сквозь кусты.

Стебли простерла далеко кругом конопля,
В самой долине покрыла собою поля.
Вижу, листва ее всюду густа и пышна,
Срезав, ее отварю — созревает она.
Тонкого, грубого я наткала полотна,
Платьям из ткани домашней останусь верна!

Старшей над нами я все доложила — она
Скажет супругу, что еду в родные края.
Дочиста платье домашнее вымою я.
Будет сполоснута чисто одежда моя.
Только не знаю, какой же наряд полоскать.
Еду проведать отца и родимую мать.

«МЫШИНЫЕ УШКИ»

(I, I, 3)

В поле травы — там «ушки мышиные» рву я,
Но корзины моей не смогла я набрать.
О любимом моем все вздыхаю, тоскуя,
И корзину кладу у дороги опять...

Подымаюсь ли вверх по скалистому склону —
Истомилися кони и труден подъем.
Я вина наливаю в кувшин золоченый,
Чтобы вечно не думать о милом моем.

Еду ль вверх, по крутым подымаюсь отрогам —
У коней побурели от пота бока.
Наполняю вином тяжкий рог носорога,
Чтобы сердце не ранила больше тоска.

Еду ль на гору я — за горою мой милый,
Но коней обессилила горная даль,
И возница теряет последние силы,
И на сердце такая печаль.

НА ЮГЕ У ДЕРЕВА ДОЛУ СКЛОНЯЮТСЯ ВЕТВИ

(I, I, 4)

На юге у дерева долу склоняются ветви —
Ползучие травы кругом обвивают его[5].
О радость моя — только он — этот муж
благородства,
Пусть благо и счастье всегда окружают его.

На юге у дерева долу склоняются ветви —
Ползучие травы укрыли так плотно его!
О радость моя — только он — этот муж
благородства,
И верность, и счастье да будут оплотом его.

На юге у дерева долу склоняются ветви —
И травы кругом постепенно обвили его.
О радость моя — только он — этот муж
благородства!
Пусть благо и счастье навеки возлюбят его.

САРАНЧА

(I, I, 5)

Ты, саранча, распростершая крылья,
Стаей несметной летаешь всюду.
Пусть же всегда у тебя в изобилье
Дети и внуки рождаться будут[6].

О саранчи крылатые стаи,
Мерно в полете крылами звените.
Пусть ваши внуки, вечно летая,
Род ваш продлят непрерывной нитью.

Ты, саранча крылатая, всюду
Вместе летаешь сплошною тучей.
Дети и внуки твои да будут
Вечно роиться роем могучим!

ПЕСНЬ О НЕВЕСТЕ

(I, I, 6)

Персик прекрасен и нежен весной —
Ярко сверкают, сверкают цветы.

Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Дом убираешь и горницу ты.

Персик прекрасен и нежен весной —
Будут плоды в изобилье на нем.
Девушка, в дом ты вступаешь женой,
Горницу ты убираешь и дом.

Персик прекрасен и нежен весной,
Пышен убор его листьев густых.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Учишь порядку домашних своих.

ОХОТНИК

(I, I, 7)

Заячью сеть он искусно расставить сумел,
Колья вбивает — удар за ударом звучит.
Этот охотник силен и отважен и смел —
Нашему князю он прочная крепость и щит!

Заячью сеть он искусно расставить сумел
В месте, где девять путей разбежались вокруг.
Этот охотник силен и отважен и смел —
Нашему князю он добрый товарищ и друг.

Заячью сеть он искусно расставить сумел,
Заячья сеть протянулась по чаще лесной.
Этот охотник силен и отважен и смел —
Сердцем велик он и доблести с князем одной.

ПОДОРОЖНИК

(I, I, 8)

Рву да рву подорожник —
Все срываю его.
Рву да рву подорожник —
Собираю его.

Рву да рву подорожник —
Рву все время его.

Рву да рву подорожник —
Чищу семя его.

Рву да рву подорожник —
Вот в подол набрала.
Рву да рву подорожник —
В подоле понесла.

РЕКА ХАНЬ ШИРОКА

(I, I, 9)

Там, под деревом юга с прямым стволом,
Не укрыться в тени никогда.
Бродит девушка там над рекою Хань —
Недоступна она и горда.
Как простор этих ханьских вод широк!
Переплыть их никто никогда не мог.
Вдоль великого Цзяна на утлом плоту
Не уплыть далеко на восток.

Я вязанку высокую дров нарубил,
Я добавил терновника к ней.
В дом супруга сегодня вступаешь ты —
Покормлю на дорогу коней.
Как простор этих ханьских вод широк!
Переплыть их никто никогда не мог.
Вдоль великого Цзяна на утлом плоту
Не уплыть далеко на восток.

Я вязанку высокую дров нарубил,
Чернобыльником крыта она.
В дом супруга сегодня вступаешь — я дам
Лошадям твоим резвым зерна.
Как простор этих ханьских вод широк!
Переплыть их никто никогда не мог.
Вдоль великого Цзяна на утлом плоту
Не уплыть далеко на восток.

ВДОЛЬ ПЛОТИНЫ ИДУ

(I, I, 10)

Вдоль плотины иду я над водами Жу[7].
Там срезаем мы ветви и рубим стволы.

О супруг мой, давно я не вижу тебя!
И, как голод, страданья мои тяжелы.

Вдоль плотины иду я над водами Жу.
Там я ветви рублю и побеги у пней.
О супруг благородный, я вижу тебя!
Ты вернулся, не бросил подруги своей.

Лещ устал — покраснели уж перья хвоста[8].
Царский дом нас, как зной, истомил неспроста.
Но хотя он томит нас как будто огнем,
Слишком близок к огню наш родительский дом.

ЛИНЬ-ЕДИНОРОГ
(I, I, 11)

Линя стопы милосердья полны[9] —
То благородные князя сыны.
О линь-единорог!

Как благородно линя чело —
Ныне потомство от князя пошло.
О линь-единорог!

Линь, этот рог у тебя на челе —
Княжеский доблестный род на земле.
О линь-единорог!

II. ПЕСНИ ЦАРСТВА ШАО[1] И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

ВЫЕЗД НЕВЕСТЫ[2]
(I, II, 1)

Сорока свила для себя гнёздо —
Голубка поселится в нем.
В пути новобрачная, сто колесниц
Встречают ее с торжеством.

Сорока свила для себя гнездо —
Голубка его займет.
В пути новобрачная, сто колесниц
Ей вслед выступают в поход.

Сорока свила для себя гнездо —
Голубка займет его.
В пути новобрачная, сто колесниц
Венчают ее торжество.

КУВШИНКИ ИДЕТ СОБИРАТЬ ОНА
(I, II, 2)

Кувшинки идет собирать она,
В пруду их срывает у островков.
Она приготовит свои цветы,
И жертвенник князю будет готов.

Кувшинки идет собирать она
В протоке средь сжатых горами вод.
Она приготовит свои цветы
И в княжеский храм сама принесет.

Она в накладной прическе стоит,
В храме до света — смиренно молчит.
Неспешно и тихо идет назад:
Вернется она, исполнив обряд.

ЦИКАДА В ТРАВЕ ЗАЗВЕНИТ, ЗАПОЕТ

(I, II, 3)

Цикада в траве зазвенит, запоет,
И прыгнет кузнечик зеленый — сверкнет!
Супруга давно уж не видела я,
И сердце тоскует — скорбит от забот.
Я знаю: лишь только увижу его,
Как боль в моем сердце утихнет — пройдет.

На южную гору взошла я — пора
Там папоротник молодой собирать.
Давно уж супруга не видела я —
Устало уж скорбное сердце страдать.
Я знаю: лишь только увижу его,
Лишь только с дороги я встречу его,
Как в сердце мне радость вернется опять.

На южную гору взошла я, теперь
Там папоротник собираю давно.
Супруга давно уж не видела я,
Поранено сердце — тоскует оно.
Я знаю: лишь только увижу его,
Лишь только с дороги я встречу его,
Как сердце утешится, мира полно.

ТРАВЫ ВОДЯНОЙ НАБРАЛА

(I, II, 4)

Травы водяной набрала и полыни
В потоке, бегущем по южной долине.
Прилежно зеленые руппии рвет
У края струящихся медленно вод.

Растения собраны, нужно сложить их
В корзинах прямых и овалом плетенных;

В корзины сложила и будет варить их
В треножниках медных, в котлах плоскодонных.

Для жертвы она установит все это
Под окнами храма с востока и с юга.
О, кто же блюдет так усердно все это?
То юная, чистая сердцем супруга.

ПАМЯТЬ О ДОБРОМ ПРАВИТЕЛЕ
(I, II, 5)

Пышноветвистая дикая груша растет;
Ты не руби, не ломай ее пышных ветвей —
Шао правитель под ней отдыхал на траве.

Пышноветвистая дикая груша растет;
Листьев не рви, не ломай ее веток рукой —
Шао правитель под нею изведал покой.

Пышноветвистая дикая груша растет;
Ты не ломай ее пышные ветви, не гни —
Шао правитель садился под нею в тени.

ПЕСНЯ НЕВЕСТЫ, ОТВЕРГАЮЩЕЙ ЖЕНИХА
(I, II, 6)

Этой ночью роса увлажнила пути,
Рано ночью возможно ль идти?
Я скажу ему: много росы на пути.

Кто же скажет: у птичек рога не растут?
Воробьи под пробитою кровлей живут.
Кто же скажет, что ты не помолвлен со мной?
Ты меня призываешь на суд[3].
Пусть меня призываешь на суд, говорят, —
Не закончен наш брачный обряд.

Кто же скажет: клыков нет у мыши лесной,
Что прогрызла ограду в саду?
Кто же скажет, что ты не помолвлен со мной?

Ты меня призываешь к суду[4].
Что же, пусть ты меня призываешь к суду, —
За тебя все равно не пойду.

В ШУБАХ ОВЧИННЫХ ИДУТ ОНИ В РЯД

(I, II, 7)

В шубах овчинных идут они в ряд...
Шелком пять раз перевит ваш наряд,
Яства отведать от князя домой
Мирно уходят, и радостен взгляд.

Шубы из шкурок барашка новы,
Шелком прострочены белые швы...
С видом довольным из княжьих ворот
Яства отведать выходите вы.

Шелком прошитая шуба добра!
Взгляд благосклонен — ведь кушать пора.
Шелком пять раз ваш наряд перевит —
С княжьего вышли степенно двора.

ГУЛКО ГРОХОЧЕТ ГРОМ

(I, II, 8)

Гулко грохочет гром —
Там, от Наньшаня на юг.
Как ты ушел? Ведь гроза кругом!
Ты отдохнуть не посмел, супруг!
Милый супруг мой, прошу об одном:
О, возвратись же скорей в наш дом!

Гулко грохочет гром —
Там, где Наньшаня склоны круты.
Как ты ушел? Ведь гроза кругом!
Но задержаться не смеешь ты.
Милый супруг мой, прошу об одном:
О, возвратись же скорей в наш дом!

Гулко грохочет гром —
Там, у Наньшаня, внизу.
Как ты ушел? Ведь гроза кругом!
Дома побыть не посмел в грозу.
Милый супруг мой, прошу об одном:
О, возвратись же скорей в наш дом!

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ, СОБИРАВШЕЙ СЛИВЫ

(I, II, 9)

Слива уже опадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.

Сливы уже опадают в саду,
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи со мной.

Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

ЗВЕЗДЫ

(I, II, 10)

Сколько малых звезд на небосводе!
Ярких — три иль пять на весь Восток.
К князю я спешу, лишь ночь приходит...
С князем я — рассвета близок срок...
Звездам дал иное счастье рок.

Много малых звезд на небосводе,
Светит Мао, Шэнь уже видна[5].
К князю я спешу, лишь ночь приходит, —
Одеяло принесет жена...
Звезд судьба и наша — не одна!

ДЕВУШКА ШЛА К ЖЕНИХУ

(I, II, 11)

Так с Цзяном сольется потока волна...
Та девушка шла к жениху.
С собою нас брать не хотела она,
С собою нас брать не хотела она,
Потом стосковалась одна.

Так воды сливаются за островком...
Та девушка шла к жениху.
С собой ты нас взять не хотела в свой дом[6],
С собой ты нас взять не хотела в свой дом,
Была ты нам рада потом.

Тэ в Цзян возвращает поток своих вод[7]...
Та девушка шла к жениху.
Она собралась, только нас не берет,
Да жалко ей стало, что нас не берет,
Тоскует теперь и поет.

УБИТАЯ ЛАНЬ НА ОПУШКЕ ЛЕСНОЙ

(I, II, 12)

Убитая лань на опушке лесной,
Осокою белой обвил ты ее.
У девушки думы на сердце весной —
О юный счастливец, пленил ты ее.

В лесу низкорослый дубняк шелестит.
Убитый олень на опушке лежит,
Он белой осокою плотно обвит.
А девичья прелесть, как яшма, блестит.

«Потише, потише, не трогай меня,
Коснуться платка не позволила я,
Не трогай — залает собака моя».

СВАДЬБА ЦАРЕВНЫ

(I, II, 13)

Как дикая вишня густа и пышна,
Одетая ныне в цветочный наряд...

И разве не скромная строгость видна
В строю колесниц этой внучки царя?

Как слива и персик густы и пышны!
Цветы распустились сегодня на них.
То внучка Пин-вана[8], невеста-краса.
Сын циского князя[9] — царевны жених.

Что нужно тебе, чтобы рыбу удить?
Из шелковых нитей витая леса![10]
Сын циского князя — царевны жених,
То внучка Пин-вана, невеста-краса.

ЦЗОУ-ЮЙ (БЕЛЫЙ ТИГР)[11]

(I, II, 14)

Как пышно разросся камыш над рекой...
Пять вепрей убиты одною стрелой...
Вот, Белый наш тигр, ты охотник какой!

Густой чернобыльник стоит как стена.
Стрела — пятерых поразила одна...
Вот, наш Цзоу-юй, ты охотник какой.

III. ПЕСНИ ЦАРСТВА БЭЙ[1]

ПЕСНЬ ЗАБЫТОЙ ЖЕНЫ
(I, III, 1)

I

Так кипарисовый челн уплывает легко —
Он по теченью один уплывет далеко!
Вся я в тревоге и ночью заснуть не могу,
Словно объята тяжелою тайной тоской, —
Не оттого, что вина не нашлось у меня
Или в забавах найти б не сумела покой.

II

Сердце — не зеркало, всей не раскроет оно
Скорби моей, что таится в его глубине.
К братьям пойти? Но и братья родные мои
Быть не сумеют надежной опорою мне!
Как я пойду им поведать печали одни,
Зная, что встречу у них лишь неправедный гнев?

III

Сердце мое — ведь не камень, что к почве приник,
Сердце мое ведь не скатишь, как камень с холма!
Сердце мое — не вплетенный в циновку тростник,
Сердце мое не свернуть, как циновки в домах!
Вид величав мой, поступки разумны всегда —
В чем упрекнуть меня можно? Не знаю сама.

IV

Сердце мое безутешной печали полно.
Толпы наложниц меня ненавидят давно!
Много теперь я познала скорбей и обид.

Сколько мне тягостных бед испытать суждено!
Думы об этом в глубоком молчанье таю.
Встану и в грудь себя бью — не заснуть все равно.

V

Солнце на небе, и месяц по небу поплыл —
Мрак, почему не луну ты, а солнце сокрыл?
Точно нечистой одеждой, тоской облеклось
Сердце мое, и печаль мою сбросить нет сил.
Думы об этом в глубоком молчанье таю,
Птицей бы я улетела, да не дано крыл!

ОДЕЖДА ЗЕЛЕНОГО ЦВЕТА

(I, III, 2)

Одежда на вас зеленого цвета,
Вы желтый мой шелк для подкладки избрали[2],
Печаль моего одинокого сердца —
О, где же конец постоянной печали?

Супруг мой, одежду зеленого цвета
На желтой сорочке вы носите всюду.
Печаль моего одинокого сердца —
О, как же тоску и печаль позабуду?

Одежды — зелеными были шелками,
Шелка для одежд выбирали вы сами.
Я, древних людей вспоминая, стараюсь
Беречься, виновной не быть перед вами.

Я в холст облекаюсь то в тонкий, то в грубый,
Мне в стужу согреться под ним не под силу.
Я, древних людей вспоминая, стараюсь
Вновь бодрость обресть в своем сердце унылом.

ТО ЛАСТОЧКИ

(I, III, 3)

I

То ласточки, вижу, над нами летают крутом,
Их крылья неровные, вижу, мелькают вдали.

Навеки она возвращается ныне в свой дом!..
Ее провожаю до края родимой земли.
И вслед ей смотрю я, уж взору ее не догнать,
И слезы мои, изобильны, как дождь, потекли[3].

II

То ласточки, вижу, над нами летают кругом...
То падают вниз, то взлетают опять в вышину.
Навеки она возвращается ныне в свой дом...
Далеко ее провожаю в родную страну!
И вслед ей смотрю я, уж взору ее не догнать,
Стою неподвижно, и слезы струятся опять.

III

То ласточки, вижу, над нами летают кругом,
Их крики то ниже, то к небу поднимутся вдруг.
Навеки она возвращается ныне в свой дом,
Далеко, далеко ее провожаю на юг...
И вслед ей смотрю я, уж взору ее не догнать,
И сердце мое преисполнено боли и мук.

IV

Правдива душою была она, Чжун-госпожа,
Была беспредельною сердца ее глубина.
Всегда благородной душою тепла и добра,
Была непорочной, к себе была строгой она,
И памятью князя, покойного мужа, всегда
Бодрила подругу, что доблестью сердца бедна![4]

ПЕСНЬ ЗАБЫТОЙ ЖЕНЫ
(I, III, 4)

Солнце и месяц, вы свет земле
Шлете, плывя в вышине!
Древних заветы забыл супруг,
Стал он суров к жене.
Или смирить он себя не мог —
Взор свой склонить ко мне?

Солнце и месяц, не вы ль с высот
Льете на землю свет?

О, почему же любви ко мне
В сердце супруга нет?
Или смирит он себя? Найдет
Чувство мое ответ?

Солнце и месяц, радует нас
Вашим восходом восток!
Слава худая идет о том,
Что муж мой со мной жесток.
Если бы смог он себя смирить,
Забыть меня разве бы мог?

Солнце и месяц, с востока вы
Всходите день за днем!
Мать и отец! Ведь вам меня
Не прокормить вдвоем.
Разве он может смирить себя?
Отклик найду ли в нем?

ВЕТЕР ВСЕ ДУЕТ...
(I, III, 5)

Ветер все дует... Он и порывист и дик.
Взглянешь порою и мне улыбнешься на миг.
Смех твой надменен, без меры насмешлив язык!
Скорбью мне смех твой в самое сердце проник.

Ветер все дует, клубится песок в вышине...
Нежен порою, прийти обещаешь ко мне;
Только обманешь, ко мне ты забудешь прийти! —
Думы мои бесконечно летят в тишине.

Ветер все дует — по небу плывут облака,
День не истек, все плывут и плывут облака.
Глаз не сомкнуть мне — я ночью заснуть не могу.
Думы и вздохи о нем, и на сердце тоска.

В тучах все небо, нависшие тучи черны,
Глухо рокочет, гремит нарастающий гром...
Глаз не сомкнуть мне, я ночью заснуть не могу —
Все мои помыслы, все мои думы — о нем!

ЛИШЬ БАРАБАН БОЛЬШОЙ УСЛЫХАЛ

(I, III, 6)

Лишь барабан большой услыхал —
Сразу вскочил, оружие взял.
Рвы там копают в родной земле,
В Цао[5] возводят высокий вал.

К югу идем мы за рядом ряд,
Сунь благородный ведет солдат,
Мир уже с царствами Чэнь и Сун[6] —
Все ж не хотят нас вести назад!

Горе сердца сжимает нам.
Здесь отдохнем, остановимся там...
Вот распустили коней своих,
Будем их долго искать по лесам.

Жизнь или смерть нам разлука несет,
Слово мы дали, сбираясь в поход.
Думал, что, руку сжимая твою,
Встречу с тобой я старость мою.

Горько мне, горько в разлуке с тобой,
Знаю: назад не вернусь я живой.
Горько, что клятву свою берегу,
Только исполнить ее не могу.

ПЕСНЬ О СЫНОВЬЯХ, КОТОРЫЕ НЕ СУМЕЛИ ПОКОИТЬ СТАРОСТЬ МАТЕРИ

(I, III, 7)

Южного ветра живительный ток
Веет, лелея жужуба росток.
Стали красивы и нежны ростки —
Высохла мать от забот и тоски.

Южного ветра живителен ток.
Вырос жужуб, теплым ветром согрет.
Ты, наша мать, и мудра и добра,
Добрых детей у тебя только нет!

В местности Сюнь есть источник один —
Много несет он студеной воды.
Семь сыновей нас, а мать и теперь
Тяжесть несет и труда и нужды.

Иволга блещет своей красотой,
Тонкие трели выводит вдали.
Семь сыновей нас у матери, мы
Дать ее сердцу покой не смогли!

КАК ПЕСТРЫЙ ФАЗАН ДАЛЕКО УЛЕТАЕТ

(I, III, 8)

Как пестрый фазан далеко улетает —
Медлителен крыл его плавный полет.
Супруг благородный, всем сердцем любимый,
Не он ли мне горе разлуки несет?

Фазаний самец далеко улетает,
Крик слышен то снизу, то вдруг с высоты...
Не сам ли, супруг благородный, любимый,
Мне сердце наполнил страданием ты?

Взгляну ли на солнце, взгляну ли на месяц[7],
Все думы мои лишь о нем, лишь о нем!..
Но в путь он собрался, я знаю, далекий.
Когда же он снова вернется в свой дом?

Да кто ж из людей благородных не знает,
Что доблестен муж мой в поступках и строг?
Нет алчности в нем, нет завистливой злобы!
Недоброе сделать он разве бы мог?

У ТЫКВЫ ЗЕЛЕНЫЕ ЛИСТЬЯ ГОРЬКИ...

(I, III, 9)

У тыквы зеленые листья горьки...
Вот брод — переход через воды реки.
Глубок — я в одеждах пройду по нему,
А мелок — край платья тогда подниму.

Поток набухает, разлиться готов;
Фазаночки слышу настойчивый зов.
Колес не покроет разлив этих вод...
Фазаночка милого долго зовет.

Лишь солнце взойдет поутру горячей,
Согласные слышатся крики гусей.
В дом мужа уходит невеста, пока
Еще не растаял весь лед от лучей.

Зовет перевозчик меня на беду!
Все в лодку садятся, а я не иду...
Все в лодку садятся, а я не иду...
Я друга желанного жду!

ПЕСНЬ ОСТАВЛЕННОЙ ЖЕНЫ
(I, III, 10)

I

Ветер с восточной подул стороны,
Дождь благодатный принес, пролетев...
Сердцем, в согласии жить мы должны,
Чтоб не рождались ни злоба, ни гнев.
Репу и редьку мы рвали вдвоем —
Бросишь ли репу с плохим корешком?..[8]
Имя свое не порочила я,
Думала: вместе с тобою умрем.

II

Тихо иду по дороге... Гляди,
Гнев и печаль я сокрыла в груди.
Недалеко ты со мною прошел,
Лишь до порога меня проводил.
Горьким растет, говорят, молочай —
Стал он мне слаще пастушьей травы![9]
Будто бы братья, друг другу верны,
С новой женою пируете вы!

III

Мутною кажется Цзин перед Вэй,
Там лишь, где мель, ее воды чисты.[10]
С новой женою пируете вы,
Видно, нечистою счел меня ты?
Пусть на запруду не ходит она
Ставить из прутьев бамбуковых сеть...
Брошена я, что же будет со мной? —
Некому стало меня пожалеть!

IV

Если поток и широк, и глубок —
К берегу вынесут лодка иль плот;
Если же мелок и узок поток —
Путник легко по воде побредет[11]...
Был и достаток у нас, и нужда,
Много я знала трудов и забот.
Я на коленях служила больным
В дни, когда смерть забирала народ.

V

Нежить меня и любить ты не смог,
Стал, как с врагом, ты со мною жесток.
Славу мою опорочил, и вот —
Я, как товар, не распроданный в срок.
Прежде была мне лишь бедность страшна,
Гибель, казалось, несет нам она...
Сызмальства в доме твоем взращена,
Стала отравой для мужа жена.

VI

Как он велик, мой запас овощей!
Зимней порой защитит от беды.
С новой женою пируете вы —
Я лишь защитой была от нужды.
Грубый со мною да гневный такой,
Дашь мне заботы, одаришь тоской.
Или забыл ты, что было давно?
Что лишь со мною обрел ты покой?

ЗАЧЕМ, О ЗАЧЕМ МЫ НИЧТОЖНЫ, БЕДНЫ

(I, III, 11)

Зачем, о зачем мы ничтожны, бедны
Вдали от родимой своей стороны?
Иль здесь не для вас собрались мы, о князь,
Где едкая сырость и жидкая грязь?[12]

Зачем, о зачем мы ничтожны, бедны
Вдали от родимой своей стороны,
Назад не идем? Из-за вас без вины
В росе и грязи мы здесь мерзнуть должны!

ВЗРОСЛА КОНОПЛЯ НАД ПОЛОГИМ ХОЛМОМ

(I, III, 12)

Взросла конопля над пологим холмом,
Уж стелются юркие стебли кругом.
О старшие родичи наши, увы,
Прошло столько дней, мы всё помощи ждем!

Зачем же в поход не сбирается рать,
Иль, может быть, помощи надобно ждать?
Так долго зачем не выходит она?
О, верно, тому быть причина должна!

Из лис наши шубы сносились не в срок.
Иль шли колесницы не к вам на восток?[13]
О старшие родичи наши, от вас
Сочувствия нет, ваш обычай жесток.

Остатки, осколки мы рати былой —
В скитаньях не знаем приюта себе.
Улыбчивы, старшие родичи, вы,
Однако не внемлете нашей мольбе.

ПЕСНЬ ТАНЦОРА

(I, III, 13)

Я плясать всегда готов
Так свободно и легко...

Над высокою площадкой
Солнце в полдень высоко.

Рост могучий, я — танцор,
Выхожу на княжий двор...
Силой — тигр, берет рука
Вожжи — мягкие шелка.

Вот я в руки флейту взял
И перо фазанье сжал,
Красен стал, как от румян, —
Князь мне чару выпить дал.

На горе орех растет
И лакрица средь болот...
Думы все мои о ком?
Там, на западе, есть дом,
В нем красавица живет —
Там, на западе, живет!

ПЕСНЬ ЖЕНЫ ОБ ОСТАВЛЕННОМ РОДНОМ ДОМЕ[14]

(I, III, 14)

Поток выбегает к далекому Ци[15].
Стремится волна за волной.
Так сердце, тоскуя о Вэй, что ни день
Исполнено думой одной.
Прекрасные милые сестры, под стать
Нам дружный совет меж собою держать.

Нам в Цзи по дороге пришлось ночевать
И чару прощальную в Ни выпивать[16]...
Коль девушка замуж выходит, она
Отца оставляет, и братьев, и мать.
Теперь бы я теток увидеть могла
И с старшей сестрой повидаться опять!

В пути ночевать мы остались бы в Гань,
Распили бы чару прощальную в Янь[17],
Мы б смазали медь на концах у осей,
Чтоб шли колесницы обратно живей,

Мы б скоро домчались обратно до Вэй —
Коль зла не боялись для чести своей!

Одна Фэйцюань в моих думах — река,
Ей вечные вздохи мои и тоска.
Там помню я Цао и Сюй[18] города —
К ним сердце в печали стремилось всегда.
Коней бы запрячь мне и мчаться туда,
Чтоб скорбь разлилась, как из чаши вода!

ВЫШЕЛ Я ИЗ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

(I, III, 15)

Вышел я из северных ворот,
В сердце боль от скорби и забот.
Беден я, нужда меня гнетет —
Никому неведом этот гнет!
Это так, и этот жребий мой
Создан Небом и судьбой самой.
Что скажу, коль это жребий мой?

Службой царскою гнетут меня,
Многие дела томят меня,
А приду к себе домой — опять
Все наперебой корят меня.
Это так, и этот жребий мой
Создан Небом и судьбой самой.
Что скажу, коль это жребий мой?

Службы царской гнет назначен мне,
Он все больше давит плечи мне,
А приду к себе домой — опять,
Кто из близких не перечит мне?
Это так, и этот жребий мой
Создан Небом и судьбой самой.
Что скажу, коль это жребий мой?

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

(I, III, 16)

Северный ветер дыханьем пахнул ледяным,
Снежные хлопья упали покровом густым...

Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — вместе отсюда бежим.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Северный ветер... Пронзительный слышится вой —
Снежные хлопья летят над моей головой.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — в путь мы отправимся свой.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Край этот страшный — рыжих лисиц сторона.
Признак зловещий — воронов стая черна.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — у нас колесница одна!
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

ТИХАЯ ДЕВУШКА
(I, III, 17)

Тихая девушка так хороша и нежна!
Там, под стеною, меня ожидает она.
Крепко люблю я, но к ней подойти не могу;
Чешешь затылок, а робость, как прежде, сильна.

Тихая девушка так хороша и мила!
Красный гуань[19] в подарок она принесла.
Красный гуань сверкает, как будто в огне;
Как полюбилась краса этой девушки мне.

С пастбища свежие травы она принесла.
Как хороши и красивы побеги травы!
Только вы, травы, красивы не сами собой —
Тем, что красавицей милой подарены вы!

НОВАЯ БАШНЯ
(I, III, 18)

Светла эта новая башня, ярка,
Под ней полноводная плещет река...

Ты к милому мужу стремилась — и вот
Больного водянкой нашла старика.

Там новая башня чистейшей стеной
Над ровною высится гладью речной...
Ты к милому мужу стремилась, тебе
Старик стал супругом — опухший, больной!

Для рыбы речная поставлена сеть,
Да серого гуся поймала она...
Ты к милому мужу стремилась — и вот
В супруги больного взяла горбуна!

ДВОЕ ДЕТЕЙ САДЯТСЯ В ЛОДКУ
(I, III, 19)

Двое детей садятся в лодку простую,
Тени, я вижу, на глади колеблются вод,
Думаю только о детях, тянусь к ним душою,
В сердце сомненье, в сердце тревога растет.

Двое детей садятся в лодку простую,
Лодка, колеблясь, уходит по глади воды.
Думаю только о детях, тянусь к ним душою,
В сердце тревога: не было б с ними беды.

IV. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЮН[1]

КИПАРИСОВЫЙ ЧЕЛНОК

(I, IV, 1)

Кипарисовый этот челнок унесло,
И плывет он средь глади речной...
Ниспадали две пряди ему на чело,
Был он муж мне, и клятва осталась со мной:
Я другому до смерти не буду женой.
Ты, о мать моя, вы, небеса в вышине,
Отчего вы не верите мне?

Кипарисовый этот челнок унесло
Вдоль по краю реки, без весла...
Ниспадали две пряди ему на чело,
Он единственный мой был, я клятву дала,
Что до смерти не сделаю зла.[2]
Ты, о мать моя, вы, небеса в вышине,
Отчего вы не верите мне?

ЧЕРТОПОЛОХ

(I, IV, 2)

Так по стене чертополох пополз —
Не справится с колючками метла.
Что о гареме нашем говорят —
Я никому поведать не могла.
Когда б о том поведать я могла —
Как много было б и стыда и зла!

Так по стене чертополох пополз,
Что и не вырвешь, заросла стена.
Есть про покои женские молва —

Ее передавать я не должна.
О, если все я передать должна —
Я знаю, будет речь моя длинна.

Так по стене чертополох пополз —
Его колючки не связать в пучок.
Что про покои наши говорят —
Никто из нас пересказать не мог.
Когда б об этом ты проведать мог, —
О стыд! — тогда бы был твой суд жесток!

С СУПРУГОМ ВМЕСТЕ ВСТРЕТИШЬ СТАРОСТЬ ТЫ

(I, IV, 3)

С супругом вместе встретишь старость ты...
В подвесках к шпилькам яшмы белизна,
В наколке ты — спокойна и стройна,
Как горный пик ты, как река плавна.
В наряд узорный ты облачена.
Но если в сердце нет добра — зачем
В наряды облачается жена?

Он ярко блещет — пышный твой наряд,
Фазанами расшитый, расписной!
И словно туча чернь твоих волос —
В прическе нет ни пряди накладной,
И яшмовые серьги у тебя,
Слоновой кости гребень твой резной,
Твое чело сияет белизной.
И кажется: с небес явилась ты,
И кажется: вот дух передо мной!

И ярко-ярко, точно яшмы блеск,
Твои одежды пышные горят,
Сорочку тонкую из конопли
Обтягивает плотно твой наряд.
И вижу я, как твой прекрасен лоб,
Округлены виски и ясен взгляд.
О, эта женщина! Подобной ей
Красы в стране нет больше, говорят.

В ТУТАХ

(I, IV, 4)

Вот иду собирать я повилику-траву,
На полях, что за Мэй[3], повилики нарву.
Но о ком я тоскую, мои думы о ком?
Ах, прекрасною Цзян ту подругу зову.
Цзян меня поджидает в роще тутов одна,
Цзян в Шангуне сегодня встретить друга должна
Цзян, меня ты проводишь над рекою — над Ци!

Время сбора пшеницы, ухожу я за ней —
Я ее собираю там, на север от Мэй.
Но о ком я тоскую, мои думы о ком?
Ах, прекрасная И — имя милой моей.
И меня поджидает в роще тутов одна,
И в Шангуне сегодня встретить друга должна,
И, меня ты проводишь над рекою — над Ци.

Репу рвать выхожу я, репа нынче крупна —
Там, от Мэй на восток, созревает она.
Но о ком я тоскую, мои думы о ком?
Юн красавицу эту называют у нас!
Юн меня поджидает в роще тутов одна,
Юн в Шангуне сегодня встретить друга должна,
Юн, меня ты проводишь над рекою — над Ци!

ЧЕТОЙ ПЕРЕПЕЛКИ КРУЖАТ У ГНЕЗДА

(I, IV, 5)

Четой перепелки кружат у гнезда;
Четою повсюду сороки кружат.
Недобрый он был человек, говорят,
А мной почитался как старший мой брат.

Четою повсюду сороки кружат,
Четой перепелки кружат у гнезда,
Недобрый он был человек, говорят,
Его господином считал я всегда.

СОЗВЕЗДИЕ ДИН ВЫСОКО НАКОНЕЦ[4]

(I, IV, 6)

Созвездие Дин высоко наконец,
Он в Чу воздвигать начинает дворец.
По солнцу, по тени размерил шестом
Пространство и чуский он выстроил дом.
Орех и каштан посадил он кругом,
И тис, и сумах, и катальпу над рвом —
На цитры и гусли их срубят потом.

Поднялся на древний разрушенный вал
И чуские земли кругом озирал.
Он долго взирал и на Чу, и на Тан[5],
Он смерил и тень от горы, и курган,
Тутовник осматривать в чуский свой стан
Сошел... На щите черепахи гадал[6],
И добрый ответ был властителю дан!

Дожди благодатные пали с весны —
Приказ дал вознице властитель страны
Коней на звезде заревой запрягать:
В поля надо ехать, где туты видны.
Не прям ли душою властитель страны? —
В нем помыслы все глубоки и ясны.
Прекрасны большие его табуны!

РАДУГА

(I, IV, 7)

Радуга встала в небе с востока —
Никто не смеет рукой указать...[7]
Девушка к мужу идет, покидает
Братьев своих, и отца, и мать.

Радуга утром на западе всходит —
Будет все утро дождь без конца.
Девушка к мужу идет, покидает
Братьев своих, и мать, и отца.

Брака с любимым желает дева!
Видишь: в слиянье с солнцем вода,
Не знаешь ни воли небесной, ни гнева
И, верно, совсем не знаешь стыда!

ТЫ НА КРЫСУ ВЗГЛЯНИ...
(I, IV, 8)

Ты на крысу взгляни — щеголяет кожей,
А в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей!
Коль в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей,
Почему не умрешь ты, на людей непохожий?

Посмотри ты на крысу — у нее есть зубы,
А ведь ты человек без удержу, грубый,
Если ты человек без удержу, грубый,
Чего ждешь, кроме смерти? Что тебе любо?

Посмотри-ка: все слаженно в теле крысином.
Ты — не знаешь обряда и не славен ты чином.
Коль ни чина нет у тебя, ни обряда,
Что же, ранняя смерть для тебя — не награда?

ВСТРЕЧА ЗНАТНОГО ГОСТЯ
(I, IV, 9)

Высоко-высоко вознеслись бунчуки —
За Сюнь, за селеньем полки далеки...
Шнуры были белого шелка у них,
Добры были кони в четверках у них.
Со свитой приехал прекрасный наш гость,
Какими дарами встречаем мы их?

И сокол поднялся на ткани знамен,
То в наших селеньях он был вознесен!
Шнурами повиты знамена у них,
И кони в пятерках могучи у них.
Со свитой приехал прекрасный наш гость,
Какими встречаем подарками их?

И в перьях цветных в высоте засверкал
Их знак, лишь взошли колесницы на вал.
На знаке белели шнуры — для него,
Их кони в шестерках добры — для него.
Со свитой приехал прекрасный наш гость.
О чем же рассказы пойдут у него?

МЧАЛАСЬ УТЕШИТЬ[8]

(I, IV, 10)

I

Мчалась утешить, коней подгоняла бичом,
К вэйскому князю спешила в родимый свой дом.
Лошади вскачь, но дорога княгини длинна —
Города Цао достичь не сумеет она.
Скачет чрез реки и степи вельможа за ней —
Он догоняет, и грудь ее болью полна!

II

Думы мои не считаете добрыми вы —
Я не могу возвратиться в родимое Вэй.
Вижу сама, как меня осуждаете вы, —
Думы мои не избуду в печали моей.
Думы мои не считаете добрыми вы —
Мне не вернуться чрез реки из сюйской земли.
Вижу сама, как меня осуждаете вы,
Только вы думы мои оборвать не смогли!

III

Вот поднялась я на этот обрывистый холм,
Царских кудрей, чтоб рассеять печаль, набрала[9].
Много желаний в женской таится груди —
Если б я эти желанья исполнить могла!
В княжестве Сюй мой народ осуждает меня —
Все вы, как дети, безумны от гнева и зла!

IV

Едет назад меж полей колесница моя,
Вижу, как пышно желтеет пшеница кругом.
Помощь мне надо искать у сильнейшей страны[10]
Кто мне опора, найду я прибежище в ком?
Вы, о вельможи! И вы, благородства мужи!
Не осуждайте напрасно княгини своей.
Много советов, я знаю, у вас, но для Вэй
Лучше их всех исполнение воли моей!

V. ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ[1]

У МЕНЯ ЕСТЬ МИЛЫЙ

(I, V, 1)

I

Полюбуйся на эти извивы у берега Ци,
Что так пышно одеты бамбуком зеленым, густым.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня —
Словно рог он резной, что обточен искусным резцом,
Как нефрит ограненный, до блеска натертый песком!
Величав он собою, степенен и важен на вид,
Он достоинства строгого полон и нравом открыт.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня.
Мне его не забыть, он вовеки не будет забыт!

II

Полюбуйся на эти извивы у берега Ци!
Бирюзово-зеленый бамбук отразила вода.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня —
Два прекрасных нефрита в ушах его блещут всегда
И расшитая яшмою шапка его, как звезда!
Он степенен и важен, собой величав он на вид,
И достоинства строгого полон, и нравом открыт.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня,
Мне его не забыть, он вовеки не будет забыт!

III

Полюбуйся на эти извивы у берега Ци!
Как на ложе циновка, густеет зеленый бамбук.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня —
Словно золото чист, будто олово светел мой друг,

Как нефритовый жезл он, как княжеский яшмовый круг![2]
Сколь душою широк он, как сердцем безмерно велик!
Он стоять в колеснице с двойною опорой привык[3].
Посмеяться умеет — он шутки искусство постиг, —
Но жестоким и грубым его не бывает язык.

ТАМ РАДОСТЬ ЯВИЛАСЬ...

(I, V, 2)

Там радость явилась — в долине, где плещет поток...
О, как величав ты и как ты душою широк!
Ты спишь иль проснешься, но все ж без меня одинок.
Клянись: никогда бы забыть эту радость не мог!

Там радость явилась, где холм возвышался большой.
О, как величав ты с твоею широкой душой!
Ты спишь иль проснешься — один ты, так песню запой.
Клянись же, что грешен не станешь ты передо мной.

Там радость одна для двоих, где высокая гладь...
О, как величав ты! Твоей ли души не узнать?
Ты спишь иль проснешься один — засыпаешь опять.
Клянись! Никому ты об этом не вправе сказать!

ТЫ ВЕЛИЧАВА СОБОЙ[4]

(I, V, 3)

I

Ты величава собой, высока и стройна,
Виден узорный наряд под одеждою из полотна.
О новобрачная, циского князя ты дочь,
Нашему вэйскому князю теперь ты жена.
Брат твой отныне в покоях восточных дворца[5],
Ты повелителю Сина в супруги дана[6].
Таньский правитель — твой шурин теперь, о княжна![7]

II

Пальцы — как стебли травы, что бела и нежна...
Кожа — как жир затвердевший, белеет она!

Шея — как тело червя древоточца, длинна,
Зубы твои — это в тыкве рядком семена.
Лоб — от цикады, от бабочки — брови... Княжна!
О, как улыбки твои хороши и тонки,
Светят-сверкают в глазах твоих нежных зрачки.

III

Ты высока, величавой полна красоты!
Стала на отдых меж нив за предместьями ты;
Кони в четверках сильны, удила их свиты
В пышно-красивые красного шелка жгуты,
В перьях фазаньих стоят над повозкой щиты[8],
Близок твой поезд. Вельможи! Спешите домой[9] —
Пусть не томится наш князь ожиданьем пустым.

IV

В княжестве Ци сколь водой изобильна Река[10],
Резво струится она и на север течет...
С плеском там сети забросят, бывало, — и вот
Стая в сетях осетровая рвется и бьет...
Пышен тростник у зеленого берега вод.
Сестры готовы к походу. Богат их наряд.
Грозен у воинов, вас провожающих, взгляд.

ТЫ ЮНОШЕЙ ПРОСТЫМ ПРИШЕЛ ВЕСНОЙ

(I, V, 4)

Ты юношей простым пришел весной,
Ты пряжу выменял на шелк цветной.
Не пряжу ты менял на шелк цветной,
Ты к нам пришел увидеться со мной.
Чрез Ци[11] с тобой я шла в весенний зной,
Пришла в Дуньцю — назад идти одной!
Отложен срок — не я тому виной,
Не слал ты сватов вовремя за мной,

Так не сердись же, милый, на меня —
Срок будет осенью — не я виной...

II

Взойду ль на обветшалый палисад,
Спешишь ли ты обратно — брошу взгляд..
Когда тебя мой не встречает взгляд —
Потоки слез глаза мои струят.
Но лишь тебя поймает жадный взгляд —
Звучит мой смех и губы говорят:
«Ты на щите и тростнике гадал[12] —
Несчастья нам не будет, говорят.
В повозке за приданым приезжай —
Меня с собою увезешь назад».

III

В листве зеленой — как наряден тут,
Пока листы его не опадут!
Но ягодой его, голубка, ты
Не лакомься, хоть ягода сладка[13].
Будь осторожна, девушка, и ты:
Не принимай ты ласки от дружка!
Коль завелась утеха у дружка,
О ней он все же может рассказать...
А девушке про милого дружка
На свете никому нельзя сказать!

IV

Но высохнут тутовника листы,
На землю свалятся они, желты.
В твой дом ушла я — и три года там
С тобой вкушала горечь нищеты!
Разлились воды Ци, шумит волна,
Моей повозки занавесь влажна...
Три года я была тебе верна,
Твой путь иной, я брошена, одна!
Ты, господин, женою пренебрег —
Менялся часто, лгал как только мог.

V

Три года я была женой, в дому
Я счета не вела своим трудам;
Едва заснув, вставала на заре
И — день-деньской нет отдыха ногам.
Блюла я клятву — кто виновен в том,
Что ты со мною стал жестоким сам?
Не знают братья всей моей беды:
Вернуться к ним? Насмешки встречу там.
Одной терзаюсь думой и — молчу.
Себя жалею, волю дав слезам.

VI

Состарились с тобою мы, а ты
Мне в старости наполнил сердце злом!
Так Ци сжимают берега кругом,
Так сушей сжат в низине водоем[14].
Я помню: волосы сплела узлом[15],
Беседовали мы, смеясь, вдвоем...
Быть верным клятву дал ты ясным днем!
Ты обманул... Могла ли знать о том?
И в мыслях не держала я, поверь!
Что делать мне? Всему конец теперь.

ТОСКА ЖЕНЩИНЫ, ВЫДАННОЙ В ЧУЖУЮ СТОРОНУ

(I, V, 5)

Длинен и тонок бамбук уды —
Рыбу ты удишь на Ци-реке.
Мысли тоскливые — лишь о тебе.
Мне не прийти — я одна вдалеке.

Слева течет там Цюаньюань,
Справа там воды Ци без конца...
Девушка в дом уйдет к жениху,
Братьев покинет, и мать, и отца.

Справа там воды Ци, левей
Воды Цюаньюань[16] струит...

Яшмой улыбка моя блестит,
Выйду — о пояс звенит нефрит.

Там воды Ци текут плавней,
Знаю: сосновый челн на ней,
Весла из кедра... Запрячь ли коней,
Горечь развеять тоски моей?

ПЕСНЬ ОБ ОТРОКЕ, УКРАСИВШЕМ СЕБЯ ПОЯСОМ ЗРЕЛОГО МУЖА

(I, V, 6)

Горькая тыква стебли простерла весной...
Отрок свой пояс украсил иглой костяной[17]...
Пусть он свой пояс украсил иглой костяной —
Разве он мудростью может равняться со мной?
Поясом зрелого мужа бахвалится он,
Кисти повисли на поясе с разных сторон.

Листья простершая тыква мала и горька...
Отрок на пояс привесил наперстье стрелка...
Пусть он на пояс повесил наперстье стрелка,
Разве с моею сравнится искусством рука?
Поясом зрелого мужа бахвалится он,
Кисти повисли на поясе с разных сторон.

СКОРБЬ МАТЕРИ, РАЗЛУЧЕННОЙ С СЫНОМ[18]

(I, V, 7)

Кто скажет теперь, что река эта, Хэ[19], широка?
Ее и с тростинкой бы легкой я переплыла.
Кто скажет теперь, что земля эта, Сун, далека?
Привстав на носки, я глазами б ту землю нашла.
Кто скажет теперь, что река эта, Хэ, широка?
Вместить не могла даже малую лодку вода!
Кто скажет теперь, что земля эта, Суй, далека?
Я меньше чем в утро одно добежала б туда!

ТОСКА О МУЖЕ, ПОСЛАННОМ В ПОХОД

(I, V, 8)

Грозен и смел мой супруг на войне,
Всех он прекрасней и лучше в стране.
Палицу сжал он и мчится вперед
Прежде всех царских других воевод.

Муж на востоке... Развился с тех пор
Пухом летучим прически убор...
Голову нечем ли мне умастить?
Чей красотою порадую взор?

Часто мы просим у неба дождя —
Солнце ж все ярче блестит в синеве.
Мыслями вечно к супругу стремлюсь,
В сердце усталость и боль в голове!

Где бы добыть мне забвенья траву?
Я посажу ее к северу, в тень.
Мыслями вечно к супругу стремлюсь.
Сердце тоскует больней что ни день.

РЫЩЕТ, ИЩЕТ ПОДРУГУ ЛИС

(I, V, 9)

Рыщет, ищет подругу лис
Там, где над Ци есть гать.
Сердце болит, что негде вам
Одежду исподнюю взять![20]

Рыщет, ищет подругу лис,
Где через Ци есть брод...
Сердце болит, никто для вас
Пояса не найдет!

Рыщет, ищет подругу лис —
Виден по берегу след...
Сердце мое болит — у вас
Даже одежды нет!

МНЕ ТЫ В ПОДАРОК ПРИНЕС ПЛОД АЙВЫ

(I, V, 10)

Мне ты в подарок принес плод айвы ароматный,
Яшмой прекрасною был мой подарок обратный.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.

Мне ты в подарок принес этот персик, мой милый!
Я же прекрасным нефритом тебя одарила.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.

Сливу в подарок принес ты сегодня с приветом,
Я же прекрасные в дар отдала самоцветы.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечно осталась любовь между нами.

VI. ПЕСНИ ЦАРСКОЙ СТОЛИЦЫ[1]

ТАМ ПРОСО СКЛОНИЛОСЬ ТЕПЕРЬ
(I, VI, 1)

I

Там просо склонилось теперь к бороздам,
Там всходы взошли ячменя...
И медленно я прохожу по полям,
В смятении дух у меня.
И всякий, кто знает меня, говорит,
Что скорбь в моем сердце и страх.
А тот, кто не знает меня, говорит:
«Что ищет он в этих полях?»
О неба лазурная даль в вышине,
Кто пыль запустенья разнес по стране?

II

Там просо склонилось теперь к бороздам,
Ячмень колосится давно...
И медленно я прохожу по полям,
И сердце смятеньем полно.
И всякий, кто знает меня, говорит,
Что скорбь в моем сердце и страх.
А тот, кто не знает меня, говорит:
«Что ищет он в этих полях?»
О неба лазурная даль в вышине,
Кто пыль запустенья разнес по стране?

III

Там просо склонилось теперь к бороздам,
Зерно налилось ячменя...
И медленно я прохожу по полям,
Как тесно в груди у меня!

И всякий, кто знает меня, говорит,
Что скорбь в моем сердце и страх.
И тот, кто не знает меня, говорит:
«Что ищет он в этих полях?»
О неба лазурная даль в вышине,
Кто здесь запустенье разнес по стране?

ТОСКА О МУЖЕ

(I, VI, 2)

На службе у князя супруг далеко —
Не знаю, когда он вернется ко мне,
И где он теперь, и в какой стороне?
Уж куры расселись по гнездам в стене,
Склоняется к вечеру день, и с полей
Коровы и овцы бредут в тишине.
На службе у князя супруг далеко —
Как думой к нему не стремиться жене?

На службе у князя супруг далеко...
Не день и не месяц проводит подряд!
Когда же домой возвратится солдат?
Уж куры давно по насестам сидят,
Склоняется к вечеру день, и с холмов
Коровы и овцы вернулись назад.
На службе у князя супруг далеко,
Пусть голод и жажда его пощадят!

РАДОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ПОХОДА

(I, VI, 3)

Весел супруг мой — нет ни тревог, ни забот.
Вижу: он в левую руку шэн свой берет[2],
Машет мне правой — в дом за собою зовет.
Как наша радость, моя и его, велика!

Весел супруг мой — он мирную радость хранит.
Вижу: для пляски в левой руке его щит[3],
Машет мне правой — взойти на площадку велит.
Как наша радость, моя и его, велика!

ДУМЫ СОЛДАТА О ДОМЕ

(I, VI, 4)

Пускай возмутятся ленивые воды реки,
Но связанным бревнам не страшен их грозный напор[4],
Там наши родные от нас далеки, далеки!..
Здесь, в Шэнь[5], одиноки, надолго мы стали в дозор.
Мы думу одну лишь о наших родных бережем!
В какую луну мы вернемся в родимый свой дом?

Пускай возмутятся ленивые воды реки —
Вязанку ветвей не размечут теченьем они!
Там наши родные от нас далеки, далеки,
Здесь, в Фу[6], мы дозором должны оставаться одни.
Мы думу о них лишь, мы думу о них бережем!
В какую луну мы вернемся в родимый наш дом?

Пускай возмутятся ленивые воды реки —
Вязанка лозы уцелеет средь бешеных струй!
Там наши родные от нас далеки, далеки,
Совсем одиноки, мы стали дозором здесь, в Сюй.
Мы думу о них лишь, мы думу о них бережем!
В какую луну мы вернемся в родимый наш дом?

ГЛУХАЯ КРАПИВА

(I, VI, 5)

Глубоко в долине глухая крапива растет,
Но долгою сушью и зноем крапиву сожгло.
Покинуть супруга беда заставляет жену[7],
Его покидая, вздыхает она тяжело,
Его покидая, вздыхает она тяжело,
Увидеть пришлось от супруга и горе, и зло.

Глубоко в долине глухая крапива растет,
Она увядает, и листья ее сожжены.
Покинуть супруга беда заставляет жену —
Протяжны стенанья и плач уходящей жены,
Протяжны стенанья и плач уходящей жены,
И, злобу познав, расставаться супруги должны.

Глубоко в долине глухая крапива растет,
А зной и в низинах сырых ту крапиву пожег.
Покинуть супруга беда заставляет жену,
С рыданьями слезы текут — непрерывен их ток...
С рыданьями слезы текут — непрерывен их ток;
Зачем эти слезы? Ужель отвратят они рок?

ЗАЯЦ МЕДЛИТЕЛЕН

(I, VI, 6)

Заяц медлителен и осторожен,
Фазан простодушен — попал он в силок.
О, если б от жизни моей начала
Того, что я сделал, не делать я мог!
И вот во второй половине жизни
Все эти печали послал мне рок!
О, если б навеки уснуть без тревог!

Заяц медлителен и осторожен,
Фазан простодушен — он в сеть залетел.
О, если б от жизни моей начала
Вовек бы не делать мне сделанных дел!
И вот во второй половине жизни
Все эти страданья — мой горький удел!
Уснуть, не проснуться б я ныне хотел!

Заяц медлителен и осторожен,
Фазан же... в тенетах запутался он!
О, если б от жизни моей начала
Так службою не был бы я утомлен,
И вот во второй половине жизни
Здесь беды со всех я встречаю сторон!
О, пусть непробудный мне явится сон!

НА ЧУЖБИНЕ

(I, VI, 7)

Сплелись кругом побеги конопли
По берегу речному возле гор...
От милых братьев я навек вдали,

Чужого я зову отцом с тех пор...
Чужого я зову отцом с тех пор —
А он ко мне поднять не хочет взор.

Сплелись кругом побеги конопли,
Где берег ровную раскинул гладь...
От милых братьев я навек вдали,
К совсем чужой я обращаюсь — мать...
К совсем чужой я обращаюсь — мать,
Она ж меня совсем не хочет знать.

Сплелись кругом побеги конопли,
Где берег взрыт рекой подобно рву...
От милых братьев я навек вдали,
Чужого старшим братом я зову...
Чужого старшим братом я зову —
Не хочет он склонить ко мне главу.

УЙДУ ЛИ, МОЙ МИЛЫЙ, НА СБОР КОНОПЛИ

(I, VI, 8)

Уйду ли, мой милый, на сбор конопли,
Лишь день мы в разлуке, но кажется мне:
Три месяца был ты вдали!

Сбирать ли душистые травы иду,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три времени года я жду!

Уйду ль собирать чернобыльник лесной,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три года ты не был со мной!

КОЛЕСНИЦА БОЛЬШАЯ ГРОХОЧЕТ

(I, VI, 9)

Колесница большая грохочет — гремит на пути,
В ней зеленой осокой дворцовое платье блестит.
Разве я не стремлюсь и душою и думой к тебе?
Да боюсь я тебя и не смею к тебе подойти[8].

Ехал медленно ты — колесница твоя тяжела,
И одежда твоя, точно алая яшма, была.
Разве я не стремлюсь и душою и думой к тебе?
Да тебя побоялась — с тобою бежать не могла.

Хоть с тобою, мой милый, и в разных домах мы живем,
Мы умрем и могилу разделим под общим холмом.
Если скажешь, любимый, что сердцем неискренна я —
Светлым солнцем клянусь: правда в любящем сердце моем!

ВИЖУ, ВДАЛИ КОНОПЛЯ

(I, VI, 10)

Вижу, вдали конопля поднялась над пологим холмом,
Кто-то Цзы-цзе задержал там — он, верно, с другою вдвоем.
Кто-то Цзы-цзе задержал там — он, верно, с другою вдвоем —
Радость Цзы-цзе обещал, что придет веселиться в мой дом!

Там вдалеке над пологим холмом и пшеница видна,
Кто-то Цзы-го удержал — я его ожидаю одна.
Кто-то Цзы-го удержал — я его ожидаю одна —
Он обещал мне прийти и отведать и явств, и вина!

Слива вдали над холмом — одиноко той сливе расти,
Юношей кто-то другой удержал у холмов на пути,
Юношей кто-то другой удержал у холмов на пути —
Яшмы для пояса мне обещали они принести.

VII. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖЭН[1]

ПРИГОЖИ ВЫ, КНЯЗЬ
(I, VII, 1)

Пригожи вы, князь, в черном платье своем,
Износите это — другое сошьем,
Ваш двор посетим[2] и, домой возвратясь,
Отборной едой угостим мы вас, князь.

Как черное платье прекрасно на взгляд,
Износите — новый скроим вам наряд,
Ваш двор посетим и, домой возвратясь,
Отборной едой угостим мы вас, князь.

Как пышен одежд этих черный атлас!
Износите — сыщем другие для вас,
Ваш двор посетим и, домой возвратясь,
Отборной едой угостим мы вас, князь.

ЧЖУНА ПРОСИЛА Я СЛОВО МНЕ ДАТЬ
(I, VII, 2)

Чжуна просила я слово мне дать
Не приходить к нам в деревню опять,
Веток на ивах у нас не ломать.
Как я посмею его полюбить?
Страшно прогневать отца мне и мать!
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только суровых родительских слов
Девушке нужно бояться, поверь!

Чжуна просила я слово мне дать
К нам не взбираться опять на забор,
Тутов у нас не ломать на позор.
Как я посмею его полюбить?
Страшен мне братьев суровый укор.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только вот братьев суровых речей
Девушке надо бояться, поверь!

Чжуна просила я слово мне дать
Больше не лазить в наш сад на беду
И не ломать нам сандалы в саду.
Как я посмею его полюбить?
Страшно мне: речи в народе пойдут.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только недоброй в народе молвы
Девушке надо бояться, поверь!

ШУ НА ОХОТУ ПОЕХАЛ

(I, VII, 3)

Шу на охоту поехал, по улице гонит коней —
Улица точно пуста, и людей я не вижу на ней...
Улица разве пуста, и людей ты не видишь на ней?
Нет между них никого, равного Шу моему,
Всех он прекрасней лицом, всех он добрей и умней!

Шу на охоту поехал — его колесница видна.
Нет здесь, на улице нашей, умеющих выпить вина...
Разве на улице нет умеющих выпить вина?
Нет между них никого, равного Шу моему,
Он так благороден и добр — знает про это страна!

Шу по стране разъезжает — он ищет добычи для стрел.
Юношей нет здесь таких, кто бы править конями умел...
Разве здесь юношей нет, кто бы править конями умел?
Нет между них никого, равного Шу моему.
Как он собою пригож, как он отважен и смел!

ШУ НА ОХОТЕ
(I, VII, 4)

I

Шу на большую охоту ехать собрался в поля,
Вот в колесницу поднялся, правит четверкой коней.
Вожжи в руках натянул он шелковой ленты ровней,
Пляшут его пристяжные княжьих танцоров плавней.
Шу на охоту поехал — только болото кругом,
Разом вздымается кверху пламя зажженных огней.
Торс обнажил он, руками тигра сжимает сильней;
Князь в колеснице — он тигра прямо сложил перед ней.
Шу я просила: не надо тигров руками ловить;
Ран от когтей берегись ты — ран не бывает страшней!

II

Шу на большую охоту ехать собрался в поля,
Вот в колесницу поднялся, правит четверкой гнедых,
Головы вздернула кверху пара его коренных,
Дикие гуси в полете — пара его пристяжных.
Шу на охоту поехал — только болото кругом.
Разом огонь разъяренный в зарослях вспыхнул густых.
Шу на охоте, наверно, лучший из лука стрелок.
Даже искусством возницы он бы похвастаться мог.
Вскачь он порою пускает, сдержит порою коней,
Пустит стрелу он и мчится, быстрый, вдогонку за ней!

III

Шу на большую охоту ехать собрался в поля,
Вот в колесницу поднялся — серых четверка пошла,
Вровень несут коренные головы и удила,
Две пристяжные, как руки, вслед им простерли тела.
Шу на охоту поехал — только болото кругом —
Вспыхнул огонь, и повсюду все он сжигает дотла.
Лошади Шу утомились — тише и медленней ход,
Реже и реже из лука стрелы свершают полет.
Вот свой колчан отвязал он, стрелы в колчане лежат,
Лук свой он к месту приладил — едет с охоты назад.

ЦИНСКИЕ ЛЮДИ ПОД ГОРОДОМ ПЭН

(I, VII, 5)

Цинские люди[3] под городом Пэн[4], с этих пор
Кони четверками мчатся, броня — их убор.
Алый из перьев с двух копий свисает узор,
Чуткий над Хэ колесница свершает дозор.

Цинские ныне под Сяо в дозоре полки,
Грозные кони в броне, колесницы тяжки,
Подняты кверху двух копий двойные крюки;
Воины бродят по берегу Желтой реки.

Цинские люди под Чжу караулом стоят,
Кони в броне выступают так весело в ряд.
Правит возница, доспехи дозорных блестят.
Военачальник проходит, доволен и рад!

БАРАНЬЯ ПРИДВОРНАЯ ШУБА

(I, VII, 6)

Баранья придворная шуба блестит,
Мягка и гладка, прекрасна на вид.
О, это такой человек, говорят,
Судьбой он доволен и верность хранит.

А барсовый мех к рукавам прикреплен.
Отважен сей подданный, смел и силен.
О, это такой человек, говорят, —
В отчизне был правды ревнителем он.

Пышна эта шуба баранья на нем —
На ней украшенья сверкают огнем.
О, это такой человек, говорят,
Достойнейшим был он в отчизне бойцом!

ВДОЛЬ ДОРОГИ БОЛЬШОЙ Я ПРОШЛА

(I, VII, 7)

Вдоль дороги большой я прошла, не устав,
Я держала тебя за рукав.

О, не надо теперь ненавидеть меня,
Сразу нежность былую поправ.

Вдоль дороги большой я прошла, не устав, —
Твою руку сжимая весь путь...
И теперь ты со мною жестоким не будь,
Вдруг былую любовь не забудь.

ЖЕНА СКАЗАЛА
(I, VII, 8)

Жена сказала: «Петух пропел».
Ей муж ответил: «Редеет мрак».
«Вставай, супруг мой, и в ночь взгляни,
Рассвета звезды горят, пора!
Спеши на охоту, супруг, живей —
Гусей и уток стрелять с утра!»

Летит твой дротик, нагонит их,
Тебе, супруг, приготовлю их.
С тобой мы выпьем вдвоем вина,
Пусть будет старость у нас одна.
Готова цитра и гусли здесь,
Пусть будет радость совсем полна.

Кто к мужу в гости к нам в дом придет —
Получит яшму на пояс тот.
Кто другом станет тебе, супруг,
Тот примет яшму из наших рук,
Того, кто будет тобой любим,
На пояс яшмою наградим!

ДЕВА ВМЕСТЕ СО МНОЙ В КОЛЕСНИЦЕ
(I, VII, 9)

Дева, что вместе со мной в колеснице сидит,
Сливы цветок мне напомнила цветом ланит.
Видишь, стремительно едем дорогой кругом,
Только в подвесках сверкнет драгоценный нефрит.
Старшую Цзян мы красавицей нашей зовем —
Верно, достойна она и прелестна на вид.

С этою девой иду по дороге вдвоем,
Сливы цветку она нежным подобна лицом.
Вдоль по дорогам мы долго гуляем кругом,
Пояс в подвесках твой, яшмы брятцают на нем.
Старшую Цзян мы красавицей нашей зовем,
Добрую славу о ней навсегда сбережем!

НА ГОРЕ РАСТУТ КУСТЫ
(I, VII, 10)

На горе растут кусты,
В топях — лотоса цветы...
Не видала красоты —
Повстречался, глупый, ты.

Сосны на горах растут,
В топях ирисы цветут...
Не нашла красавца тут,
Повстречался мальчик-плут.

ЛИСТ ПОЖЕЛТЕЛЫЙ
(I, VII, 11)

Лист пожелтелый, лист пожелтелый
Ветер срывает и ночью и днем,
Песню, родной мой, начни, — я хотела
Песню продолжить, мы вместе споем.

Лист пожелтелый, лист пожелтелый
Ветер кружит и уносит с собой...
Песню продолжи, родной, — я хотела
Песню окончить вместе с тобой.

ХИТРЫЙ МАЛЬЧИШКА
(I, VII, 12)

Хитрый мальчишка
Мне слова не скажет совсем...
Иль без тебя я
Больше не сплю и не ем?

Хитрый мальчишка
Со мной не разделит еду!..
Иль без тебя я
Покоя теперь не найду?

КОЛЬ ОБО МНЕ ТЫ С ЛЮБОВЬЮ ПОДУМАЛ

(I, VII, 13)

Коль обо мне ты с любовью подумал —
Подол приподняв, через Чжэнь[5] перейду.
Если совсем обо мне ты не думал —
Нет ли другого на эту беду?
Самый ты глупый мальчишка из всех!

Коль обо мне ты с любовью подумал —
Подол приподняв, перейду через Вэй.
Если совсем обо мне ты не думал —
Нет ли другого для милой твоей?
Самый ты глупый мальчишка из всех!

КАК ОН ДОРОДЕН

(I, VII, 14)

Как он дороден, прекрасен собою на вид!
Он у дороги, меня ожидая, стоит —
Я ж не могу проводить его, сердце скорбит.

Как величав он собою и как он силен!
В дом наш вступает и ждет меня в горнице он —
Выйти нельзя мне, и скорбью мой дух удручен.

Платьем простым я прикрою наряд расписной —
Тканой сорочки узор я прикрою холстом —
Милый, пора в колесницу коней запрягать,
Вместе отсюда уедем с тобою вдвоем.

Тканой сорочки узор я прикрою холстом,
Платьем простым я прикрою наряд расписной —
Милый, пора в колесницу коней запрягать,
Вместе отсюда уедешь с твоею женой.

ПЛОЩАДЬ ПРОСТОРНАЯ ЕСТЬ У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ

(I, VII, 15)

Площадь просторная есть у восточных ворот,
Там по отлогому скату марена растет,
Здесь же и дом твой — он близко совсем от меня,
Только далеко хозяин, что в доме живет.

Там и каштан у восточных ворот в стороне,
Домики в ряд расположены вдоль по стене...
Разве я думою больше к тебе не стремлюсь?
Что же теперь никогда не заходишь ко мне?

ВЕТЕР С ДОЖДЕМ

(I, VII, 16)

Ветер с дождем холодны, словно лед...
Где-то петух непрерывно поет.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве тревога в душе не замрет?

Ветер бушует, он резок и дик...
Вновь петушиный доносится крик.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве мне в сердце покой не проник?

Ветер с дождем, и повсюду темно...
Крик петушиный несется в окно.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве не радостью сердце полно?

ВОРОТ ОДЕЖДЫ БЛЕСТИТ БИРЮЗОВЫЙ НА НЕМ

(I, VII, 17)

Ворот одежды блестит бирюзовый на нем.
Сердце скорбит бесконечно о милом моем.
Хоть никогда не хожу я его повидать —
Сам почему не зайдет он проведать наш дом?

К поясу светло-зеленый привесил нефрит,
Думы мои бесконечны, и сердце скорбит.

Хоть никогда не хожу я его повидать —
Сам он меня посетить почему не спешит?

Вечно резвится он, вечно беспечный такой,
Вечно торчит он на башне стены городской.
День лишь его не увижу, а сердце мое
Словно три месяца ждет, истомится тоской!

БУРНЫЕ ВОДЫ РЕКИ

(I, VII, 18)

Бурные воды реки —
Связка ж ветвей поплыла, невредима.
Кто так сердцами близки —
Я лишь и ты, мой любимый!
Слову людскому не верь,
Люди обманут, любимый...

Бурные воды — взгляни...
Нет, не растреплют плетенку с дровами.
Кто нам душою сродни? —
Только друг другу мы сами!
Слову людскому не верь,
Люди неискренни с нами.

ВОТ ИЗ ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ ВЫХОЖУ

(I, VII, 19)

Вот из восточных ворот выхожу я — там в ярких шелках
Девушки толпами ходят, как в небе плывут облака.
Пусть они толпами ходят, как в небе плывут облака,
Та, о которой тоскую, не с ними она — далека.
Белое платье ты носишь и ткань голубую платка —
Бедный наряд, но с тобою лишь радость моя велика.

Я выхожу из ворот через башню в наружной стене[6],
Девушек много кругом, как тростинки они по весне.
Пусть же толпятся кругом, как тростинки они по весне,
Думой не к девушкам этим в сердца стремлюсь глубине.
Белое платье простое и алый платок на тебе —
Бедный наряд, но счастье с тобой лишь приходит ко мне!

В ПОЛЕ ЗА ГОРОДОМ ТРАВЫ ПОЛЗУЧИЕ ЕСТЬ

(I, VII, 20)

В поле за городом травы ползучие есть,
Вижу — на травах повисла роса тяжело.
Знаю — прекрасный собою здесь юноша есть,
Вижу, как чисто его и прекрасно чело.
Так неожиданно мы повстречались — и вот
Я утолила желанье, что в сердце легло.

В поле за городом травы ползучие есть,
Росы висят на траве тяжелы и густы.
Знаю — прекрасный собою здесь юноша есть,
Брови и лоб — как прекрасны они и чисты!
Так неожиданно мы повстречались — и вот
Радостно вместе с тобой мне, и радостен ты.

В ТРЕТЬЮ ЛУНУ, ПРАЗДНИК СБОРА ОРХИДЕЙ

(I, VII, 21)

I

Той порой Чжэнь и Вэй
Разольются волнами,
И на сбор орхидей
Выйдут девы с дружками.
Молвит дева дружку:
«Мы увидимся ль, милый?»
Он в ответ: «Я с тобой,
Разве ты позабыла?»
«Нет, опять у реки
Мы увидимся ль, милый?
На другом берегу
Знаю место за Вэй я —
На широком лугу
Будет нам веселее!»
С ней он бродит над Вэй,
С ней резвится по склонам
И подруге своей
В дар подносит пионы.

II

Глубоки Чжэнь и Вэй,
Мчат прозрачные волны,
Берег, в день орхидей
Дев и юношей полный...
Дева молвит дружку:
«Мы увидимся ль, милый?»
Он в ответ: «Я с тобой.
Разве ты позабыла?»
«Нет, опять у реки
Мы увидимся ль, милый?
На другом берегу
Знаю место за Вэй я —
На широком лугу
Будет нам веселее!»
С ней он бродит над Вэй,
С ней резвится по склонам
И подруге своей
В дар подносит пионы.

VIII. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИ[1]

«СЛЫШУ, ДАВНО УЖ ПРОПЕЛ ПЕТУХ...»

(I, VIII, 1)

«Слышу, давно уж пропел петух,
Шум на дворе наполняет слух!» —
«Рано еще, не поет петух, —
Это гудение синих мух».

«Уж на востоке заря ясна,
Полон твой двор, пробудись от сна!» —
«То не заря на востоке ясна —
То поднялась и блестит луна».

«Слышу я крыльев летящих звон.
Сладок с тобой, господин мой, сон —
Только собрался народ и ждет,
Нас ненавидеть не должен он!»

ВЗАИМНЫЕ ПОХВАЛЫ ОХОТНИКОВ

(I, VIII, 2)

«Как на охоте вы, сударь, ловки и быстры!» —
Так повстречался я с ним возле Нао-горы.
Вместе двух вепрей матерых мы гнали, и он
Ловкость мою похвалил, отдавая поклон.

«Сударь, прекрасней охотника трудно найти!» —
Встретил его я пред Нао-горой на пути,
Там двух лосей мы погнали с ним вместе — и что ж,
Он поклонился, сказав, что и я был хорош!

«Вы совершенны в искусстве охоты, о друг!» —
Встретил его под горой я от Нао на юг.
Вместе погнали мы двух под горою волков —
Он мне, склоняясь, сказал, что и я, мол, таков!

ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ

(I, VIII, 3)

Ты у ворот, где заслон перед входом[2], меня ожидал,
Белого шелка шнуры ты к закладкам ушным привязал,
К ним прикрепил самоцветы — каждый прекрасен и ал.

Там на открытом дворе у крыльца ожидал меня ты.
Вдеты в закладки ушные зеленого шелка жгуты,
В уши свои самоцветы редчайшей вложил красоты!

Встретив меня, по ступеням ты вводишь невесту в свой дом,
Желтые ленты к закладкам в уборе твоем,
Вижу — в ушах самоцветы искрятся-сверкают огнем!

СОЛНЦЕ ЛЬ С ВОСТОКА ПОДНИМЕТСЯ ДНЕМ

(I, VIII, 4)

Солнце ль с востока поднимется днем —
Эта прекрасная дева придет,
День проведет она в доме моем,
День проведет она в доме моем,
Следом за мною пришла она в дом.

Ночью луна ль на востоке видна —
Эта прекрасная дева со мной:
В доме за дверью моею она,
В доме за дверью моею она,
Следом за мною и выйти должна.

В ТУМАНЕ

(I, VIII, 5)

В тумане еще не светлеет восток,
Он платье набросил поспешно, как мог;

Сорочку он спутал с халатом своим —
С приказом от князя прислали за ним.

В тумане восток не сверкает в лучах,
Он платье набросил свое впопыхах;
Он спутал с сорочкой халат, торопясь, —
Приказ передали, что требует князь.

Я ив наломал и обнес огород,
Шел мимо дурак — остерегся и тот;
А князь когда день, когда ночь, не поймет —
Со светом не будит, так ночью зовет!

ЮЖНЫЕ ГОРЫ ВОЗВЫСИЛИСЬ[3]

(I, VIII, 6)

I

Южные горы возвысились в той стороне,
Лис только бродит за самкой один в вышине[4].
В княжество Лу вся дорога проходит ровна.
Циская наша княжна в дом проедет по ней,
Наша княжна в дом супруга уж едет по ней —
Вам для чего неустанно грустить в тишине?

II

Туфель пеньковых пять пар подобрала она,
Пара подвязок на шапке — ровна их длина[5].
В княжество Лу там дорога проходит ровна,
Наша княжна проезжает дорогою там,
Наша княжна уже едет дорогою там —
Вам для чего выезжать за княжной по следам?

III

В поле своем коноплю ты посеять хотел —
Поле вспаши поперек и в длину до конца.
В дом свой супругу ты ныне ввести захотел —
Должен тогда известить ты и мать и отца[6].
Мать и отца известил ты, обряды уже свершены —
Мужу зачем выполнять все желанья жены?

IV

Как поступить, коль ты дров нарубить захотел?
Разве не станешь рубить, как и все, топором?
В дом свой супругу ты ныне ввести захотел —
Разве без сватов введешь ты супругу в свой дом?
Ныне сосватал и ввел ты супругу в свой дом —
Крайности эти зачем еще в доме твоем?

НЕ НАДО ЗАПАХИВАТЬ ПАШНЮ, ЧТО ТАК ВЕЛИКА

(I, VIII, 7)

Не надо запахивать пашню, что так велика, —
Лишь плевелы пышные там разрастутся вокруг.
Не надо о том вспоминать, кто далеко теперь, —
Усталому сердцу опять исстрадаться от мук.

Не надо запахивать пашню, что так велика, —
Лишь плевелы встанут густые, густые на вид.
Не надо о том вспоминать, кто далеко теперь, —
Твое утомленное сердце опять заболит.

Прекрасен, казалось, ребенок, и нежен, и мал,
И волосы он, как дитя, в два пучка собирал —
Но малое время прошло, ты его повидал,
Глядишь — он и в шапке теперь и мужчиною стал!

ОХОТНИК

(I, VIII, 8)

То кольца на гончих собаках звенят —
Хозяин их добр, и пригож он на взгляд.

Звенит на собаке двойное кольцо[7] —
С густой бородой он, прекрасно лицо.

Тройное кольцо на собаке звенит —
С густой бородой он, красавец на вид.

СОВСЕМ ОБВЕТШАЛА МЕРЕЖА

(I, VIII, 9)

Совсем обветшала мережа в запруде у нас —
В нее только щука с лещом и попались пока.
То циская дочь выезжает в супружеский дом,
И свита ее многочисленна, как облака.

Совсем обветшала мережа в запруде у нас —
В нее только линь и попался сегодня с лещом.
То циская дочь выезжает в супружеский дом,
И движется свита за ней непрерывным дождем.

Совсем обветшала мережа в запруде у нас —
И рыба свободно проходит в мереже такой...
То циская дочь выезжает в супружеский дом,
И свита за нею течет непрерывной рекой.

ГОНИШЬ, ТОРОПИШЬ КОНЕЙ

(I, VIII, 10)

Гонишь, торопишь коней, и возок громыхает, гремит;
Алою кожей обит он, плетеным бамбуком закрыт.
Эта дорога из Лу[8] пролегает, гладка и ровна;
Циская наша княжна в дом родимый с ночлега спешит.

Лошади скачут в четверке, прекрасны они и черны.
Вожжи с четверки свисают, они и мягки и длинны.
Эта дорога из Лу пролегает, гладка и ровна —
Счастье и радость являет лицо этой циской княжны.

Вэнь[9] многоводные волны широким потоком струит;
Много по этой дороге людей проходящих спешит.
Эта дорога из Лу пролегает, гладка и ровна;
Циская наша княжна проезжает, беспечна на вид.

Вэнь многоводные волны стремит, и струится вода;
Толпы людей по дороге проходят туда и сюда.
Эта дорога из Лу пролегает, гладка и ровна;
Циская наша княжна проезжает, беспечна, горда.

СКОЛЬ ВИДОМ ВЕЛИЧАВ ТЫ
(I, VIII, 11)

Сколь видом величав ты, о хвала!
Как ты высок и строен, как мила
Была краса широкого чела,
Прекрасных глаз и твоего чела!
Легка походка важная была,
Всегда метка была твоя стрела.

О сколь ты славен в блеске красоты,
Твои глаза прекрасные чисты,
Достоинства исполнены черты.
Ты целый день из лука бьешь в мишень,
И стрелы не выходят за щиты[10].
О, нам воистину племянник ты!

Достоинствам твоим потерян счет:
Глаза чисты, прекрасен лоб, но вот
Ты пляску начал — всё вокруг замрет.
Стрела взлетит и цель насквозь пробьет,
Все в точку стрелы устремляют лет —
В годину смут ты крепкий нам оплот!

IX. ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ[1]

ЛЕГКИЕ ТУФЛИ

(I, IX, 1)

Легкие туфли свои из пеньки
Даже и в холод готов он носить —
Нежные женские руки теперь
Платье ему не поленятся сшить.
Пояс и ворот я сшила — он рад,
Мужу понравился сшитый наряд.

Видом хорош он спокойным своим;
Влево отходит — уступит другим[2].
С гребнем на поясе он костяным.
Низкие сердцем — в супруге моем
Видят упреки жестокие им!

НАД РЕКОЮ ФЭНЬ

(I, IX, 2)

Щавель по низинам над Фэнь-рекой[3]
Она собирает проворной рукой.
Ты, сударь, конечно, нет спору о том,
Прекрасен безмерно, красавец такой!
Прекрасен безмерно, красавец такой,
Но все ж до правителя княжьих путей[4]
Тебе еще так далеко!

Над Фэнь над рекою, где берег высок,
Сберет она каждый на тутах листок.
Ты, сударь, конечно, нет спору о том,
Прекрасен собой, как весенний цветок!

Прекрасен собой, как весенний цветок,
Но все ж от начальника колесниц
Ты, сударь, обличьем далек!

Над Фэнь, там, где берег пологий извит,
Она, подорожник срывая, стоит.
Ты, сударь, конечно, нет спору о том,
Прекрасен собою, как чистый нефрит!
Прекрасен собою, как чистый нефрит,
Но все ж у правителя княжеских дел
Получше бы должен быть вид!

ПЕРСИКОМ БЛАГОУХАЮТ САДЫ

(I, IX, 3)

Персиком благоухают сады,
Годны для пищи, созрели плоды...
Сердце печалью томится, а я
Песни пою, точно нет и беды.
Те, кто не знает меня, говорят:
«Воин вы, сударь, и очень горды!»
Люди такие, пожалуй, правы, —
Что им на это ответите вы?
В сердце печаль и тоска у меня —
Кто из них знает причину? Увы!
Кто из них знает причину? Увы!
Не утруждает никто головы!

Есть и жужубы в саду, и у всех
В пищу годится созревший орех.
Сердце печалью томится, иль мне
Царство объехать для ради утех?
Те, кто не знает меня, говорят:
«Вы в беспредельный впадаете грех!»
Люди такие, пожалуй, правы, —
Что им на это ответите вы?
В сердце печаль и тоска у меня —
Кто из них знает причину? Увы!
Кто из них знает причину? Увы!
Не утруждает никто головы.

ВЗБИРАЮСЬ ЛИ Я НА ВЫСОКИЙ ХРЕБЕТ

(I, IX, 4)

Взбираюсь ли я на высокий хребет
Поросших лесами гор,
Все к хижине той, где отец живет,
Я вновь обращаю взор.
Я знаю: отец теперь тяжко вздохнет:
«Ведь сын мой на ратную службу идет,
Покоя на службе не будет ему
Все ночи и дни напролет.
Смотри ж, береги себя, младший сын мой,
Смотри же — вернись обратно домой,
От дома родного вдали
В земле не останься чужой».

Всё выше всхожу на крутой хребет
Нагих каменистых гор,
И к хижине той, где мать живет,
Я вновь обращаю взор.
И знаю я: мать моя горько вздохнет:
«Дитя мое к князю на службу идет,
Не будет он ведать покоя и сна
Все ночи и дни напролет.
Смотри ж — берегись от близких вдали,
Смотри ж — возвратись из чужой земли,
Чтоб брошенный труп твой вдали от меня
Лежать не остался в пыли».

Все выше и выше всхожу на хребет
По склону отвесных гор,
На хижину эту, где брат мой живет,
Последний бросаю взор...
Я знаю, мой брат теперь тяжко вздохнет:
«Брат младший мой к князю на службу идет,
На службе с друзьями в согласии будь
Все ночи и дни напролет.
Смотри ж, берегись, любимый мой брат,
Смотри же, вернись с чужбины назад,
Чтоб смерть не сразила тебя на пути,
Домой возвратись, солдат!»

НА СБОРЕ ЛИСТЬЕВ ТУТА

(I, IX, 5)

Где занято несколько моу[5] под тутовым садом,
Там листья сбирают и бродят в саду за оградой.
Там шепчут: «Пройтись и вернуться с тобою я рада»

А дальше за садом, где туты посажены были,
Там сборщики листьев гуляли и вместе бродили.
Шептали: «С тобою пройдемся мы», — и уходили...

УДАРЫ ЗВУЧАТ ДАЛЕКИ, ДАЛЕКИ

(I, IX, 6)

I

Удары звучат далеки, далеки...
То рубит сандал дровосек у реки,
И там, где река омывает пески,
Он сложит стволы и сучки...
И тихие волны струятся — легки,
Прозрачна речная вода...
Вы ж, сударь, в посев не трудили руки
И в жатву не знали труда —
Откуда ж зерно с трехсот полей
В амбарах ваших тогда?
С облавою вы не смыкались в круг,
Стрела не летела из ваших рук —
Откуда ж висит не один барсук
На вашем дворе тогда?
Мы вас благородным могли б считать,
Но долго ли будете вы поедать
Хлеб, собранный без труда?

II

Удары звучат далеко, далеко...
Колесные спицы привычной рукой
Тесал дровосек над рекой.
На берег он сложит те спицы свои.
Над гладью недвижной воды покой,
Прозрачна речная вода.

Но хлеб ваш посеян не вашей рукой,
Вы в жатву не знали труда.
Откуда же, сударь, так много снопов
На ваших полях тогда?
Мы вас благородным могли бы счесть,
Когда б перестали вы в праздности есть
Хлеб, собранный без труда!

III

Далекий топор все звучал и звучал —
Ободья колес дровосек вырубал.
И ныне обтесанный, крепкий сандал
Он сложит на берег реки.
Кругами расходится медленный вал,
Прозрачна речная вода...
Нет, наш господин ни в посев не знал,
Ни в жатву не знал труда —
Откуда же триста амбаров его
Наполнены хлебом тогда?
Он с нами охоты не вел заодно,
И дичи из лука не бил он давно,
Откуда ж теперь перепелок полно
На этом дворе тогда?
Коль он благородным себя зовет,
Пускай же не ест без тревог и забот
Хлеб, собранный без труда!

БОЛЬШАЯ МЫШЬ

(I, IX, 7)

Ты, большая мыть, жадна,
Моего не ешь пшена.
Мы трудились — ты хоть раз
Бросить взгляд могла б на нас.
Кинем мы твои поля —
Есть счастливая земля,
Да, счастливая земля!
В той земле, в краю чужом
Мы найдем свой новый дом.

* * *

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь зерна.
Мы трудились третий год —
Нет твоих о нас забот!
Оставайся ты одна —
Есть счастливая страна,
Да, счастливая страна,
Да, счастливая страна!
В той стране, в краю чужом,
Правду мы свою найдем.

* * *

На корню не съешь, услышь,
Весь наш хлеб, большая мышь!
Мы трудились столько лет —
От тебя пощады нет.
Мы теперь уходим, знай,
От тебя в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край!
Кто же в том краю опять
Нас заставит так стонать?

X. ПЕСНИ ЦАРСТВА ТАН[1]

ДАВНО УЖЕ В ДОМЕ СВЕРЧОК ЗАЗВЕНЕЛ

(I, X, 1)

Давно уже в доме сверчок зазвенел,
К концу приближается год,
И коль не вкусили мы радость теперь —
День минет и месяц уйдет!
Не радуйся слишком, как ты бы хотел,
Но вспомни о жизни, что ждет;
Пусть радость и счастье имеют предел —
Ты должен бояться невзгод!

Давно уже в доме сверчок зазвенел,
И дни убегают в году,
И коль не вкусили мы радость теперь —
Дни минут и луны уйдут!
Не радуйся слишком, как ты бы хотел,
Но вспомни: труды еще ждут;
Пусть радость и счастье имеют предел —
Ты должен быть предан труду.

Давно уже в доме сверчок зазвенел,
Не слышно телег — тишина,
И коль не вкусили мы радость теперь —
День канет и минет луна!
Не радуйся слишком, как ты бы хотел,
Но вспомни, что горесть грозна;
Пусть радость и счастье имеют предел,
Да будет с тобой тишина!

ПЕСНЬ О СКУПЦЕ
(I, X, 2)

С колючками ильм вырастает средь гор,
А вяз над низиною ветви простер.
Есть много различных одежд у тебя,
Но ты не наденешь свой лучший убор;
Повозки и лошади есть у тебя,
Но ты не поскачешь на них на простор.
Ты скоро умрешь, и другой человек
Весь скарб твой присвоит, захватит и двор.

Сумах вырастает средь горных высот,
А слива в низине растет средь болот.
Есть внутренний дворик и дом у тебя —
Никто их как следует не подметет.
Там есть барабаны и колокол есть,
Никто только в них не стучит и не бьет.
Ты скоро умрешь, и другой человек
Владеть твоим домом богатым придет!

Сумах вырастает на склоне крутом,
Каштаны в низине растут под холмом.
Есть яства, хмельное вино у тебя,
Но гуслей не слышим мы в доме твоем.
Ты счастлив не будешь и дни не продлишь
Игрою на гуслях своих за вином.
Ты скоро умрешь, и другой человек
Хозяином вступит в оставленный дом.

БУРНЫЕ, БУРНЫЕ ВОДЫ
(I, X, 3)

Бурные, бурные воды реки[2].
Чисто омытые белые скалы.
В белой одежде, что с воротом алым,
В У[3] я тебя, милый мой, провожала.
Свижусь ли я, мой любимый, с тобою? —
Только о радости я помышляла.

Здесь, в возмутившихся водах реки,
Белые скалы до блеска омыло.

Белое платье я алым расшила,
В Ху за тобою иду я, мой милый.
Скоро увижусь, любимый, с тобою —
Вот и тревогу забыла.

Бурные, бурные воды реки,
Белые скалы видны над волнами.
Слышу твой зов — не осмелимся сами
Тайну кому-то поведать словами!

ПЕСНЬ О ПРОЦВЕТАНИИ И МОГУЩЕСТВЕ РОДА

(I, X, 4)

Перцового дерева крупные зерна
Обильны, уж полон для мерки сосуд;
Вы ж, сударь, могучи собою и рослы,
Достоинством равного вам не найдут!
Перцовое дерево выросло тут,
На дереве шапкою ветви растут.

Перцового дерева крупные зерна
Обильны, уж пригоршни обе полны;
Вы ж, сударь, могучи собою, и рослы,
И духом своим благородным сильны!
Перцовое дерево выросло тут,
На дереве шапкою ветви растут.

ДВАЖДЫ ХВОРОСТ ЖГУТОМ ОХВАТИВ, Я ВЯЗАНКУ СЛОЖИЛА

(I, X, 5)

Дважды хворост жгутом охватив, я вязанку сложила,
В эту пору тройное созвездие[4] в небе светило.
В этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня, —
Я тебя увидала — собою прекрасен мой милый.
Почему же таким ты, почему же таким ты
Был прекрасным и добрым, мой милый?

Я связала охапку травы, положила на плечи...
Три звезды нам светили на юго-востоке в тот вечер.
В этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня, —

Но с тобою мы встретились — это нежданная встреча!
Почему же с тобою, почему же с тобою
Так отрадна нежданная встреча?

Я из веток вязанку сложил, опоясал в два круга,
Три звезды перед дверью моею светили нам с юга.
В этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня, —
Но тебя я увидел внезапно — прекрасна подруга!
Почему же собой ты, почему же собой ты
Так мила и прекрасна, подруга!

ПЕСНЬ ОБ ОДИНОКОМ ДЕРЕВЕ

(I, X, 6)

Груша растет от деревьев других в стороне,
Ветви раскинулись в разные стороны, врозь,
Так же и я одиноко брожу по стране.
В спутники разве чужого не мог бы я взять?
Но не заменит он брата родимого мне!
Вы, что проходите здесь по тому же пути,
Что ж не идете вы с тем, кто совсем одинок?
Близких и братьев лишен человек, почему
В горе ему на дороге никто не помог?

Груша растет от деревьев других в стороне,
Ветви раскинулись, густо листвой обросли...
Так же один, без опоры скитаюсь вдали...
В спутники разве чужого не мог бы я взять?
Только чужие родных заменить не могли!
Вы, что проходите здесь по тому же пути,
Разве не жаль вам того, кто совсем одинок?
Близких и братьев лишен человек — почему
В горе ему на дороге никто не помог?

ПЕСНЯ О ВЕРНОСТИ ГОСПОДИНУ

(I, X, 7)

В барашковой шубе с каймой из пантеры
Ты с нами суров, господин наш, без меры.
Другого ужели нам нет господина?
Служили мы исстари правдой и верой.

Рукав опушен твой пантерой по краю.
Ты с нами жесток — мы в труде изнываем.
Другого ужели нам нет господина?
Мы старую верность тебе сохраняем.

ГУСИ

(I, X, 8)

То дикие гуси крылами шумят,
К могучему дубу их стаи летят —
На службе царю я усерден, солдат.
Я просо не сеял, забросил свой сад.
Мои старики без опоры... Мой взгляд
К далекой лазури небес устремлен:
Когда ж мы вернемся назад?

То гуси, шумя, направляют полет
Туда, где жужуб густолистый растет.
Нельзя быть небрежным на службе царю —
Я просо посеять не мог в этот год.
Отец мой и мать моя... Голод их ждет!
Когда, о далекое небо, скажи,
Конец этой службе придет?

Пусть гуси свои вереницы сомкнут,
Слетаясь на пышный, развесистый тут.
Нельзя нерадиво служить — и в полях
Ни рис, ни маис в этот год не растут.
Отец мой и мать где пищу найдут?
О дальнее синее небо, верни
Солдату привычный труд!

РАЗВЕ МОЖНО СКАЗАТЬ

(I, X, 9)

Разве можно сказать, что я сам не имею одежды?
Семь различных нарядов теперь у меня;
Только нынешний дар твой, вот эти одежды
Будут много удобней и лучше, поверь, для меня.

Разве можно сказать, что я сам не имею одежды?
Но различных одежд было шесть у меня.
Только нынешний дар твой, вот эти одежды
И теплей, и удобней нарядов, что есть у меня.

ОДИНОКАЯ ГРУША

(I, X, 10)

Вот одинокая груша растет.
Влево она от пути.
Милый ко мне, одинокой, домой
Все собирался прийти.
Сердцем моим так люблю я его!
Чем напою, накормлю я его?

Вот одинокая груша растет
Там, где пути поворот.
Милый ко мне, одинокой, домой
Звать на гулянье придет.
Сердцем моим так люблю я его!
Чем напою, накормлю я его?

ПРОЧНО ОКУТАН ТЕРНОВНИК ПЛЮЩОМ

(I, X, 11)

Прочно окутан терновник плющом,
Поле с тех пор зарастает вьюнком.
Он, мой прекрасный, на поле погиб —
Как проживу? Одиноким стал дом.

Плющ протянулся — жужубы укрыл,
Вьется на поле вьюнок у могил.
Он, мой прекрасный, на поле погиб —
Я одинока, никто мне не мил.

Рог изголовья[5] красив и, как свет,
Блещет парчой покрывало — и нет
Мужа со мной, мой прекрасный погиб,
Я одиноко встречаю рассвет.

Летние дни без конца потекут,
Будут мне зимние ночи долги...
Кажется: минут века, лишь тогда
Снова я свижусь с моим дорогим[6].

•

Будут мне зимние ночи долги,
Летние дни без конца потекут...
Кажется: минут века, лишь тогда
С ним обрету я в могиле приют.

СОБРАЛА Я ЛАКРИЦУ

(I, X, 12)

Часто сбором я лакрицы занята
На вершине Шоуянского хребта.
А что люди говорят, — всё лгут они,
Этим толкам не доверься ты спроста,
Эти речи, эти речи отклони!
Не считай их сплетни правдой, помяни:
Всё, что люди ни болтают, лгут они.
Что их речи? Толки лживые одни!

Собирала там я заячью траву,
Я ее под Шоуяном рву да рву.
А что люди говорят, — всё лгут они,
Ты не верь, не слушай лживую молву,
Эти речи, эти речи отклони.
Не считай их речи правдой, помяни:
То, что люди говорят, — всё лгут они.
Что их речи? Толки лживые одни!

Собирать мне репу в поле там опять,
На восток от Шоуяна собирать!
А что люди говорят, — всё лгут они,
Ты не верь, не надо сплетням их внимать.
Эти речи, эти речи отклони.
Не считай их речи правдой, помяни:
Всё, что люди ни болтают, лгут они.
Что их речи? Толки лживые одни!

XI. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИНЬ[1]

ГРОМ КОЛЕСНИЦ ВСЕ СЛЫШНЕЙ

(I, XI, 1)

Гром колесниц все слышней и слышней;
Белые пятна на лбах у коней.
В горнице мужа не вижу еще,
Только слуга наш по-прежнему в ней.

Вижу сумах я у горных высот.
Вижу в низинах каштан у болот.
Только супруга завидела я,
Рядом садимся, он гусли берет.
Радость ужель не вкусить нам теперь?
Старость настанет, и время уйдет.

Вырос на взгорьях возвышенных тут,
Тополи там по низинам растут.
Только супруга завидела я,
Рядом садимся мы, шэны поют.
Радость ужель не вкусить нам теперь?
Смерть приближается, годы уйдут!

КНЯЗЬ НА ОХОТЕ

(I, XI, 2)

Черная блещет железом четверка дородных коней,
Собраны в руку возницы три пары поводьев-ремней.
Князь в колеснице сидит, и любимые слуги его
Ныне охотиться будут и вслед выезжают за ней.

Гонят по времени года пригодных для жертвы самцов[2],
Те, что пригодны для жертвы, ныне самцы велики!

Князь лишь прикажет вознице левей колесницу держать,
Пустит стрелу и сразит он — все стрелы у князя метки.

Северным парком с охотой теперь отправляется князь,
Кони привычною рысью в четверке бегут, торопясь.
Легкая едет повозка, звенят в бубенцах удила —
Гончих собак и легавых для травли она повезла!

БОЕВАЯ КОЛЕСНИЦА

(I, XI, 3)

I

Для боевой колесницы кузов короткий — как раз!
Гнутое дышло красиво кожей повито пять раз,
В круге скользящем все вожжи[3], чтобы лежали ровней,
Посеребренные кольца держат тяжи из ремней.
Втулки длинны колесницы, шкура тигровая в ней,
Пегих, а к ним белоногих впряг он могучих коней.
Я, о супруг благородный, думой с тобою всегда;
Тверд, благороден, как яшма, сердцем же яшмы нежней!
В срубах дощатых ночуешь в дикой далекой стране —
Скорбь о тебе наполняет сердца изгибы во мне!

II

Мощные тучные кони — вся их четверка крепка,
Вместе ременные вожжи держит возницы рука.
Пегий с гнедым черногривым тянут в упряжке одной,
С ними — с боков — черномордый желтый, а с ним —
вороной.
Верно, с драконом на поле рядом уперты щиты,
В посеребренные пряжки средние вожжи взяты!
Я, о супруг благородный, думой с тобою всегда,
Там, благородный и нежный, в городе варварском ты!
Скоро ли, скоро ль настанет вам возвращения срок?
Вся я душой истомилась в думах о том, кто далек!

III

Дружных коней покрывает тонкой брони чешуя,
Посеребренная блещет ручка тройного копья[4],

Щит, разукрашенный в перья, длань прижимает твоя.
Кони с резными значками[5], в шкуре тигровой твой лук;
В шкуру тигровую накрест всунул два лука супруг,
Чтобы не гнулись, привязан к лукам упругий бамбук.
Я, о супруг благородный, думой с тобою всегда,
Лягу ль на ложе, встаю ли — в мыслях единственный друг!
Тверд и спокоен, я знаю, кто благороден и прям, —
Добрая слава о муже, знаю, несется вокруг.

ТРОСТНИКИ С ОСОКОЙ СИНИ, СИНИ

(I, XI, 4)

Тростники с осокой сини, сини,
Белая роса сгустилась в иней.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Верно, где-нибудь в речной долине.
По реке наверх иду за ним я —
Труден кажется мне путь и длинен;
По теченью я за ним спускаюсь —
Он средь вод — такой далекий ныне.

Синь тростник и зелена осока —
Не обсохли от росы глубокой.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Где-нибудь у берега потока.
По реке наверх иду за ним я —
Путь мой труден, путь лежит высоко;
По теченью я за ним спускаюсь —
Он средь вод на островке далеко.

Блекнет зелень в сини тростниковой.
Белая роса сверкает снова.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Где-нибудь у берега речного.
По реке наверх иду за ним я —
Труден путь, я вправо взять готова;
По теченью я за ним спускаюсь —
Он средь вод у острова большого.

ПЕСНЬ О ПОСЕЩЕНИИ ЦИНЬСКИМ КНЯЗЕМ ЧЖУННАНЬСКИХ ГОР

(I, XI, 5)

Что сыщешь ты там, у чжуннаньских высот?
Там слива с катальпою горной вдвоем.
Муж доблести прибыл на этот хребет,
Он в шубе из лис, под узорным плащом,
И лик, точно киноварь, ал у него!
Его мы своим государем зовем.

Что сыщешь ты там, у чжуннаньских высот?
Утесы да глади широкие плит.
Муж доблести прибыл на этот хребет,
Халат его пестрым узором расшит,
О пояс в подвесках бряцает нефрит.
Пусть век он живет и не будет забыт!

ТАМ ИВОЛГИ[1]

(I, XI, 6)

Там иволги, вижу, летают кругом,
На ветви жужуба слетаясь, кружат.
Кто с князем Му-гуном в могилу пойдет?
Цзы-цзюйя Янь-си выполняет обряд.
И этот Янь-си, что исполнит обряд,
Был самым храбрейшим из сотен солдат.
Но только к могиле приблизился он,
Как весь задрожал он и был устрашен.
А ты, о лазурное небо вдали,
Так губишь ты лучших из нашей земли!
Как выкуп за тех, кто живьем погребен,
Сто жизней мы отдали б, если б могли.

Там иволги, вижу, летают кругом,
Кружат, собираясь на тут под курган.
Кто с князем Му-гуном в могилу пойдет?
Из рода Цзы-цзюйя могучий Чжун-хан.
О, этот из рода Цзы-цзюйя Чжун-хан!
Он сотню солдат отражал, великан!
Но только к могиле приблизился он,
Как весь задрожал он и был устрашен.

А ты, о лазурное небо вдали,
Так губишь ты лучших из нашей земли!
Как выкуп за тех, кто живым погребен,
Сто жизней мы отдали б, если б могли.

Там иволги, вижу, летают кругом,
Садясь меж колючих терновых кустов.
Кто с князем Му-гуном в могилу пойдет?
Чжэнь-ху с ним в могильный уляжется ров,
И этот Чжэнь-ху, что разделит с ним ров,
Был с сотнею воинов биться готов!
Но только к могиле приблизился он,
Как весь задрожал он и был устрашен.
А ты, о лазурное небо вдали,
Так губишь ты лучших из нашей земли!
Как выкуп за тех, кто живым погребен,
Сто жизней мы отдали б, если б могли!

ТОСКА ПО МУЖУ

(I, XI, 7)

То сокол, как ветер, летит в небесах,
Он в северных рыщет дремучих лесах.
Давно уж супруга не видела я,
Великая скорбь в моем сердце и страх.
О, как это сталось? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

Ветвистые вижу дубы над горой,
Шесть вязов я вижу в долине сырой.
Давно уж супруга не видела я,
И боль безысходная в сердце порой.
О, как это сталось? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

Там сливы на горных вершинах густы,
В низинах там дикие груши часты.
Давно уж супруга не видела я...
О сердце, от боли как пьяное ты!
О, как это сталось? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

КТО СКАЗАЛ: НЕТ ОДЕЖДЫ

(I, XI, 8)

Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?
Плащ с тобой пополам разделю я в походе любой!
Царь сбирается в путь и свои поднимает войска —
Приготовил я дротик и длинную пику и в бой!
Вместе выйдем на битву, ведь враг у нас общий с тобой.

Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?
Мы разделим с тобою исподнее платье мое.
Царь сбирается в путь и свои поднимает войска —
Приготовил я дротик и с ним боевое копье.
Встанем вместе на битву за дело мое и твое!

Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?
Есть рубашка у нас, мы рубашку разделим вдвоем.
Царь сбирается в путь и свои поднимает войска —
Латы я приготовил и острым запасся мечом.
Знаю, вместе с тобою мы в битву с врагами пойдем.

БРАТА МАТЕРИ Я ПРОВОЖАЮ

(I, XI, 9)

Брата матери ныне я в путь провожаю с войсками,
Берег северный Вэй — и здесь предстоит нам проститься.
Чем его одарить, я не знаю, — какими дарами?
Подарю я гнедую четверку с большой колесницей.

Брата матери ныне я в путь провожаю с войсками,
Бесконечная дума о нем в моем сердце сокрыта.
Чем его одарить, я не знаю, — какими дарами?
Подарю самоцветы и пояс с прекрасным нефритом!

О СКУПОСТИ КНЯЗЯ

(I, XI, 10)

Жаловал нас
В большой горнице, как подобало:
Ныне ж от яств на пиру ничего но осталось —
Жаловать нас
Не умеет, как в прошлом бывало.

Жаловал нам
От всех яств по четыре сосуда;
Ныне ж не ели мы досыта с каждого блюда.
Жаловать нас
Не умеет, как в прошлом бывало.

XII. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЭНЬ[1]

ТЫ СТАЛ БЕЗРАССУДЕН
(I, XII, 1)

Ты стал безрассуден, гуляешь с тех пор,
Поднявшись на холм, на крутой косогор!..
Хоть добрые чувства к тебе я храню,
К тебе не поднять мне с надеждою взор.

Ты бьешь в барабан, и разносится гром,
Внизу ты гуляешь под этим холмом.
Порою ли зимнею, летним ли днем
Там с белым стоишь ты от цапли пером[2].

Ты в накры[3] из глины ударил, опять
Идешь по дороге на холм погулять.
Порою ли зимнею, летним ли днем
Готов с опахалом из перьев плясать!

ТАМ ВЯЗЫ РАСТУТ У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ
(I, XII, 2)

Там вязы растут у восточных ворот,
Дубы на вершине крутого холма.
Сегодня, я знаю, Цзычжунова дочь
Под теми дубами нам спляшет сама!

Прекрасное утро избрали — вдали,
По южной долине мы будем гулять...
Сегодня не треплет никто конопли,
От площади рыночной пляски пошли!

В прекрасное утро мы вышли с тобой!
Идем по дороге все вместе гурьбой.
Ты — яркая мальва в цвету по весне,
Душистых дай перечных зернышек мне!

РАДОСТЬ УДАЛИВШЕГОСЯ ОТ КНЯЖЕСКОГО ДВОРА

(I, XII, 3)

За дверью из простой доски
Возможен отдых без тревог;
Я у бегущего ключа,
Голодный, радоваться мог!

Ужели рыбой на обед
Должны быть хэские лещи?[4]
Жену берешь — ужель и здесь
Ты только Цзян из Ци ищи?[5]

Ужели рыба на обед —
Лишь карп из Хэ, и нет иной?
Ужели только Цзы из Сун[6]
Достойна стать твоей женой?

ЕСТЬ У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ ВОДОЕМ

(I, XII, 4)

Есть у восточных ворот водоем,
И коноплю можно вымочить в нем.
Цзи, ты собой хороша и мила, —
Песню я спел бы с тобою вдвоем.

Есть у восточных ворот водоем,
Носим крапиву мочить в этот ров.
Цзи, ты собой хороша и мила —
Речи вести я с тобою готов!

Есть у восточных ворот водоем,
Вымочить можно в том рву камыши.
Цзи, ты собой хороша и мила, —
Поговорить мне с тобой разреши!

ТАМ, У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ, ЗЕЛЕНЕЮТ РАКИТЫ

(I, XII, 5)

Там, у восточных ворот, зеленеют ракиты —
Пышной густою листвою их ветви покрыты.
Встретиться в сумерки мы сговорились с тобою,
Звезды рассвета блестят, обещанья забыты.

Там, у восточных ворот, зеленеют ракиты —
Ветви их скрыты густою и пышной листвою.
Встретиться в сумерки мы сговорились с тобою,
Звезды рассвета блестят над моей головою.

У ВРАТ МОГИЛЬНЫХ

(I, XII, 6)

У врат могильных разрослись жужубы;
Срежь их топор — они несут нам беды.
Правитель наш неправый и недобрый,
И нрав его в стране всем людям ведом.
Хоть ведом — нет предела и управы —
Был издавна таков правитель нравом.

У врат могильных разрослись и сливы;
Слетясь на них, грозят бедою совы.
Правитель наш неправый и недобрый,
Все люди князя обличать готовы.
Моим словам не внемлет он, но вскоре,
Поверженный, о них он вспомнит в горе.

ВЬЕТ ГНЕЗДО СОРОКА НА ПЛОТИНЕ

(I, XII, 7)

Вьет гнездо сорока на плотине;
На горе хорош горошек синий.
Кто сказал прекрасному неправду?
Сердце скорбь наполнила отныне.

Черепицей к храму путь устлали;
Пестр, хорош ятрышник в горных далях.

Кто сказал прекрасному неправду?
Сжалось сердце в страхе и печали.

ВЫШЛА НА НЕБО ЛУНА
(I, XII, 8)

Вышла на небо луна и ярка, и светла...
Эта красавица так хороша и мила!
Горечь тоски моей ты бы утешить могла;
Сердце устало от думы, и скорбь тяжела.

Светлая, светлая вышла на небо луна...
Эта красавица так хороша и нежна!
Горечь печали могла бы утешить она;
Сердце устало, душа моя грусти полна.

Вышла луна, озарила кругом облака —
Так и краса моей милой сверкает, ярка.
Путы ослабь, что на сердце связала тоска,
Сердце устало, печаль моя так велика!

ЧЕМ Я БУДУ ТАК ЗАНЯТ
(I, XII, 9)

Чем же я буду так занят в Чжулинь?
Следом иду, провожаю Ся Нинь.
Это иду я не в город Чжулинь —
Следом иду, провожаю Ся Нинь.

«Вы запрягите четверку коней —
В Чжу отдыхать я поеду на ней.
Сам погоню я коней молодых —
Завтракать в Чжу я поеду на них!»

ТАМ, ГДЕ ПЛОТИНА
(I, XII, 10)

Там, где плотина сжимает наш пруд,
Лотосы там с тростниками растут.
Есть здесь прекрасная дева одна...

Кто мне поможет? — Печали гнетут;
Встану ль, прилягу ль — напрасен мой труд,
Слезы обильным потоком текут.

Там, где плотина сжимает наш пруд,
Там с валерьяной росли тростники.
Есть здесь прекрасная дева одна,
Стан ее пышен, прекрасны виски.
Встану ль, прилягу ль — напрасен мой труд,
В сердце лишь боль бесконечной тоски.

Там, где плотина сжимает наш пруд,
Лотосы там расцветают меж трав.
Есть здесь прекрасная дева одна,
Стан ее пышен и вид величав.
Встану ль, прилягу ль — напрасен мой труд,
Долго томлюсь, к изголовью припав!

XIII. ПЕСНИ ЦАРСТВА ГУЙ[1]

ВЫ В ШУБЕ БАРАНЬЕЙ

(I, XIII, 1)

Вы в шубе бараньей опять беззаботно гуляли,
А в лисьей опять на дворцовом приеме стояли.
Могу ли о вас я не думать в тоске и в тревоге?
Уж сердце устало — болит и болит от печали.

Вы в шубе бараньей гуляете всюду без цели,
А лисью вы, сударь, в дворцовых покоях надели.
Могу ли о вас я не думать в тоске и в тревоге?
Вы сердце мне скорбью глубоко поранить успели.

Баранья та шуба как будто намазана салом,
Лишь выглянет солнце — и шуба в лучах заблистала.
Могу ли о вас я не думать в тоске и в тревоге?
Давно уж печаль так глубоко мне в сердце запала.

КОЛЬ ПУТНИКА ВСТРЕЧУ

(I, XIII, 2)

Коль путника встречу порою под шапкою белой[2],
А путник от скорби по близким — худой, пожелтелый, —
Опять утомленное сердце мое заболело!

Лишь путника встречу я в белой одежде убогой —
Как ранено сердце мое и тоской и тревогой,
И следом за ним я отправился б той же дорогой!

Увижу: у путника белым колени прикрыты —
Вновь путами скорби и сердце и дух мой повиты,
И, кажется, скорбью одной воедино мы слиты.

ДИКАЯ ВИШНЯ
(I, XIII, 3)

Дикая вишня в той влажной низине растет,
Нежные ветви на вишне слабы и гибки...
Вишня, ты блещешь своей молодой красотой;
Рад я, что вишня не знает забот и тоски!

Дикая вишня в той влажной низине растет,
Нежные, хрупкие вижу на вишне цветы...
Вишня, ты блещешь своей молодой красотой,
Рад я, что дум о семействе не ведаешь ты!

Дикая вишня в той влажной низине растет,
Нежный, прекрасный на ней наливается плод.
Вишня, ты блещешь своей молодой красотой,
Рад я, что вишня не знает о доме забот!

НЕ ВЕТЕР ПОРЫВИСТ[3]
(I, XIII, 4)

Не ветер порывист и буря дика,
Не мчит колесница как вихрь седока —
Смотрю на дорогу, что в Чжоу вела,
И в сердце опять западает тоска.

Не ветра порыв и не вихря полет,
Не бег колесницы, в которой трясет, —
Взглянул на дорогу, что в Чжоу вела,
На сердце легли мне печали и гнет.

О, если б кто рыбу сумел отварить —
Я вымыл бы сам приготовленный таз.
О, если б кто ехать на Запад[4] хотел —
Я доброе слово сложил бы о вас!

XIV. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦАО[1]

ЖУК-ОДНОДНЕВКА

(I, XIV, 1)

Чешуйки жука-однодневки блестят —
Как светел, как светел твой новый наряд!
Но сердце печалью объято мое —
О, если б ко мне ты вернулся назад.

То крылья жука-однюдневки весной —
Как ярок, как ярок наряд расписной!
Но сердце печалью объято мое —
Вернись и останься отныне со мной!

То выглянул жук-скарабей из земли,
Он в платье из белой, как снег, конопли;
Но сердце печалью объято мое —
Вернись и жилище со мной раздели!

ХОДЯТ ОНИ НА ПРИЕМЫ

(I, XIV, 2)

Ходят они на приемы, встречают гостей,
Палицы с копьями носят с собою — и что ж!
Люди пустые на княжеской службе у нас —
В алых стоят наколенниках триста вельмож[2].

Там на плотине ленивый сидит пеликан,
Крыльев мочить не хотел он, за рыбой гонясь.
Люди пустые на княжеской службе у нас —
Даже не сто́ят одежд, что пожаловал князь.

Там на плотине ленивый сидит пеликан,
Клюв он мочить не хотел и не ведал забот.
Люди пустые на княжеской службе у нас —
Княжеских больше не стоят похвал и щедрот.

Видишь, у нас и деревья, и травы густы,
Дымка поутру над южной горою видна.
Юная девушка там... Но хотя и мила —
Бедная девушка — голод познала она!

НА ТОЙ ШЕЛКОВИЦЕ ГОЛУБКА СИДИТ

(I, XIV, 3)

На той шелковице голубка сидит,
Семь деток вскормила она.
Сколь доблести муж совершенен собой,
Все в нем — величавость одна.
В поступках его величавость одна —
В ней крепость и сдержанность сердца видна!

На той шелковице голубка сидит,
На сливу птенец залетел.
Сколь доблести муж совершенен собой,
Как пояс твой шелковый бел!
Я вижу, как пояс твой шелковый бел,
Ты черную с проседью шапку надел!

На той шелковице голубка сидит,
Птенцы на жужубе видны.
Сколь доблести муж совершенен собой —
В поступках не сыщешь вины!
В деяньях его не отыщешь вины —
Исправил четыре предела страны!

На той шелковице голубка сидит,
В орешнике вижу птенца.
Сколь доблести муж совершенен собой!
Народа исправил сердца.
Примером исправил народа сердца —
Пусть тысячи лет он живет без конца!

ТЕЧЕТ НА ПОЛЯ ЛЕДЯНАЯ ВОДА...

(I, XIV, 4)

Течет на поля ледяная вода родника,
Густой чернобыльник она залила на лугу.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
Столичного города Чжоу забыть не могу!

Течет на поля ледяная вода родника,
Густую полынь, по пути увлажняя, зальет.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
О городе этом я полон тревог и забот.

Течет на поля ледяная вода родника,
И в тысячелистниках пышных разлился поток.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
О городе этом я полон забот и тревог!

Как просо, бывало, прекрасно всходило везде,
И тучи питанье полям приносили в дожде!
Имели царя все четыре предела страны.
И сюньский правитель царю был опорой в труде![3]

XV. ПЕСНИ ЦАРСТВА БИНЬ

ПЕСНЯ О СЕДЬМОЙ ЛУНЕ[1]
(I, XV, 1)

I

В седьмую луну звезда Огня[2]
Все ниже на небе день ото дня.
И вот теперь, к девятой луне,
Одежду из шерсти выдали мне.
В дни первой луны пахнёт холодок,
В луну вторую мороз жесток,
Без теплой одежды из шерсти овцы
Кто год бы закончить мог?
За сохи беремся мы в третьей луне,
В четвертую в поле пора выходить —
А детям теперь и каждой жене
Нам пищу на южные пашни носить.
Надсмотрщик полей пришел и рад,
Что вышли в поле и стар и млад.

II

В седьмую луну звезда Огня
Все ниже на небе день ото дня.
И вот теперь, к девятой луне,
Одежду из шерсти выдали мне.
Тепло с собою несет весна,
Уж иволги песня вдали слышна.
Вот девушка вышла с корзинкой в руках,
По узкой тропинке идет она.
И все она ищет, где листья нежней;
Тутовника ветки пригрела теплынь,
Весенние дни все длинней и длинней,
Уж в поле подруги сбирают полынь.

На сердце печаль у нее лишь одной:
В дом князя войдет она скоро женой.

III

В седьмую луну звезда Огня
Все ниже на небе день ото дня.
В восьмую луну крепки тростники —
Мы режем тростник и камыш у реки.
Луна шелкопрядов — зеленый тут...
Мужчины тогда топоры берут —
Верхушки со старых срежет топор,
А с юных — зеленый убор сорвут!
Кричит балабан о седьмой луне.
В восьмую — за пряжу садиться жене.
Мы черные ткани и желтые ткем,
А ту, что сверкает багряным огнем,
Что ярче всех и красивей всех,
Мы княжичу в дар на халат отдаем.

IV

К четвертой луне трава зацветет,
О пятой луне цикада поет.
В восьмую луну мы сберем урожай,
В десятую — падают листья, кружа.
И первая вновь наступает луна —
Барсучьей охотой начнется она;
И ловим лисиц мы и диких котов —
Ведь княжичу теплая шуба нужна.
Но вот на облаву выходит рать,
Привычная в пору второй луны, —
Себе поросенка должны мы взять,
А князю мы вепря отдать должны!

V

Вот время пришло, и о пятой луне
Кузнечика стрекот послышался мне...
В шестую луну донеслось до меня,
Как крылья стрекоз задрожали, звеня.
В седьмую — мы в поле сверчка найдем,
В восьмую — сверчок уже здесь, под крышей.

В девятую он заползает в дом,
В десятую — он под постелью слышен!
В доме замазывать щели пора,
Выкурить дымом мышей со двора!
Крепко закрыто на север окно,
Глиной обмазаны двери давно.
Жены и дети, мы вас зовем:
Год изменился, пришли холода,
В дом свой войдите, живите в нем.

VI

В шестую луну отведать мы рады
Багряные сливы и гроздь винограда.
В седьмую отведать бобы на пару,
В восьмую луну я жужубы сберу.
Мы рис собираем десятой луной —
К весне приготовим хмельное вино,
Чтоб старцев почтенных с седыми бровями
На долгие годы бодрило оно.
Седьмая луна — стала тыква вкусна,
В восьмую горлянки срезает жена.
Девятой луною кунжутные зерна
И горькие травы собрала она.
В запас нарубила и сучьев и дров —
Обед для крестьянина будет готов!

VII

Девятой луною мы ток расчищаем,
В моем огороде прибита земля;
Десятой луной урожай убираем:
Здесь просо, пшеница, бобы, конопля.
Супругу жена говорит своему:
«О муж мой, мы всю нашу жатву собрали,
Работа нас ждет в нашем зимнем дому —
Сбираться в селение нам не пора ли?»
Сбираем мы травы осенние днем,
А ночью глубокой — веревки совьем.
Лишь кровлю поправить успел я — опять
Пора и весенний посев починать!

VIII

Лед бьем мы со звоном — вторая луна,
Им в третью широкая яма полна,
И утром в четвертой, как жертву зимы,
Чеснок и барашка приносим мы!
    В девятой — вновь иней на травах жесток,
    Десятой луной расчищаем мы ток...
У нас на пиру два кувшина с вином,
Овцу и барашка мы князю снесем.
    Рога носорога полны вина,
    Поднимем их выше и выпьем до дна,
    Чтоб жизнь ваша, князь, длилась тысячи лет
    И чтоб никогда не кончалась она!

О ТЫ, СОВА

(I, XV, 2)

О ты, сова, ты, хищная сова,
Птенца похитила, жадна и зла!
Не разрушай гнезда, что я свила.
С трудом, с любовью я вскормила их,
Моих птенцов, — так пожалей же их!

Пока не скрылся в тучах небосвод,
Кору с корней древесных птица рвет.
Я вью гнездо, сплела из веток вход...
Ужели ты, живущий там, внизу,
Меня посмеешь обижать, народ?

Когтями я рвала траву кругом,
Изодран клюв мой жестким тростником
И всем, что я сбирала, — и потом
Мой клюв был в ранах весь! Но что мне в том, —
Сказала я, — коль не готов мой дом?

Иссякла мощь моих разбитых крыл,
И хвост ослаб — он весь изломан был.
Гнездо в беде; бороться нету сил;
И дождь хлестал его и ветер бил...
Стал голос мой тревожен и уныл.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

(I, XV, 3)

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там.
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь нас мочил по пути.
Но с востока на запад при слове «назад»
Устремились все мысли солдат —
Там сошьют земледельцу привычный наряд.
Рот не сжат[3], не поставят нас в ряд.
Только черви простые теперь поползли
На полях у моих шелковиц...
И одни мы ночуем от близких вдали
Под покровом своих колесниц.

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там.
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь все мочил нас в пути.
Дикой тыквы плоды налились и кругом
Обвисают по кровле теперь,
И мокрицы проникли в оставленный дом,
Паутиною заткана дверь;
И олени пасутся в полях у домов
Да мерцают огни светляков...
Как тревожит само это слово «назад»,
И волненье в сердцах у солдат!

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там.
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь нас все мочит в пути.
Там, у куч муравьиных, лишь цапли кричат,
Жены дома вздыхают, молчат;
Дома щели заткнули, полы подмели —
Тут и мы из похода пришли!
Плети тыкв одичалых обвили одни
Дров каштановых груду кругом,
И с тех пор, как ушли мы, до нынешних дней
Я три года не видел свой дом!

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там!

И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь нас все мочит в пути.
Только иволги, вижу, летают вдали,
И лишь крылья сверкают у них...
То невеста сбирается в путь — запрягли
Темно-рыжих коней и гнедых.
Вот уж матерью пояс вкруг стана обвит,
В украшеньях невеста стоит,
И жених ее новый прекрасен на вид —
Что же старый, ужели забыт?!

ПЕСНЬ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ЧЖОУ НА ВОСТОК

(I, XV, 4)

Были разбиты в походе у нас топоры,
Наши секиры расколоты были в куски.
Чжоуский князь выступает в поход на восток —
Царства четыре границы да будут крепки!
Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе,
Сколь о народе заботы его велики!

Были разбиты в походе у нас топоры,
Были расколоты острые наши жезлы.
Чжоуский князь выступает в поход на восток —
Царства пределы к добру он выводит из мглы!
Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе,
Сколь о народе заботы достойны хвалы!

Были разбиты в походе у нас топоры,
Наши секиры расколоты были давно.
Чжоуский князь выступает в поход на восток —
Царства пределы крепит он и вяжет в одно!
Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе,
Сколь похвалы, восхищенья достойно оно!

О СКОРОМ СВАТОВСТВЕ

(I, XV, 5)

Когда топорище ты рубишь себе —
Ты рубишь его топором.
И если жену избираешь себе —
Без свах не возьмешь ее в дом.

Когда топорище рублю топором,
То мерка близка, говорят[4].
Увидел я девушку эту — и вот
Сосуды поставлены в ряд![5]

С ДЕВЯТЬЮ КОШЕЛЯМИ ПОСТАВЛЕНА СЕТЬ

(I, XV, 6)

С девятью кошелями поставлена сеть,
Рыбы там — красноперка с лещом.
Мы увидели князя — был выткан дракон
На одеждах, что были на нем[6].

То над островом правит журавль свой полет...
Или места наш князь не найдет?
Он две ночи с тобой проведет!

Журавли над высокой равниной летят...
Или князь не вернется назад?
Он с тобою две ночи подряд.

Так могли мы на платье с драконом взглянуть..
Князь, в обратный не трогайся путь —
Пусть не льется печаль в мою грудь!

ПОДГРУДОК ОТВИСШИЙ ВОЛК ЛАПОЙ ПРИЖАЛ

(I, XV, 7)

Подгрудок отвисший волк лапой прижал, оступясь;
Отпрянув назад, он ударился тотчас хвостом...
Преславный потомок, велик и прекрасен был князь,
Спокоен и важен, — багряные туфли на нем.

Отпрянув назад, волк ударился тотчас хвостом,
Подгрудок отвисший он лапой прижал, оступясь.
Преславный потомок, велик и прекрасен был князь,
И славе его, как нефриту, неведома грязь!

II
МАЛЫЕ ОДЫ

I

ВСТРЕЧА ГОСТЕЙ
(II, I, 1)

Согласие слышу я в криках оленей,
Что сочные травы на поле едят.
Достойных гостей я сегодня встречаю —
На гуслях играют и шэны[1] звучат,
И трубки у шэнов настроены в лад,
Корзины подарков расставлены в ряд.
Те люди мне путь совершенств показали;
Я вижу любовь их, и счастлив, и рад.

Согласие слышу я в криках оленей,
Что сочные травы едят на полях.
Достойных гостей я сегодня встречаю,
Их доблесть сверкает, им славу суля,
Для всех благородных пример подражанья,
Народ поучая, пороки целя,
Отменным их ныне вином угощаю,
Достойных гостей на пиру веселя.

Согласие слышу я в криках оленей,
Что травы едят на полях поутру.
Достойных гостей я сегодня встречаю,
И слышу я цитры и гуслей игру,
Согласье и радость в удел изберу.
Отменным их ныне вином угощаю —
Достойных гостей веселю на пиру.

НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ

(II, I, 2)

Все скачут и скачут четыре коня,
И длинен великий извилистый путь...
Иль думы о доме назад не манят?
Мы службой царю пренебречь не должны,
И ранено сердце тоской у меня.

Усталые скачут четыре коня,
Белы они сами, их гривы черны...
Иль думы о доме назад не манят?
Мы службой царю пренебречь не должны,
Покоя и отдыха мы лишены.

То голуби реют и реют, взгляни:
То взмоют, то вдруг упадут с вышины.
Вот сели на куще дубовой они...
Мы ж службой царю пренебречь не должны,
И старость отцов не покоят сыны.

То голуби реют и реют, взгляни:
То сядут, то ввысь устремляются, взмыв,
Вот сели на ветви раскидистых ив.
Мы ж службой царю пренебречь не должны,
И матери наши забот лишены.

Четверку запряг черногривых коней,
И скачут они все резвей и резвей...
Иль думы о доме назад не манят?
Я песню сложил, чтоб напомнить о ней —
О матери, брошенной без сыновей.

НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ

(II, I, 3)

Цветы распустились, сверкают, горя
По взгорьям широким, в низинах у нас...
И мчатся и мчатся посланцы царя —
Боятся, что в срок не исполнят приказ.

А резвые кони мои горячи,
Три пары вожжей увлажнились, блестят,
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Посланец, повсюду совета ищи.

И серые в яблоках кони легки,
И вожжи, как будто из шелка, мягки,
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Повсюду, посланец, совет получи.

Белы мои кони, их гривы черны.
И вожжи влажны и блестят вдоль спины.
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Совета ищу у мудрейших страны.

Легки мои кони, цвет масти их сив...
И ровно ложатся все вожжи у грив,
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Учись, у мудрейших совета спросив!

БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ
(II, I, 4)

I

Гляди: цветы у наших слив,
Не краше ль всех они горят!
Никто друг другу так не мил,
Как брату мил бывает брат.

II

Пред смертным ужасом одна
Лишь братская любовь сильна.
И в грудах тел среди долин
Труп брата ищет брат один!

III

В долине иволга живет...
Страдают братья от невзгод.
У всех есть лучшие друзья —
Их вздохи множат скорби гнет.

IV

Пусть дома ссорится семья —
У ней отпор врагу един.
У всех есть лучшие друзья —
Их помощи не видел я.

V

Но смерть и мрак побеждены,
Покой и мир внутри страны.
Иль больше брата своего
Мы чтить друзей своих должны?

VI

Ковши и чаши ставьте в ряд
И выпьем вволю. С нами вновь
Согласье, радость и любовь,
Ковши и чаши ставьте в ряд.

VII

Любовь детей и наших жен,
Как гуслей с цитрой общий звук,
И если с братом дружен брат —
Им радость будет вечный друг.

VIII

Когда в порядке держишь дом —
Всем домочадцам радость в нем.
Друзья, помыслите о сем, —
Мы в этом истину найдем!

О ДРУЖБЕ

(II, I, 5)

I

Согласно стучит по деревьям топор,
И птичий исполнен согласия хор.

Вся стая, из темной долины взлетев,
Расселась в вершинах высоких дерев.
Звучат голосистые песни средь гор —
Подруга с подругой ведет разговор.
Смотри: если птица подругу зовет,
Подруга с подругой ведет разговор,
То как человеку друзей не искать,
Не к другу ль его устремляется взор?
И светлые духи, услышав о сем,
Даруют согласье, и сгинет раздор.

II

Стук в чаще... Топор с топором заодно...
Прозрачное я приготовил вино,
И жирный ягненок для этого дня
Зарезан, и позвана в гости родня;[2]
А коль не придут, да не скажет никто,
Что, мол, непочтителен был, про меня!
Опрыскан и начисто выметен пол,
И восемь в порядке расставлено блюд,
И жирный теленок поставлен на стол —
Родню моей матери в гости зовут.
А коль не придут, да не скажет никто,
Что я виноват — в поношенье и в суд.

III

Стучит по деревьям топор над холмом.
Наш стол изобилен прозрачным вином,
И в полном порядке сосуды на нем,
И братья мои наполняют мой дом.
Достоинство духа народ утерял,
Гоняясь за лишним засохшим куском.[3]
Вино есть — его процедите для нас,
А нету вина, так купите для нас,
Как гром, барабаны, гремите для нас,
Живей, плясуны, попляшите для нас!
А время придет отдохнуть нам — опять
Прозрачное будем вино попивать.

СЛАВОСЛОВИЕ ЦАРЮ
(II, I, 6)

I

Небо навеки храни тебя, царь!
Сила твоя да пребудет тверда,
Благо и счастье да будут тебе,
Да не иссякнут они никогда!
Многие небо щедроты пошлет,
Несть им числа, на года и года!

II

Небо навеки храни тебя, царь!
Даруй без меры щедроты одни!
Долгу послушный, прими от небес:
Милости — будут стократны они.
Счастье, о небо, тебя осени,
Счастье на долгие, долгие дни!

III

Небо навеки храни тебя, царь!
Пусть и все царство твое процветет,
Точно гора иль вершина холма,
Точно утес или горный хребет,
Точно река, что в разливе своем
Все полноводнее мчится вперед.

IV

Время избрав и очистивши все[4],
Пир сотворишь и сыновние сам
Жертвы четыре в году принесешь[5]
Прежним владыкам и предкам-царям.
Их заместитель[6] тебе изречет
Жизнь без конца по векам и векам!

V

Светлые духи, представ пред царя,
Счастьем обильным тебя одарят.
Прост твой народ и правдив, что ни день

Пищу свою добывая в труде.
В черноволосом народе твоем
Доблесть твоя разольется везде.

VI

Ты как луна́, чье сиянье растет[7],
Ты как пресветлого солнца восход!
Вечностью жизнь да сравнится твоя
С южной горой, что вовек не падет,
Ты как на соснах и туях хвоя,
Что в бесконечном преемстве живет!

В ПОХОДЕ НА ГУННОВ[8]

(II, I, 7)

I

Собирали мы папоротник по лесам,
И ростки его чуть поднимались тогда,
А когда нам прикажут идти по домам,
Дней в году завершится уже череда.
Ни семьи и ни дома нет больше... Беда —
Это гуннская вторглась орда.
На коленях и то я не мог отдохнуть —
Это гуннская вторглась орда.

II

Собирали мы папоротник по лесам,
Были стебли его в эту пору мягки,
А когда нам прикажут идти по домам —
Изболится, иссохнет душа от тоски.
И сердце тоска все мучительней жжет,
Истомил меня голод, и жажда гнетет!
Но охране границы не будет конца,
И проведать домашних не сыщешь гонца.

III

Собирали мы папоротник по лесам,
И уж крепкими стебли казалися мне,

А когда нам прикажут идти по домам —
Год подвинется, верно, к десятой луне.
Но на службе царю ты не будь нерадив —
И не мог отдохнуть я, колени склонив...
И скорбит мое сердце сильнее: солдат
Не придет из похода назад!

IV

Чьих цветов красота так нарядно пышна?
Это сливы: прекрасней цветов не найти.
Это чья на пути колесница видна?
Благородного это повозка в пути.
В боевой колеснице четыре коня,
И крепки и могучи его скакуны...
Смею ль я отдыхать? Три победы в бою
Одержать приказал он в теченье луны!

V

Впряжены в колесницу четыре коня,
Вижу мощь запряженных четверкой коней,
Благородный наш вождь в колесницу войдет,
Мы, ничтожные, следовать будем за ней.
Ровно кони бегут, их в порядке убор,
Лук в слоновой кости, из кожи тюленя колчан.
Как же нам, что ни день, не сбираться в дозор?
Гуннов с севера крепнет напор!

VI

Помню время, когда уходили в поход,
Был на ивах зеленый, зеленый наряд;
Ныне мы возвращаемся к дому назад —
Только снежные хлопья летят и летят...
Долго, долго солдатам обратно идти,
Нас и голод и жажда томят на пути,
Сердце ранено скорбью. Никто, говорят,
Не узнает, как страждет солдат.

ОДА О ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ НАНЬ ЧЖУНА ПРОТИВ ГУННОВ

(II, I, 8)

I

Выходят ряды боевых колесниц
За дикую степь, устремляясь вперед,
И вождь нам сказал, что от Сына Небес
Приказ поступил собираться в поход.
Велит колесницу свою снаряжать,
Возницу своей колесницы зовет:
«Будь скор и проворен. На службе царю
Немало вам будет трудов и забот!»

II

Выходят ряды боевых колесниц —
Они за предместьями: стяг водружен,
И змей с черепахой расшиты на нем.
Висят бунчуки на верхушках знамен,
Вся в змеях и в соколах ткань их ярка,
И ветер ужель не колышет шелка?
И горе сжимает сердца у солдат,
Томлением страха возница объят.

III

Приказ от царя был Нань Чжуну вручен,
Чтоб дальний Шофан[9] был стеной укреплен.
Идут колесницы, на ткани знамен
И змеи блестят и сверкает дракон.
«Сын Неба[10] отдал повеление мне,
Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен!»
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
И изгнаны гунны, и враг поражен.

IV

Когда выступали мы в этот поход,
Цвело еще просо в полях, колосясь,
А ныне, когда мы уходим домой, —
Снег падает хлопьями в липкую грязь.

Сколь служба царю многотрудна для нас —
Не мог отдохнуть на коленях солдат!
Иль думы о доме назад не манят?
Нарушить боялись мы царский указ.

V

Уж снова запели цикады вокруг,
Кузнечики скачут... Далеко супруг.
И долго супруга не видит жена,
И сердце болит от волнений и мук,
Лишь только завидит супруга жена,
И сердце ее успокоится вдруг.
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
И западных варваров ранит испуг.

VI

И дни удлиняются в пору весны,
И травы пышны, и деревья пышны,
И иволги звонкие песни слышны,
Кувшинки сбирают... Из дальней страны
Мы толпами пленных с собою ведем;
Солдат возвращается в брошенный дом.
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
И гунны на севере усмирены.

В ОЖИДАНИИ МУЖА, УШЕДШЕГО В ПОХОД

(II, I, 9)

Стоит одинокая груша, смотрю:
Прекрасны плоды, что созрели на ней.
Нельзя быть небрежным на службе царю —
И тянется нить бесконечная дней.
Дни быстро склонились к десятой луне,
И сердце тоска разрывает жене —
Вернется ли воин на отдых ко мне?

Стоит одинокая груша, смотрю:
Листы ее так зелены, зелены.
Нельзя быть небрежным на службе царю —

Тоскою поранено сердце жены.
И трав, и дерев зеленеет наряд;
Печали мне женское сердце теснят:
Когда же мой воин вернется назад?

Пошла через северный этот хребет —
Сбираю я нежные ивы ростки...
Нельзя быть небрежным на службе царю —
Томятся отец наш и мать от тоски.
Изношен уже колесницы сандал,
И каждый скакун истомленным скакал,
Уж близко мой воин, он очень устал.

Они не идут, не впрягают коней,
А сердце болит и тоскует сильней,
Все нет его, минул условленный срок,
На сердце все больше забот и тревог.
В гаданьях я дни провожу, в ворожбе,
И все говорит мне: он близок к тебе!..
Он близко, мой воин, уставший в борьбе.

II

РАДУШНОМУ ХОЗЯИНУ
(II, II, 3)

Всякой-то рыбы мережа полна:
Крупной и мелкой, всего.
Доблестный муж наготовил вина —
Вкусное, много его!

Всякой-то рыбы мережа полна:
Лещ тут, налимов полно.
Доблестный муж наготовил вина —
Много, и вкусно оно!

Всякой-то рыбы мережа полна:
Карпов, форели не счесть!
Доблестный муж наготовил вина —
Вина прекрасные есть.

Много он яств приготовил, взгляни:
Все-то прекрасны они.
Яства отменны на вкус и на цвет,
Видишь: чего только нет!
Сколько хозяин наставил добра —
Значит, настала пора!

РАДУШНОМУ ХОЗЯИНУ
(II, II, 5)

Есть на юге прекрасная рыба,
Эту рыбу ловят мережей...
Есть вино у радушного мужа
Для веселья гостей пригожих.

Есть на юге прекрасная рыба,
И мережей ловить ее надо...
Есть вино у радушного мужа
Всем достойным гостям на радость.

Есть там дерево — ветви низко
Плети тыквы сладкой обвили...
Есть вино у радушного мужа,
Гости пиром довольны были!

Реют голуби всюду, всюду
И слетаются целой стаей...
Есть вино у радушного мужа,
Гости пир повторить мечтают.

СЛАВОСЛОВИЕ ГОСТЯМ

(II, II, 7)

I

На южной горе поднялись камыши,
На северной — травы душисты в глуши.
Достойные, милые гости мои —
Опора всех стран, ваша сила крепка!
Достойные, милые гости мои,
Да будет вам жизнь на века и века.

II

На южной горе разрастается тут,
На северной — тополи, вижу, растут.
Достойные, милые гости мои,
Как блеск наших царств, вас и ценят и чтут.
Достойные, милые гости мои
Пусть тысячи лет бесконечно живут!

III

На южной горе вижу поросли ив,
На северной — рощи обильные слив.
Достойные, милые гости мои
Народу заменят и мать, и отца,
Достойные, милые гости мои,
Их доблестной славе не будет конца!

IV

На южной горе разрослись лозняки,
На северной, вижу, деревья гибки.
Достойные, милые гости мои,
Иль в старости брови не будут густы?[1]
Достойные, милые гости мои,
Пусть доблести слава цветет, как цветы!

V

На южной горе — там осины краса,
На северной, видишь, катальпы леса.
Достойные, милые гости мои,
До желтой ужель не дожить головы?[2]
Достойные, милые гости мои,
Потомство свое да взлелеете вы!

ВЫСОКО ПОЛЫНЬ ВОЗРОСЛА

(II, II, 9)

Я вижу: высоко полынь возросла,
Густая роса на цветке.
Мой милый, тебя я увидеть смогла,
И места нет в сердце тоске.
Пируем, смеемся, в беседе такой —
Нам радость с тобой и покой.

Я вижу: высоко полынь возросла,
Роса на полыни крупна.
Мой милый, тебя я увидеть смогла,
Любовь твоя света полна,
Духовная доблесть твоя без пятна —
За долгую жизнь не померкнет она!

Я вижу: высоко полынь возросла,
Повисла роса по листкам.
Мой милый, тебя я увидеть смогла —
Пируем — и радостно нам.
И братьям ты будешь примером, как брат,
Чьи доблести вечную радость сулят.

Я вижу: высоко полынь возросла,
И росы блистают вокруг.
Тебя наконец я увидеть смогла,
И вожжи чуть звякнули вдруг.
Согласный на сбруе бубенчиков звук...
Будь вечно счастливым и радостным, друг!

НА ПИРУ

(II, II, 10)

Густая, густая повсюду роса —
Без солнца не высохнут росы кругом...
Мы длим свою радость, мы пьем в эту ночь —
Никто не уйдет, не упившись вином.

Густая, густая повсюду роса
На травы легла, чуть блеснула заря.
Мы длим свою радость, мы пьем в эту ночь —
И пир наш кончаем в покоях царя.

Густая, густая повсюду роса —
Все ивы в росе и жужубы в росе.
Мужи благородства правдиво-светлы,
И каждый прекрасен в духовной красе.

Маслины кругом и катальпы стоят,
Плоды их висящие радуют взгляд.
Мужи благородства в веселье своем
Учтивую важность осанки хранят!

III

ВСТРЕЧА ГОСТЯ

(II, III, 1)

От тетивы свободен красный лук, —
Приняв его, я сохранил его.
Достойный гость сегодня у меня —
От сердца — луком одарил его!
Колокола и барабаны в ряд,
И пиром я с утра почтил его.

От тетивы свободен красный лук, —
Приняв его, я крепость дал ему.[1]
Достойный гость сегодня у меня, —
От сердца счастлив, радуюсь ему.
Колокола и барабаны в ряд —
Я место справа сохранял ему.[2]

От тетивы свободен красный лук, —
Приняв его, в чехол вложил его.
Достойный гость сегодня у меня —
Всем сердцем я всегда любил его.
Колокола и барабаны в ряд —
Все утро я вином поил его!

ГУСТЫЕ ПОЛЫНИ

(II, III, 2)

Густые, густые полыни кругом —
В средине над этим пологим холмом.
Завижу супруга любимого я —
И рада, готовлю учтивый прием!

Густые, густые полыни кругом —
В средине — на этом речном острову.
Завижу супруга любимого я —
И в радости сердца глубокой живу!

Густые, густые полыни кругом —
В средине, где зелен становится склон,
Завижу супруга любимого я —
Как тысячу раковин дарит мне он!

Как зыбок, как зыбок из тополя челн,
Нырнет и всплывет он над гребнями волн.
Завижу супруга любимого я —
Мир в сердце, и дух мой спокойствия полн.

О ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ ИНЬ ЦЗИФУ НА ГУННОВ*

(II, III, 3)

I

В шестую луну объявили тревогу, тревогу,
Ряды боевых колесниц приготовив в дорогу;
Четверки коней горячи и сильны в колесницах.
Погружены латы из кожи обычные. Трогай!
В свирепом напоре кидаются гуннов отряды,
И нам торопиться навстречу кочевникам надо...
Так царь свое войско в далекий поход высылает,
Чтоб в царстве его укрепились и мир, и порядок.

II

Масть в масть наши кони и силою равно богаты,
И к правилам боя коней приучили солдаты.
Мы в эту шестую луну приготовили воинам
И шлемы из кожи, и наши обычные латы.
Коль скоро одежды у нас приготовлены были,
В один переход тридцать ли мы за день проходили.[5]
Так царь свое войско в далекий поход высылает,
Чтоб Сыну Небес помогли утвердиться мы в силе.

III

И кони в четверках телами массивны и длинны,
И были огромны широкие конские спины!
И наши войска лишь на гуннские орды напали —
Прекрасные подвиги наши пред всеми предстали!
И полны величья и вместе почтенья мы были,
В трудах боевых выполняя повинности наши,
В трудах боевых выполняя повинности наши,
Державе царя мы отныне покой утвердили.

IV

Но гунны, вперед не подумав, доверились силе —
Свой строй развернув, они Цзяо[6] и Ху захватили,
И заняли Хао, и вторглись в пределы Шофана,
И вышли на северный берег Цзинхэ без изъяна.
Но сокол на знамени тканом сияет узором,
И белые вымпелы блещут, горят перед взором!
И десять больших боевых колесниц устремились —
Дорогу вперед нам открыли могучим напором.

V

Ровны и покойны щиты боевой колесницы:
Передний и задний на ось равномерно ложится.
Могучие кони подобраны в каждой четверке,
Могучие кони обучены строю возницей.
И наши войска нападают на гуннские орды,
Походом на северо-запад идем к Тайюани.
В правленье страной, как и в воинском деле, Инь Цзифу
Для тысячи царств образцом и примером предстанет.

VI

Пирует Инь Цзифу — он рад — миновали невзгоды,
Обильное счастье он принял на многие годы...
Домой возвращается войско из дальнего Хао,
И кажутся вечностью долгие наши походы...
Вином угощая, пирует Инь Цзифу с друзьями,
В жиру черепаха, раскрошенный карп перед нами.
И кто здесь пирует? — Чжан Чжун, повсеместно
известный
Сыновним почтеньем и братской любовью, с друзьями.

О ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ ФАН ШУ НА ЮЖНЫХ ВАРВАРОВ[7]

(II, III, 4)

I

Отправляясь, они молочай собирали
И на новых полях, что запаханы год,
На полях, что весной лишь они запахали...
Фан Шу прибыл, он войско уводит в поход.
Здесь его колесницы, три тысячи счетом[8], —
Это рати защита, солдаты за ней.
Фан Шу войско ведет и теперь выезжает
На четверке своих черно-серых коней.
И четверка вперед черно-серая мчится:
Боевая краснеет его колесница!
Верх — циновки, колчан — из тюленевой кожи,
В бляхах кони и вожжи в руках у возницы.

II

Отправляясь, они молочай собирали
И на новых полях, что запаханы год,
И на пашнях, лежащих у самых селений...
Фан Шу прибыл — он войско уводит в поход.
Все его колесницы, три тысячи счетом,
И драконы, и змеи в сверканье видны...
Фан Шу войско ведет и вперед выезжает;
Втулки в коже, в узорном ярме скакуны!
И звенят в удилах колокольчики звоном.
Фан Шу видим в одежды вождя облаченным,
Наколенники ярким багрянцем сияют,
И подвески брящают[9] нефритом зеленым!

III

Быстро, быстро вперед устремляется сокол,
И до неба стремит он высокий полет.
Но садится и он и тогда отдыхает,
Фан Шу прибыл, он войско уводит в поход!
И его колесницы, три тысячи счетом, —
Это рати защита, солдаты за ней.
Фан Шу войско ведет и в поход выезжает,
Гонгиста ли бьет барабанщик звучней?[10]

Фан Шу, рати построив, им вымолвил слово,
Знаменит он, и речь и верна, и сурова.
Барабаны размеренно бьют наступленье,
И отбой барабанная дробь бьет нам снова.

IV

Как вы, варвары цзинской земли[11], бестолковы —
Стать врагами посмели великой стране!
Фан Шу — старец великий, преклонный годами,
Силу дали советы его на войне.
Фан Шу войско ведет и теперь выезжает,
Толпы схвачены... Пленных к допросу ведут.
Без числа боевые идут колесницы,
В нарастающем грохоте снова идут,
Точно грома удары и грома раскаты.
Слово старца великого крепко и свято!
Прежде в дальних походах разбиты им гунны.
Смирны южные варвары, страхом объяты.

ЦАРСКАЯ ОХОТА

(II, III, 5)

I

Колесницы охотничьи наши прочны и крепки,
Наши кони подобраны, равно сильны и легки,
Вижу: кони в четверке в груди широки, широки.
Запрягайте коней, на восток выезжайте, стрелки.

II

Колесницы охотничьи наши, гляжу, хороши,
И в четверки коней подобрали мы самых больших.
На востоке там травы растут и растут камыши;
Запрягай лошадей, на охоту скорее спеши!

III

Вот они на охоте: избрали испытанных слуг,
Их ауканьем степи кругом оглашаются вдруг.
Установлено знамя со змеями, поднят бунчук —
Там, у Ао[12], облавы на зверя смыкается круг.

IV

По четверке коней в колесницы князей впряжены,
И одна за другою четверки приходят на стан.
Наколенники алые, в золоте туфель сафьян.
Собираются гости, блюдя и порядок, и сан.

V

Костяное кольцо налокотнику ровно под стать[13],
Стрелы к луку подобраны — ни тяжелы, ни легки...
И в едином порыве согласно стреляют стрелки;
Помогают нам в кучи убитую дичь собирать.

VI

Светло-рыжие кони четверкой у нас впряжены,
По бокам пристяжные — не станут тянуть они вкось,
Быстро гонит возница, чтоб время терять не пришлось,
Стрелы метко летят и пронзают дичину насквозь.

VII

С тихим присвистом, слышу я, ржут здесь и там скакуны;
И значки и знамена, что плещутся в ветре, видны.
Нет тревоги: ни пеший, ни конный нигде не слышны.
Кладовые большие при кухне еще не полны.

VIII

Вот охотники едут, и шум колесницы возник,
Слышен шум колесницы, не слышен ни голос, ни крик.
Вижу: муж благородства воистину наш государь —
И, по правде, в деяниях, им совершенных, велик!

ЦАРСКАЯ ОХОТА

(II, III, 6)

I

Счастливым днем был моу[14], и молиться
Коней защите[15] начали тогда.

Охотничьи прекрасны колесницы,
Крепки в четверке кони, без труда
На этот холм большой она стремится,
Преследуя бегущие стада.

II

Счастливый день гэн-у[16], — мы так решили,
Коней сыскали, что равны по силе;
Где дичь водилась, тот избрали лес.
Где бродят лани целыми стадами,
По рекам Ци и Цзюй — над берегами
Охотиться здесь будет Сын Небес.

III

И видишь ты долину пред собою:
Стада пасутся широко вокруг,
Олени — то бредут себе гурьбою,
То парами, как будто с другом друг.
Сюда людей мы привезли с собою,
Чтоб Сыну Неба усладить досуг.

IV

И вот мы натянули наши луки,
На тетиве сжимают стрелы руки,
Здесь сбили поросенка кабана,
Там носорога валят с ног удары.
Да будет пир обилен наш, и в чары
Гостям нальем мы нового вина.

ТО ГУСИ ЛЕТЯТ[17]

(II, III, 7)

То гуси летят, то летят журавли
И свищут, и свищут крылами вдали...
То люди далеким походом идут,
И тяжек, и труден в пустыне поход.
Достойные жалости люди идут,
О горе вам, сирый и вдовый народ!

То гуси летят, то летят журавли,
К болоту слетаясь, садятся на нем...
То стены жилищ воздвигает народ,
Что встали на тысячи футов кругом.
Хоть труд наш велик и тяжел — наконец
Покойный себе мы построили дом.

То гуси летят, то летят журавли,
И слышен тоскливый, тоскливый их крик...
Коль мудрый услышит его человек,
Он скажет, что труд наш безмерно велик!
А глупый услышит его человек,
И скажет, гордыней рожден этот крик.

НОЧЬ ВО ДВОРЦЕ

(II, III, 8)

«Кончается ль ночь?» — вопрошает нас царь.
— И полночи нет и во тьме небосклон,
Сиянием факелов двор озарен;
Мужи благородства спешат ко двору,
И слышен вдали колокольчиков звон[18].

«Кончается ль ночь?» — вопрошает нас царь.
— Нет, ночи еще не кончается круг,
Бледнеет сияние факелов вдруг;
Мужи благородства спешат ко двору,
И слышен вблизи колокольчиков звук.

«Кончается ль ночь?» — вопрошает нас царь.
— Сменяет заря предрассветную тьму,
И факелы меркнут и гаснут в дыму;
Мужи благородства спешат во дворец,
Драконы знамен мне видны самому.

ДУМЫ О СМУТЕ В СТРАНЕ

(II, III, 9)

То реки в разливе стремятся к морям,
И почесть, и дань им воздав, как царям.
То сокол свой быстрый свершает полет,
Взлетит высоко и опять отдохнет.

О горе вам, братья мои и друзья,
О горе, сограждане, вам без конца!
Не хочет подумать о смуте никто,
Иль матери нет у него и отца?

То реки в разливе стремятся к морям —
Они широко, широко разлились.
Так сокол свой быстрый свершает полет,
То низко парит он, то взмоет он ввысь.
Я в думах о тех, кто стезю утерял,
Вот встал, вот иду я — покоя лишись!
И в сердце твоем только скорбная боль,
Ее не забудешь, не скажешь: смирись!

То сокол свой быстрый свершает полет
И правит свой путь на вершину холма.
В народе растут голоса клеветы,
Ужели смирить их не хватит ума?
Друзья, коль внимательны будем к себе,
Поднимется ль ложь и неправда сама?

ПРОТИВОРЕЧИЯ
(II, III, 10)

Кричит журавль меж девяти болот,
Но криком тем и ширь полей полна.
И рыба, что скрывалась в бездне вод,
Теперь средь желтых отмелей видна.
Приятный взору пышный сад цветет,
Катальпа в нем посажена, растет,
Но мертвый лист под ней у наших ног.
А из камней высокой той горы
Возможно также сделать оселок!

Кричит журавль меж девяти болот,
Но криком тем и высь небес полна.
И рыба, что на отмели видна,
Скрывается порою в бездне вод.
Приятный взору пышный сад цветет,
Катальпа в нем посажена, растет,
Но там под ней лишь жалкий тут стоит,
И камнями высокой той горы
Возможно также обточить нефрит!

IV

ЖАЛОБА ВОИНОВ, СЛИШКОМ ДОЛГО ЗАДЕРЖАННЫХ НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ

(II, IV, 1)

О ратей отец![1]
Мы — когти и зубы царям!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь
Нет дома, нет крова нам.

О ратей отец!
Мы когти царя на войне!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь
Нет ныне приюта мне.

О ратей отец!
Не счесть тебя умным никак!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь
И сир материнский очаг?

БЕЛЫЙ ЖЕРЕБЕНОК

(II, IV, 2)

Светло-светло-белый жеребенок,
В огороде ешь росточки, милый.
Привяжу тебя, тебя стреножу,
Чтобы это утро вечным было,
А тому, о ком здесь речь веду я,
Отдыхать со мною не постыло.

Светло-светло-белый жеребенок,
Ешь бобы, не уходи далече;
Привяжу тебя, тебя стреножу,
Чтобы вечно длился этот вечер!

Значит, тот, о ком здесь речь веду я,
Гость прекрасный, — он доволен встречей.

Светло-светло-белый жеребенок,
Прибегай к нам, убранный богато!
Ты же, князь мой, да пребудешь вечно
В радости и в счастье без утраты!
Да остерегись гулять беспечно,
Не упрямься, не беги куда-то!

Светло-светло-белый жеребенок —
Там теперь он, в той пустой долине,
Он пучком травы доволен ныне...
Ты ж, как яшма, благородно-тонок,
Не скупись, ценя, как злато, слово!
Сердце так не отдаляй сурово!

НА ЧУЖБИНЕ

(II, IV, 3)

Иволга, иволга, ты не садись
Там, где тутовника чаща видна;
Птичка, не клюй моего ты зерна.
Люди на этой чужой стороне
В дружбу не верят — угрюмость одна.
Ах, я уйду, я домой возвращусь —
Близкие там и родная страна!

Иволга, иволга, ты не садись,
Стаи, вы здесь не слетайтесь на тут,
Птички пусть сорго мое не клюют!
Люди на этой чужой стороне
Мне далеки и меня не поймут...
Ах, я уйду, я домой возвращусь.
Старшие братья дадут мне приют.

Иволга, иволга, ты не садись
Вместе со стаей на этот дубок,
Просо клевать не стремись ты на ток.
Люди на этой чужой стороне
Плохи — я с ними ужиться не мог!
Ах, я уйду, я домой возвращусь.
Верно, у дядей найду уголок.

ТАМ, ПО ДИКОЙ ПУСТЫНЕ

(II, IV, 4)

Там, по дикой пустыне, к вам ехала я,
И айланты тенистые были кругом.
Я к вам ехала — в жены вы брали меня;
Я мечтала — мы с вами теперь заживем.
Вы же, муж мой, лелеять не стали меня —
Я в родную страну возвращаюсь, в мой дом.

Там, по дикой пустыне, к вам ехала я,
Собирала я травы в пути по полям.
Я к вам ехала — в жены вы брали меня;
Чтобы с вами зажить, я отправилась к вам.
Вы же, муж мой, лелеять не стали меня —
Предаюсь о дороге обратной мечтам!

Там, по дикой пустыне, к вам ехала я,
Собирала дорогою корни травы...
Только прежнюю вы позабыли меня
И подругу иную сыскали, увы!
Вы не ради богатства забыли меня —
Только ради другой это сделали вы!

НОВЫЙ ДВОРЕЦ

(I, IV, 5)

I

Берег реки полукругом, как лук,
Южные горы тенисты вокруг.
Дом, точно крепкий бамбуковый лес,
Точно сосна, что взросла до небес.
С братьями в доме да встретится брат —
Будет любовь между нами крепка,
Пусть нас минует коварный разлад!

II

Предкам наследуя, стал ты царем,
В тысячи футов воздвиг себе дом,
Смотрят ворота на запад и юг.
В нем заживешь ты, устроишься в нем,
Смех и беседы услышишь вокруг.

III

Досками место для стен обнесли,
Плотно меж досок набили земли.
В дом не проникнут ни ветер, ни дождь,
Птица и мышь не проникнут! Как встарь,
Место почтенно и свято, где царь!

IV

Дом, как почтения полный, встает,
Горд, как стрела, что стремится вперед;
Кровля — как будто фазана полет,
Как оперение птицы ярка!
Наш государь во дворец свой войдет.

V

Двор разровняли, и с разных сторон
Ввысь устремились вершины колонн.
Весел дворец твой на солнце, взгляни:
Он и глубок, и просторен в тени,
Будет царем здесь покой обретен.

VI

Всюду циновки — бамбук и камыш,
В спальне покой и глубокая тишь.
Встанешь поутру от сна тишины,
Скажешь: «Раскройте мне вещие сны!
Те ль это сны, что нам счастье сулят?
Снились мне серый и черный медведь,
Змей мне во сне доводилось узреть».

VII

Главный гадатель ответствует так:
«Серый и черный приснился медведь —
То сыновей предвещающий знак;
Если же змей доводилось узреть —
То дочерей предвещающий знак!

VIII

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл[2] как игрушку дарят.
Громок их плач... Заблестит наконец
Их наколенников яркий багрец[3] —
Примут уделы и царский дворец!

IX

Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,
В руки им даст черепицу играть!
Зла и добра им вершить не дано,
Пищу варить им да квасить вино,
Мать и отца не заставить страдать».

ХОЗЯИНУ СТАД

(II, IV, 6)

I

Кто скажет, что мало овец у тебя!
В одном только стаде их триста голов!
Кто скажет, что мало быков у тебя?
Лишь рыжих с пятном девяносто быков!
Бараны и овцы твои подошли,
Не бьются рогами бараны, стоят.
Быки и коровы твои подошли,
И только ушами они шевелят.

II

Спускаются ниже стада по холмам,
Иные пошли к водопою на пруд,
Иные лежат, а иные бредут.
Твои пастухи приближаются к нам,
Их шапки — бамбук, а плащи их — камыш.
Несут на спине они пищу. Глядишь:
Стада одномастны по тридцать голов —
Дар духам и предкам обильный готов.

III

Твои пастухи приближаются к нам,
Убитая дичь в их руках и дрова,
И хворост сухой, и сухая трава:
Бараны твои приближаются к нам;
Они и крупны, и отменно крепки,
Больных или слабых нет в стаде; едва
Ты сделал им знак мановеньем руки,
И стадо послушно заходит в хлева.

IV

Уж спят пастухи, снится сон пастухам:
И рыбы, и толпы людские подряд,
И змеи, и сокол на стягах горят...
Великий гадатель ответствует нам:
«И толпы людские, и рыбы подряд —
Воистину то плодородия год.
Коль змеи и сокол на стягах горят —
Умножится в царстве повсюду народ!»

ОДА БЛАГОРОДНОГО ЦЗЯ ФУ, ОБЛИЧАЮЩАЯ ЦАРЯ И ЦАРСКОГО СОВЕТНИКА ИНЯ

(II, IV, 7)

I

Как высоки вы, южные горы,
Скалы теснятся высоко в синь...
К вам весь народ устремляет взоры,
Царский наставник, великий Инь!
Горе сердца сжигает, как пламя,
Вымолвить слово мешает страх,
О, неужель вы не видите сами:
Царство готово низвергнуться в прах.

II

Южные горы высокие в далях,
Скатов, покрытых деревьями, синь...
О, почему вы неправедным стали,
Царский наставник, великий Инь?

Небо нам мор посылает снова,
Ширится смута, и сколько бед!
И не услышишь отрадного слова,
В вас же нисколько раскаянья нет!

III

Юнь, господин наш и вождь государства,
Чжоу престола ты твердь и оплот,
Держишь в руке равновесие царства,
Объединяешь страну и народ!
О, прекрати заблужденья народа,
Сыну Небес[4] будь опора и щит!
Нас же в немилости долгой невзгодой
Небо великое не истощит!

IV

Личного вы не даете примера,
К службе закрыт благородному путь,
К вам у народа разрушена вера.
Но государя нельзя обмануть!
Будьте [redacted]жанны, дух свой смирите,
Низк[redacted] щит, не вверяйте закон!
К [redacted] доходным пути преградите
[redacted], ничтожной родне ваших жен!

V

Вышнее небо не право и снова
Всем нам грозит разореньем от смут,
Вышнего неба немилость сурова,
И прегрешения наши растут.
Если усердья исполнен правитель,
Снидет покой на людские сердца;
Если вы помыслы сердца смирите,
Сгинут и злоба, и гнев до конца.

VI

Неба великого гнев над страною!
Смута, предела не зная, растет
И умножается с каждой луною,
Благостей мира лишая народ.

Сердце как будто пьяно от печали...
Кто у нас держит кормило страны?
Править страной вы давно перестали, —
Скорбь и страданья народа страшны!

VII

У четырех скакунов в колеснице
Шеи крутые могучи, но, мнится,
Вижу я царства четыре предела —
Всюду лишь бедность и некуда скрыться!

VIII

Злобой исполнясь, вы вступите в свару —
Вижу я: копья готовы к удару[5].
Что? Уже радость и мир между вами,
Точно вы пили заздравную чару?!

IX

Небо великое в гневе сурово!
Царь наш покоя не ведает снова —
Сердце смирить он не хочет и только
Гневом встречает правдивое слово.

X

Песню слагая, подумал я: надо
Грех ваш теперь обличить без пощады,
Чтоб изменили вы помыслы сердца,
В мире взлелеяли царств мириады!

ПАЛ ЛЕТОМ БЕЛЫЙ ИНЕЙ[1]

(II, IV, 8)

I

Пал летом белый иней вдруг,
И сердце ранил мне испуг;
В народе лживая молва
Растет и ширится вокруг.

Лишь вспомню, как я одинок, —
Сильнее боль сердечных мук,
От скорби тяжкой и тревог
Все тело охватил недуг.

II

Мне дали жизнь отец и мать,
Чтоб я изведал скорби гнет!
Зачем ни прежде я рожден,
Ни после этих злых невзгод?
Хвалу ли рот их пропоет,
Хулу ли рот их изрыгнет —
В них правды нет, и скорбь растет,
Обиды множа в этот год.

III

Свою недолю вспомню я,
И в скорбном сердце боль и стон:
О весь народ наш! Без вины
В рабов он будет превращен[7].
Мы, горькие, отыщем, в ком
И наше счастье, и закон.
Я вижу: ворон вниз летит;
На чью же кровлю сядет он?

IV

Так лес лишь хворост и дрова
Являет взору моему...
Народ в беде, он к небу взор
Поднял — оно сокрылось в тьму.
Когда решит оно смирить —
Кто воспротивится ему?!
Великий неба государь
Питает ненависть к кому?

V

Нам скажут, что гора низка,
Но все мы видим высь хребтов[8].
В народе лживая молва,
Но опровергнуть кто готов?

Значенье снов спешат спросить
У старцев... Их ответ таков:
«Я мудр, но кто же отличит
От самок воронов-самцов?»

VI

Высоко небо, но под ним
Не смею не склонить главы...
Крепка земля, но я хожу
Лишь с осторожностью, увы...
Но есть и правда, и закон
В реченьях сих людской молвы!
О люди нынешних времен,
Зачем на змей похожи вы?!

VII

Смотри, как буйно вдруг пророс
Ростками тот высокий склон!
Колеблет небо жизнь мою,
Но небом я не сокрушен!
Искали правила во мне.
Как будто не был я найден;[9]
Меня схватили как врага,
Но силой я не побежден.

VIII

О, сердца боль! Как будто кто
Тенетами связал его!
Правленье нынешних времен —
Зачем, скажите, таково?
Пылает пламя высоко,
Кто может погасить его?
Столица Чжоу велика,
Погубит Бао Сы его![10]

IX

Я с вечной думой о конце
Смотрю: под проливным дождем

Нагружен кладью полный воз,
Но скрепы брошены на нем...
И кладь в грязи, и мы тогда —
«Ах, сударь, помоги!» — зовем.

X

О, если ты не сбросишь скреп,
Что спицам дать должны оплот,
Коль ты к вознице будешь строг[11],
На землю кладь не упадет,
И будет трудный путь пройден!..
Но нет твоих о сем забот.

XI

Так рыбы, брошенные в пруд,
Не могут радоваться тут!
Они всегда видны в воде,
Пусть хоть на дно они уйдут[12].
Сколь сердца горесть глубока
В стране жестокостей и смут!

XII

У них есть сладкое вино,
У них отменных яств полно,
И к свату в гости ходит сват,
Сосед с соседом заодно!
Я ж вспомню, как я одинок,
И горе в сердце так сильно!

XIII

Кто низок, тот имеет дом;
Кто подл, тот награжден зерном.
Несчастен ныне наш народ,
Небесным поражен бичом!
Богатый сыт, а тот, кто сир
И одинок, — скорблю о нем.

О ЗНАМЕНЬЯХ НЕБЕСНЫХ И ЗЕМНЫХ, ПРЕДВЕЩАЮЩИХ БЕДСТВИЯ

(II, IV, 9)

I

Лишь началась десятая луна,
И в первый день луны, синь-мао день,
Затмилось солнце. Горе и беду
Великие сулит затменья тень!
Тогда луна утратила свой свет,
И вместе солнце[13] свой сокрыло свет —
Внизу народу нынешних времен
Великая печаль, спасенья нет!

II

Луна и солнце бедствием грозят,
Сойдя с орбиты. С четырех сторон
Во всей стране нигде порядка нет —
Путь к службе лучшим людям прегражден.
Тогда луна утратила свой свет,
Но это — вечный для луны закон...
А ныне солнце свой сокрыло свет!
В чем зло лежит, что ныне скрылся он?

III

И молнии блестят, грохочет гром!
И мира нет, как нет добра кругом.
Вода, вскипев, на берег потекла,
С вершины горной рушилась скала,
Где берег горный — там долины падь,
И там гора, где впадина была.
О горе! Люди нынешних времен,
Из вас никто не исправляет зла!

IV

Был Хуан-фу всей властью облечен,
Фань просвещеньем ведал у царя,
Цзя-бо — правитель, Цзюй ведет дела,
Чжун-юнь на кухне правит чуть заря.

А Чжоу-цзай? Вершит законы он,
Карая и щедротами даря,.
Гуй — конюший. Наложница на трон
Взошла в ту пору[14], красотой горя.

V

Советник царский этот, Хуан-фу,
Не скажет, что не время для работ[15],
Он, на послуги посылая нас,
Просить у нас совета не придет.
И дом оставлен, брошена земля,
В воде и в сорняках у нас поля.
А он в ответ: «Я не чиню обид,
Так долг ваш перед старшими велит!»

VI

О, этот Хуан-фу большой мудрец!
Себе возвел он главный город в Шан,
Трех богачей в советники избрал
И каждого возвел в высокий сан.
Он не оставил старца одного
Хранить царя у нас — приказ им дан
Всем, кто имел повозки и коней,
Идти за ним селиться в город Шан.

VII

И хоть работай не жалея сил,
Сказать не смей, что слаб ты, изнурен.
Хоть нету ни проступка, ни вины,
Но злые рты шипят со всех сторон.
Нет! Разве небо наказанье шлет
Тебе, народ, в страданьях и беде?
Оно — вдали, а злоба — за спиной —
Зависят распри только от людей!

VIII

Со скорбью вспомню мой родимый дом
Великое страданье вижу в нем,
Везде избыток с четырех сторон,
Лишь я живу, печалью удручен.

У всех людей и отдых есть, и смех,
Вздохнуть не смею я, один из всех.
Неравный дан удел от неба нам:
Друзья живут спокойно, я один
Не смею подражать своим друзьям!

ВЕЛИК ТЫ, НЕБА ВЫШНИЙ СВОД

(II, IV, 10)

I

Велик ты, неба вышний свод!
Но ты немилостив и шлешь
И смерть, и глад на наш народ,
Везде в стране чинишь грабеж!
Ты, небо в высях, сеешь страх,
В жестоком гневе мысли нет;
Пусть те, кто злое совершил,
За зло свое несут ответ.
Но кто ни в чем не виноват —
За что они в пучине бед?

II

Преславных Чжоу род угас,
И негде утвердиться им —
Вельможи бросили дома,
Наш горький труд для них незрим.
Не бдят советники царя,
Как прежде, до ночи с утра,
И на приемах нет князей
Весь день у царского двора.
О царь, всему наперекор
Ты зло творишь взамен добра!

III

Мой голос к вышним небесам!
Нет веры истинным словам.
Как путник, царь бредет вперед,
Куда ж придет — не знает сам.

Ужели, доблести мужи,
Лишь за себя бояться вам?
Друг перед другом нет стыда,
И нет почтенья к небесам!

IV

В войне царь не идет назад,
Добром не лечит в мор и глад!
А я, постельничий, с тоски
Все дни недугами объят:
Советов доблести мужи
Царю, как прежде, не дарят;
Что б ни спросил, — «Да, да!» — ответ.
Пред клеветой бегут назад.

V

О горе тем, кто слов лишен;
Не только их бесплодна речь —
Она страданье может влечь!
От тех, кто слова не лишен,
Лишь лесть одна течет рекой,
Суля им счастье и покой.

VI

«Иди служить!» — На службе ложь,
Одни шипы и страх! И вот,
Коль неугодное речешь —
Опалы царской примешь гнет;
Царю угодное речешь —
Друзей негодованье ждет.

VII

Вернитесь же, друзья, назад!
«У нас нет дома! — говорят, —
В тоске мы с кровью слезы льем,
Промолвим слово — горе в нем!»
Когда в чужие страны шли —
Кто шел за вами строить дом?!

V

ОДА О НЕПРАВЫХ СОВЕТНИКАХ

(II, V, 1)

I

Далекое небо простерло внизу, на земле,
Одну лишь немилость, и гнев его грозный жесток!
Советы царю, зарождаясь в неправде и зле, —
Когда остановят они свой губительный ток?
Благие советы бывают — не следуют им,
Охотнее следуют, чаще — советам дурным.
Услышу я эти дурные советы царю —
И вот уж великой печалью и скорбью томим!

II

Вы вместе сойдетесь — злословье одно за спиной...
Не так же ль большую печаль оно сеет вокруг?
А если хороший совет предлагает иной,
Вы все заодно на него тут восстанете вдруг.
Но если дурные советы предложит иной —
Тут все заодно на него опираетесь вы!
Помыслю об этих зловредных советах царю:
К какому концу привести они могут? Увы!

III

Гаданьем ли мы утомили своих черепах?[1] —
Они не вещают нам больше грядущий удел.
Не слишком ли много советников в царском дворце?
И не оттого ли не видим исполненных дел?
У нас предложенья царю переполнили двор,
Но выполнить их безбоязненно кто бы посмел?
Так путник, что только судачит, не смея идти,
Вперед оттого не подвинется вовсе в пути.

IV

И ваших решений предвижу я жалкий конец —
Вы древний народ наш не взяли себе в образец;
Великие истины царь наш не ставит в закон —
Одни пустяковые речи и слушает он.
Одни пустяки, и о них только споры кругом!
Коль домостроитель с прохожими станет рядить —
Навряд ли успеет он вовремя выстроить дом.

V

Хоть в царстве у нас ничего еще твердого нет,
Но мудрые люди нашлись бы, пожалуй, и здесь;
В народе у нас, хоть немного осталось его,
Разумные люди, советоподатели есть,
Достойные видом, способные править умы!..
И точно источник бегущей и чистой воды,
К погибели общей теперь не стремились бы мы.

VI

Никто б не посмел безоружным на тигра идти,
Чрез Желтую реку не стал бы шагать пешеход,
Но люди, что знают об этих простейших вещах,
Не знают сравнений и даже не смотрят вперед.
И страхом страшась, весь дрожу я, предвидя беду!
Как будто, приблизившись к бездне глубокой, стою,
Как будто я первым ступаю по тонкому льду.

ОДА О ВОСПИТАНИИ

(II, V, 2)

I

Пусть птица-певунья собою мала —
Способна до самого неба взлетать...
Какая на сердце мне давит печаль,
Лишь только я предков начну вспоминать!
И я до рассвета уснуть не могу —
Покойные в думах отец мой и мать.

II

Кто ровен и мудр, хоть и выпьет вина,
Себе господин, в нем приятность видна.
А кто неумен да невежда притом,
День за день все больше сидит за вином.
Но каждый да помни о долге своем:
Судьбу утеряв, не воротишь потом!

III

В глубокой долине растут бобы,
Я вижу: народ собирает их.
Не жаль шелкопряду детей своих —
Порою оса похищает их.
Добру научите детей своих —
Подобными вам воспитайте их!

IV

Иль на трясогузку ты бросишь свой взор —
Она и поет, и летит на простор...
Вперед, что ни день, я все дальше иду,
Шаг с каждой луной ускоряй — все не скор!
Пораньше вставай и попозже ложись —
Родившим тебя да не будешь в укор.

V

Вот птица порхает, что в тутах живет, —
Клюет она, с тока таская, зерно...
О, горе вдовицам у нас и больным —
Им, сирым, в темницах страдать суждено.
Лишь с горстью зерна выхожу со двора
Гадать, как идти мне стезею добра.

VI

Будь мягок, почтенья исполнись к другим,
Как птицы, что сели на ветви дерев.
Мы, будто приблизясь к обрыву, стоим —
Будь чуток с другими и сдерживай гнев,
Будь так осторожен, как тот на пруду,
Кто первым проходит по тонкому льду.

ВОРОНЫ ПО ВОЗДУХУ КРЫЛЬЯМИ БЬЮТ[2]

(II, V, 3)

I

Вороны по воздуху крыльями бьют —
Обратно к родным вылетают местам.
У всякого счастье свое и приют,
И только несчастлив и грустен я сам.
Грехи ли мои перед небом тяжки?
В какой перед ним я повинен вине? —
Но только исполнено сердце тоски,
Не знаю, что делать несчастному мне?

II

Большая дорога гладка и ровна,
Но пышной травой вся покрылась она.
И сердце тоскою разбито мое,
Поранено сердце, и горесть сильна,
Она превратила меня в старика,
В постели я только вздыхаю без сна...
О, сердца тоска и глубокая боль!
И как голова тяжела и больна.

III

Посажены были катальпа и тут —
А люди и нежат деревья, и чтут[3].
Я мог на отца лишь с надеждой взирать,
Была мне привычной опорою мать.
Мои волоса не от их ли волос,
Не я ль к материнскому чреву прирос?
О небо! Иль не было лучшего дня,
Чем тот, когда мать породила меня?

IV

На ивах зеленый, блестящий наряд,
И звонкое слышится пенье цикад;
Глубокие воды... Над ними в тиши
Стоят тростники, и густы камыши.

А я точно челн — по течению вод
Скользит он, не зная, куда приплывет!
О сердца тоска и глубокая боль!
И сном мне забыться нельзя от забот.

V

Легко, осторожно ступая ногой,
Свой бег умеряет нарочно олень;
Чтоб самок своих отыскать, поутру
Фазаны призывней кричат что ни день.
А я, точно древо гнилое, стою,
Оно без ветвей увядает одно.
О сердца тоска и глубокая боль!
Узнает ли кто, как страдало оно?

VI

Бегущего зайца мы видим, и то,
Бывает, кто-либо спасает его.
Коль труп незнакомый лежит у пути,
Кто-либо всегда погребает его!
Но черствое сердце теперь у царя,
И мой государь не смягчает его.
О сердца тоска и глубокая боль!
И слезы текут, не смиряя его.

VII

Ты принял легко, государь, клевету,
Как будто заздравную чашу вина;
Меня не любя, на досуге, увы,
Не стал проверять ты, была ли вина.
Срубая, дай дереву крепкий упор,
Вдоль жил направляй, если колешь, топор
Преступных оставил по воле ходить,
Лишь я без вины осужден на позор.

VIII

Что выше бывает, чем гор вышина?
Что глубже идет, чем ключа глубина?
Не будь же так легок в речах, государь, —
Бывает, что уши имеет стена.

Пусть он не подходит к запруде моей,
Мою да не снимет он с рыбами сеть![4]
Тот, кто без вниманья оставил меня, —
В беду попади я — не станет жалеть!

ОДА О КЛЕВЕТНИКАХ

(II, V, 4)

I

Высоко ты, небо, в величье своем;
Отец наш и мать — так мы небо зовем.
Не знаю на нас ни греха, ни вины,
А смуты в стране велики и сильны,
И небо великое в гневе на всех,
Смотрю на себя и не вижу, в чем грех;
А кары великого неба сильны...
Смотрю на себя и не вижу вины.

II

Не с ложью ли смута сплетясь, разрослась,
Когда, государь, допустил ее ты?
И смута еще и еще разрослась,
Когда ты поверил речам клеветы!
Коль гневом ты встретил бы ложь, государь,
То сразу бы смута смирилась без сил;
Коль милостью истину встретил бы царь —
То сразу бы смуте предел положил.

III

Великие клятвы[5] ты часто даешь,
А все разрастаются смута и ложь.
Доверился людям, чье дело — разбой,
И яростней смута встает пред тобой.
Разбойничьи речи для слуха сладки,
А смута и ложь и сильны, и крепки.
Свой долг позабыв и добра не творя,
Готовят советники гибель царя.

IV

Храм предков, гляжу, — величав, величав —
Достойный правитель построил его;
Я вижу порядок великих начал —
Мудрец, заключаю, устроил его.
Стремление зрю в человеке другом —
Обдумав его, разбираю его.
А заяц — он петлями скачет, хитрец.
Собака навстречу, хватает его.

V

Деревья, что стали гибки и мягки,
Сажали для нас благородства мужи.
Услышишь случайных прохожих слова —
В них сердцем отделишь ты правду от лжи.
Великие в мире родятся слова
И прямо исходят из уст без труда,
А речи льстеца точно шэны поют, —
На важном лице не увидишь стыда.

VI

А тот, кто клевещет, — какой человек?
Жил в травах густых он, в излучинах рек;
Нет мужества в нем, нет и силы в руках,
Призванье его — быть лишь к смуте путем,
Опора гнила, как стопы в гнойниках!
Откуда возьмется и мужество в нем?
Хоть тьма у тебя начинаний больших,
Но много ль сторонников будет твоих?

ОДА О ВЕРОЛОМНОМ ДРУГЕ

(II, V, 5)

I

Что ты за человек, не знаю я,
Но замыслы твои опасны. Кто ты?
Приблизился к моей запруде ты,
Но не зашел зачем в мои ворота?
Кто спутник твой — шел следом за тобой?
То Бао, он стоял у поворота.

II

Два человека шли друг другу вслед;
Кто создал мне несчастье так сурово?
Приблизился к моей запруде ты,
Зачем же не вошел утешить словом?
Таким вначале не был ты — теперь
Не счел меня достойным дружбы снова!

III

Что ты за человек, не знаю я.
Зачем ты подошел к дорожке сада?
И голос этот слышал я вблизи,
Но не видал, как ты вошел в ограду.
Не знаешь ты стыда перед людьми,
И страха перед небом знать не надо.

IV

Что ты за человек, не знаю я;
Так буйный вихрь летит, сбиваясь с круга.
Зачем не с севера приходишь ты,
Зачем ко мне ты не приходишь с юга?
Зачем приблизился к запруде ты
И только растревожил сердце друга?

V

Не торопясь, ты едешь, и тогда
Нет времени у нас остановиться;
Стремительно ты мчишься — и тогда
Находишь время смазать колесницу!
Чтоб ты хоть раз один ко мне пришел,
Как жажду я, — но суждено ли сбыться?

VI

Когда вернешься и войдешь ко мне —
Наполнишь сердце радостью такою;
А не войдешь, как будет трудно мне
Понять отказ и справиться с тоскою!
Когда бы ты хоть раз ко мне пришел,
И я б тогда исполнился покоя.

VII

Сюань и флейта в лад поют — сильна
Была в нас дружба с братскою любовью[6],
Жемчужных мы на нитке два зерна!
Коль впрямь меня не знаешь, по условью,
Три жертвы[7] принеси, и поклянись,
И губы омочи священной кровью!

VIII

Коль мертвый дух иль оборотень ты —
Твое лицо для нас непостижимо;
Но виден всем твой лик, твои глаза,
И видишь ты всегда идущих мимо!
Я эту песню добрую сложил,
Чтоб двойственность твоя явилась зримо.

ОДА О КЛЕВЕТНИКАХ
(II, V, 6)

I

Причудливо вьется прекрасный узор —
Ракушками тканная выйдет парча.
Смотрю я на вас, мастера клеветы!
Давно превзошли вы искусство ткача.

II

Созвездие Сита[8] на юге блестит,
Язык растянув, непомерно для глаз.
Смотрю я на вас, мастера клеветы,
Кто главный теперь на совете у вас?

III

Стрекочете вы, там и тут егозя,
Кого б оболгать, только ищете вы.
В словах осторожнее будьте. Увы! —
Уже говорят, что вам верить нельзя.

IV

Двуличный пронырлив — и тут он, и там.
Дать волю он думает лживым словам.
Смотрите же: то, что не примут от вас,
С бедою назад не вернулось бы к вам!

V

Спесивый и гордый доволен и рад,
Трудом изнуренный — печалью объят.
О синее, синее небо вдали,
Взгляни на спесивых и гордых земли,
Трудом изнуренных печаль утоли!

VI

О ты, клеветы зачинатель и лжи,
Кто главный у вас на совете, скажи?
Клевещущих, лгущих хватал бы я сам
И лютым бы тиграм бросал и волкам;
Коль тигры б и волки их жрать не смогли,
На север погнал бы их, к краю земли;
Коль в мрачные север не примет края,
К великому небу их кинул бы я!

VII

Дорожка от сада в ветвях тополей
Приводит к холму, что меж хлебных полей![9]
Лишь евнух я[10], Мэн-цзы, в покоях дворца;
Я эту правдивую песню сложил.
Прошу вас, прослушав ее до конца,
Размыслить о ней, благородства мужи!

О НЕВЕРНОМ ДРУГЕ

(II, V, 7)

С востока веет ветерок,
И дождь к нам прилетает вслед за ним,
Ты страхом был и ужасом томим —
В те дни лишь я с тобою был вдвоем.
Теперь и мир, и радость у тебя,
И брошен я, со мной ты стал другим.

С востока веет ветерок,
И вихри вьются вслед за ним, гляди.
Ты страхом был и ужасом томим,
Но ты меня носил в своей груди.
Теперь и мир, и радость у тебя,
И брошен я... Забвенье впереди.

С востока веет ветерок,
Он дует и на высях горных гряд.
Чтоб не увяла, нет такой травы;
Падут деревья, что теперь стоят.
Ты все мои достоинства забыл,
Свои обиды помнишь — все подряд!

КУВШИНКИ-ЦВЕТЫ

(II, V, 8)

I

Огромны, огромны кувшинки-цветы,
А я не кувшинкой — стал мелким цветком.
О горе вам, горе, отец мой и мать!
Меня вы взрастили с великим трудом.

II

Огромны, огромны кувшинки-цветы,
А я не кувшинка, и жалок мой цвет.
О горе вам, горе, отец мой и мать!
Меня вы взрастили средь горя и бед.

III

Коль нету в застольном кувшине вина —
То винного жбана позор и вина!
Чем сирому и одинокому жить —
Не лучше ль, коль ранняя смерть суждена?
Коль нету отца — где опора моя?
Доверюсь кому, если матери нет?
Вне дома тоску свою всюду несешь,
А дома — в ком помощь найдешь и совет?

IV

Отец мой и мать породили меня,
Заботой своей окружили меня,
Они обласкали, вскормили меня,
Взрастили меня, воспитали меня,
Взлелеяли нежно ребенком меня,
Вне дома и дома носили меня,
Мой долг перед ними, что в сердце возник,
Как небо безмерное, столь же велик!

V

Высокие южные горы мощны,
Порывистый ветер свистит вдалеке.
Все люди, я вижу, счастливы кругом,
Зачем только я, одинокий, в тоске?

VI

Громадами южные горы стоят,
Но ветер меж ними свиреп и жесток.
Все люди, я вижу, счастливы кругом...
Свой долг до конца совершить я не мог!

ОДА О ЗАПУСТЕНИИ В ВОСТОЧНЫХ ЦАРСТВАХ[11]

(II, V, 9)

I

Был полон стол с зерном вареным блюд,
Жужубовый черпак красиво гнут.
Великий путь, как гладкий оселок,
Прямой стрелой стремился на восток.
Им проходили доблести мужи,
Простой народ смотрел на их поток...
Теперь, лишь оглянусь на этот путь, —
Струятся слезы, падая на грудь.

II

В восточных царствах, посмотрю кругом,
Пустуют станы с ткацким челноком,

И в легких туфлях, свитых из пеньки,
Там ходят по земле, покрытой льдом.
Князей потомки нежные теперь
По славному пути идут пешком.
Пройдут они туда, сюда, и вот
Опять страданье сердце мне сожмет.

III

Источника холодная струя
Пусть не найдет пути к тем срубленным
стволам;
Всю ночь без сна вздыхаю горько я:
О горе, горе истомленным нам!
Надежда есть и срубленным стволам,
Что их перевезут куда-нибудь...
О горе, горе истомленным нам!
И мы должны немного отдохнуть.

IV

У нас, восточных жителей, сыны
Живут в труде, не ведая наград;
А жителей на западе сыны
В роскошных платьях, пышен их наряд!
Хоть лодочник отец — его сыны
Себе из шкур медвежьих шубы шьют,
И хоть отец слуга — его сыны
Сидят на важных службах там и тут!

V

Таких, пожалуй, угости вином —
Найдут, что лучше рисовый отвар;
Подвески им на пояс подари —
Не короток ли, скажут, ценный дар.
Горит на небе звездная река
И, видя нас, свой не умерит жар[12].
Ткачихи угол в целый день пройдет
На семь делений весь небесный шар[13].

VI

Хоть семь делений в день она пройдет,
Она в подарок шелка не соткет,

Сверкает ярко в небе Бык в Ярме[14],
Но он повозки нам не повезет.
Звезда зари с востока сходит к нам,
Чан-гэн[15] на запад свой свершает ход.
На небесах изогнутая сеть —
Раскинулось созвездие Тенет[16].

VII

На юге Сито свой бросает свет,
Но в Сите не провеешь ты зерна;
На севере мне виден только Ковш,
Но тем Ковшом не разольешь вина.
На юге Сито свой бросает свет —
Торчит Язык, готовый все пожрать;
На севере мне виден только Ковш —
На запад обращает рукоять!

ОДА О СМУТЕ В СТРАНЕ
(II, V, 10)

I

Четвертой луной начинается лето,
В шестую — все пышущим зноем прогрето.
О предки! Иль вовсе не люди они?
Как терпят потомки страдание это?

II

В осенние дни увядает природа,
Все чаще и чаще стоят холода.
Я болен от скорби, и смут, и разброда.
Куда мне укрыться? Повсюду беда!

III

А в зимние дни холод злее и злее,
Порывистый ветер свистит и свистит.
Все люди кругом, как я вижу, счастливы;
Зачем одинок я и горем убит?

IV

Прекрасные в горных лощинах деревья,
Каштаны и сливы там радуют взоры.
Не знает никто: по чьему прегрешенью
Кругом у нас ныне злодеи и воры!

V

Смотрю на источника этого воды:
Они то прозрачны, то мутны они.
Все дни свои я только горе встречаю;
Смогу ли увидеть счастливые дни?

VI

И Хань, и Янцзы[17] так обильны водою,
И связь и оплот они южной стране.
На службе все силы свои истощаю,
Ужели не знает никто обо мне?

VII

Нет, я не орел и не коршун... Крылами
Взмахнул бы я, к небу направив полет!
Нет, я не осетр и не малая стерлядь,
Сокрылся б я в бездну глубокую вод!

VIII

В горах этих папоротник вырастает,
В низинах там заросли ив и ракит.
Я, муж благородный, сложил эту песню,
Чтоб всем вам поведать, как сердце болит.

VI

ОДА О НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ
(II, VI, 1)

I

Когда поднялись мы на северный этот хребет,
Мы ив собирали побеги, пройдя через склон.
Мы слуги царя, и любой и могуч, и силен,
И каждый с утра и до вечера службу несет.
Мы знаем: нельзя быть небрежным на службе царю,
Но я об отце и о матери скорбью горю.

II

Широко кругом простирается небо вдали,
Но нету под небом ни пяди нецарской земли.
На всем берегу, что кругом омывает моря,
Повсюду на этой земле только слуги царя!
Совсем справедливости нету у царских вельмож
Иль верною службой я только, увы, и хорош?

III

И скачут, и скачут в четверке моей скакуны —
Справлять бесконечно мы царскую службу должны.
И все в восхищенье, что я не дряхлею пока,
Что мышцы на редкость тверды, не слабеет рука.
Поскольку я крепок и спину прямою держу,
В далеких пределах страны я порядок ввожу.

IV

Одни, отдыхая, живут, веселясь на пирах,
Другие же служат стране, изнывая в трудах.
Одни отдыхают, в постелях своих развалясь,
Другие в пути бесконечном и в холод и в грязь.

V

Одни не услышат и крика в покое своем,
Другие в тревоге и заняты тяжким трудом.
Как птицы на ветках, ленивы одни, посмотрю,
Другие утратили облик на службе царю.

VI

Предавшись утехам, вино попивают одни,
Другие в тревоге — упрека боятся они.
Одни в пересудах вне дома и дома — везде,
А всякое дело другие свершают в труде.

НЕ ДУМАЙ О ПЕЧАЛЯХ

(II, VI, 2)

Большую телегу вперед не пускай —
Сам будешь в пыли и песке.
Не думай о многих печалях своих —
Лишь сам изведешься в тоске.

Большую телегу вперед не пускай —
В пыли затуманится свет.
Не думай о многих печалях своих —
В смятении выхода нет.

Большую телегу вперед не пускай —
Покроешься пылью — взгляни!
Не думай о многих печалях своих —
От дум тяжелее они!

ЕЩЕ ОДНА ОДА О ДАЛЬНЕМ ПОХОДЕ

(II, VI, 3)

I

Исполнены светом вверху небеса,
Что смотрят на землю, сияя вдали!
Я с войском походом на запад иду
До дальних пустынь этой цюской земли.

С тех пор как вторая луна началась,
То в холоде я, то в жаре и в пыли,
И в сердце моем безысходная боль —
То ядом горчайшим его обожгли.
Лишь вспомню о тех, кто остался служить,
И слезы мои упадают дождем.
Ужели вернуться домой не хочу?
Боюсь, что немилости сеть навлечем.

II

Когда уходили мы в этот поход,
Сменились и солнце тогда, и луна[1];
Не знаю, когда мы вернемся домой, —
Год пройден, приходят к концу времена.
Подумаю, как я теперь одинок,
Как тяжесть забот велика и сильна,
И в сердце моем безысходная боль,
Ни отдыха нет, ни покоя, ни сна
Лишь вспомню о тех, кто остался служить,
И думой о них моя грудь стеснена.
Ужели вернуться домой не хочу?
Упрека боюсь, и немилость страшна.

III

Когда уходили мы в этот поход,
Дни делались теплыми с новой луной.
Не знаю, когда мы вернемся домой.
Теснят нас дела управленья страной.
Год пройден, подходят к концу времена:
Кувшинки сбирают, снимают бобы...
И в сердце моем безысходная боль —
Сам вызвал я эти невзгоды судьбы.
Лишь вспомню о тех, кто остался служить,
Встаю, покидаю ночлег — не уснуть.
Ужели вернуться домой не хочу?
Пред гибелью страхом сжимается грудь.

IV

Послушайте, вы, благородства мужи,
Не вечно бы жить на покое и вам!

Свершайте же мирно на службе свой долг,
На тех опирайтесь, кто честен и прям.
И светлые духи, услышав о том,
Одарят вас счастьем, одарят добром.

V

Послушайте, вы, благородства мужи,
Не вечно и вам отдыхать без забот!
Свершайте же мирно на службе свой долг,
Пусть честный в любви с благородным живет!
И светлые духи, услышав о том,
Исполнят вас благ и великих щедрот.

РАЗЛИВ РЕКИ ХУАЙ
(II, VI, 4)

То колокол громко звонит у реки,
И воды Хуай высоки, высоки.
И сердце поранено болью тоски:
Я полных достоинства наших царей
Забыть не могу, хоть они далеки.

Гудит и гудит этот колокол там,
К высоким Хуай поднялась берегам.
И сердце тоскует, и горесть сильна:
Я помню достоинства прежних царей,
Их светлая доблесть была без пятна.

Звучит барабан там, и колокол бьет,
Три острова вышли из схлынувших вод.
И сердцу покоя тоска не дает:
Я помню достоинства прежних царей —
Им доблестью равных не видит народ.

И колокол бьет, барабаны звучат,
И цитра и гусли настроены в лад,
А шэны и цины, сливаясь, звенят,
Великие оды и песни поют,
И танцы под флейту так радуют взгляд!

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПРЕДКАМ
(II, VI, 5)

I

Густые, густые терновники скрыли поля;
От терний колючих очищена эта земля.
Издревле трудились зачем над прополкой земли?
Чтоб просо мое и ячмень в изобилье росли!
И просо мое все пышней и пышней что ни день.
Прекрасный, прекрасный на пашне густеет ячмень.
И хлеб мой в амбарах, и хлеба в амбарах полно,
В бесчисленных кучах на поле осталось зерно.
Довольно зерна для еды и питья соберу
И жертвою предков почту на обильном пиру.
Да их заместитель[2], покоясь, отведает блюд,
Да счастьем великим меня наградит он за труд.

II

С почтеньем, с почтеньем достойным иду наконец
Для жертвы чистейших избрать и быков, и овец[3].
Я жертвы и в осень и в зиму вершу что ни год.
Кто шкуры сдирает, кто варит, а кто подает,
Кто мясо раскладывает, кто подносит скорей,
Стоит прорицатель, чтоб духов встречать у дверей[4].
И жертва готова, и блеском наполнен мой храм,
И званые предки явились в величии к нам!
И духохранитель[5] поел, исполняя обряд,
И я, из потомков почтительный, счастлив и рад.
И счастьем великим меня награждают за труд,
На тысячи лет долголетьем безмерным дарят.

III

С почтеньем очаг возжигают — достойно хвалы,
И с жертвенным мясом готовят большие столы.
И жарят, кто мясо, кто печень, тогда на огне,
В смирении строгом присутствовать — старшей жене;
И много сосудов расставила ныне она.
Я званым гостям наливаю в их чары вина;
Ответные чары скрестились с различных сторон,
И весь мы исполним обряд, как предпишет закон.

Улыбки и наша беседа пристойны вполне.
И духохранитель является ныне ко мне.
И счастьем великим меня награждают за труд,
На тысячи лет долголетием мне воздадут!

IV

В служенье я силы свои истощил; говорят,
Что без упущений исполнен великий обряд.
Придет прорицатель искусный, и скажет мне он:
«Потомок сыновнепочтительный, ты награжден.
Душисты сыновние жертвы во храме твоем,
И духи довольны весьма и едой и питьем.
И сотнями благ, возвещают, тебе воздадим,
И в срок надлежащий, по правилам строгим твоим.
И в жертву ты ныне и просо принес, и зерно,
И в должном порядке разложено было оно.
За это ты примешь немало великих наград
И благ мириады — десятки таких мириад!»

V

Закончено все — и великий, и малый обряд,
И в колокол бьют, наконец, барабаны звучат.
Потомок сыновнепочтительный занял престол.
И вновь прорицатель искусный к нему подошел,
Вещает, что духи упились довольно... И вот
В величье своем замещающий духов встает.
И бьют барабаны и колокол духам вослед —
Ушел заместитель, и духи уходят, их нет.
И слуги приходят и старшая с ними жена,
И без промедленья остатки уносит она.
И дяди одни остаются и братья со мной,
И только для родичей пир приготовлен иной.

VI

Вот входят в покой музыканты, я слышу игру —
Тогда насладись величанием здесь на пиру.
И подали яства твои, и расставили в ряд,
Здесь нет недовольных, здесь каждый и счастлив,
и рад:

Он вдоволь напился, и яством насытился он.
И малый и старый встают, отдавая поклон:
«Все духи довольны весьма и едой и питьем.
Тебе, государь, долголетие в доме твоем!
Ты жертвы принес по порядку за все времена,
Сыновний свой долг, как и надо, свершил ты сполна.
Сыны за сынами, за внуками внуки подряд
Твои приношенья своими надолго продлят».

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПРЕДКАМ
(II, VI, 6)

I

Древле, воистину, в этих вот южных горах
Юй[6] управлял, проявляя заботы о них,
Вспаханы были низины и выси кругом.
Правнук — веду полевые работы на них.
Мною размерена вся на участки земля,
И на восток, и на юг протянулись поля.

II

Вышнее небо тучей закрылось одной —
Хлопьями, хлопьями падает снег над страной.
Дождиком мелким нам влаги прибавит весна —
И плодородна повсюду земля, и влажна;
Влагой напитана ныне довольно она —
Много она в этот год народит мне зерна.

III

В добром порядке участки мои; что ни день —
Просо тучнеет на пашне, тучнеет ячмень.
Правнук — с полей соберу я немало зерна,
Яств наготовлю, сварю молодого вина,
Предкам моим и гостям приготовлю обед —
Мне долголетье на тысячи, тысячи лет!

IV

Хижины там посредине меж пашен и нив;
Тыквы растут на участках везде по межам —

Их положу я в рассол, на куски изрубив,
Предкам державным соленые тыквы подам.
Правнук — да буду тогда долголетен я сам,
Счастьем угодно меня наградить небесам.

V

Чистого сделаю для возлиянья вина,
Рыжего выберу после быка без пятна,
Предкам свой жертвенный дар приготовив сполна.
Нож с колокольчиком жертвенный — этим ножом
Шерсти клочок от ушей у быка отстрижем[7],
Жертву зарезав, кровь с салом его соберем.

VI

В дар приношу эти чистые жертвы одни,
Слышен повсюду густой их, густой аромат.
Блеска исполнен обряд мой и храм мой, взгляни!
Предки явились, величия полны они —
Счастьем великим в награду меня одарят,
Тысячи лет ниспошлют, бесконечные дни.

ШИРОКОЕ ПОЛЕ

(II, VI, 7)

I

Вижу широкое поле, здесь с каждого му
Жатву стократную в этом году я сниму.
С прошлого года оставшийся хлеб мой я сам,
Чтоб накормить их, моих земледельцев, отдам.
С древних времен урожай у нас в каждом году;
Вот и теперь я на южные пашни иду.
Полет один, тот земли присыпает к корням,
Просо мое и ячмень тучным-тучные там.
Место, где больше удобства и больше земли,
Самым способнейшим людям теперь отвели.

II

В жертву чистейшего сам отберу я зерна,
Выбран уже одномастный баран без пятна —

Духов земли и сторон четырех[8] уважай!
Если на поле, бывало, хорош урожай —
Счастье моих земледельцев являлося тут.
Бьют в барабаны, и гусли, и цитры поют —
Встречу готовлю я предку и нив и полей[9],
Сладостный дождь, умоляю, на землю пролей,
Чтобы ячмень уродился и просо под стать,
Чтоб земледельцев и жен их зерном напитать!

III

Правнук, пришел посмотреть я на землю отцов,
Вижу я жен, выходящих в поля, и юнцов —
С пищей на южные пашни скорее спешат...
Вот и надсмотрщик полей — подошел он и рад.
Справа и слева беру принесенный обед,
Пробую пищу: вкусна ли она или нет?
Хлеб мой возделан прекрасно вдоль каждого му —
Добрую жатву, обильную жатву сниму.
Не в чем людей упрекнуть мне, нет гнева на них.
Трудятся люди проворно на нивах моих.

IV

Вижу, колосья, как в крыше солома, часты;
Точно ярмо, изогнулись они с высоты.
Кучи зерна, что на поле оставили мы,
Как острова на реке или в поле холмы.
Тысяча, верно, не меньше, амбаров нужна,
Тысяч десяток телег для отвозки зерна!
Если и просо, и сорго, и рис возрастут —
Счастье моих земледельцев проявлено тут.
Благо, наградою будь земледельцам моим,
Тысячи лет долголетья безмерного им!

БОЛЬШОЕ ПОЛЕ

(II, VI, 8)

I

Много нам сеять на поле — большое оно.
Мы приготовили все — отобрали зерно.

Все приготовили мы, за работу пора;
Каждая наша соха, как и надо, остра.
С южных полей начинаем мы землю пахать,
Всяких хлебов мы довольно посеять должны.
Княжеский правнук доволен, что всходы пышны,
Прямо они поднялись, высоки и сильны.

II

Вот уж и колос встает, наливает зерно,
Вот и окрепло, и стало добротным оно.
Травы и плевелы время выпалывать нам
И уничтожить грызущих ростки червяков,
Корни, коленца и листья грызущих жуков,
Чтоб не вредили в полях восходящим хлебам.
Предок полей, собери их, не медля ни дня,
Духом могучий, их ввергни в пучину огня![10]

III

Туча возникла, все гуще и все тяжелей.
Дождь наплывающий, каплю за каплей пролей!
Общее поле[11] сначала дождем ороси,
После коснись ты и наших отдельных полей!
Вот молодые колосья не срезаны там,
Связку вот эту оставим на поле смелей;
Горсть оставляем иную на поле зерна,
Эти колосья не тронем, совсем не сожнем.
Вдовым на пользу оставлено — вдов пожалей!

IV

Правнук, пришел посмотреть он на землю отцов,
Видит он жен, выходящих в поля, и юнцов —
С пищей на южные пашни скорее спешат.
Вот и надсмотрщик полей — подошел он и рад.
Духам сторон четырех мы усердно моления шлем,
Рыжего в жертву быка да и черного также избрав,
С собранным просом моим и также с моим ячменем
В дар вам, о духи, мы жертвы свои принесем.
Счастье великое, правнук, на доме твоем!

ВСТРЕЧА ЦАРЯ, ВЫСТУПАЮЩЕГО В ПОХОД

(II, VI, 9)

На Ло[12] поглядите, как воды реки
Разлились широко и как глубоки...
Не так ли является нам государь?
Как травы, в нем счастье и благо сплелись.
Его наколенники красным горят,
Когда он выводит шесть ратей солдат.

На Ло поглядите, как воды реки
Разлились широко и как глубоки...
Не так ли является нам государь?
Нефриты блестят, и горит самоцвет
На ножнах меча. Так да здравствует царь
И дом сохранит свой на тысячи лет!

На Ло поглядите, как воды реки
Разлились широко и как глубоки...
Не так ли является нам государь?
И полное счастье и благо при нем.
Да здравствует царь наш, на тысячи лет
Он царство свое сохранит и свой дом!

ПРЕКРАСНЫ, ПРЕКРАСНЫ ЦВЕТЫ

(II, VI, 10)

Прекрасны, прекрасны, я вижу, цветы,
И пышно листва их растет...
Я ныне на этого мужа смотрю —
И в сердце покой настает,
И в сердце покой у меня настает.
Хвала тебе, мир и почет!

Прекрасны, прекрасны, я вижу, цветы,
Собой они темно-желты...
Я ныне на этого мужа смотрю —
И тонкой он полн красоты!
Исполнен он тонкой такой красоты.
И радости будут полны и чисты!

Прекрасны, прекрасны, я вижу, цветы,
То желтый, то белый видны.
Я ныне на этого мужа смотрю,
В четверке все кони черны.
Он сам в колеснице, все кони черны,
И вожжи блестят у коней вдоль спины.

Коль слева поставишь такого у нас —
Он места достоин как раз;
Коль справа такому мы место найдем —
Достоинства многие в нем[13].
Достоинства признаки вижу я в нем,
Внутри и снаружи на нем.

VII

ЦАРЬ ПРИВЕТСТВУЕТ СВОИХ ГОСТЕЙ

(II, VII, 1)

То птицы порхают на тутах, взгляни:
Сверкает их перьев прекрасный узор.
Мужи благородства мне радуют взор,
И милости неба да примут они!

То птицы порхают на тутах, взгляни:
Сверкают их шеи узором. И вот
Мужи благородства мне радуют взор,
Они — государства надежный оплот.

Вы — царства оплот, вы — опора и щит!
Пример государям с вас брать надлежит!
Не вы ль бережливы, не любите ль труд,
Не вам ли обильное счастье пошлют?

Кривые рога носорожьи возьмем,
Наполним их сладким и вкусным вином,
Без гордости друг перед другом мы пьем.
Пусть многие блага наполнят ваш дом!

ОДА ЦАРЮ

(II, VII, 2)

Селезень с уткою вместе летит —
Дайте сетей и тенет!
Тысячи лет да живет государь,
В радости тысячи лет!

Селезень с уткой на гати сидит,
Левым касаясь крылом.
Тысячи лет да живет государь,
Вечное счастье при нем!

Конь ездовой на конюшне стоит —
С сечкой зерна зададим!
Тысячи лет да живет государь,
Счастье до старости с ним!

Конь ездовой на конюшне стоит —
Резкой корми и зерном.
Тысячи лет да живет государь,
Счастлив и ночью и днем!

ПИР У СТАРШЕГО В РОДЕ
(II, VII, 3)

I

Люди, что в кожаных шапках теперь у тебя,
Что это, слушай, за люди, не скажешь ли нам?
Вкусное ныне ты им приготовил вино,
Яства прекрасны твои, что поставил гостям.
Люди какие пришли из чужой стороны?
Братья пришли, не чужие, приюта ища;
Так и ползучий вьюнок и лианы плюща
Вьются, цепляясь вкруг туи и крепкой сосны.
Доблести муж, если долго не видим тебя,
Сердце болит и сожмется, сожмется тоской;
Только лишь доблести мужа увидели мы —
Вот уж и радость у нас, и на сердце покой.

II

Люди, что в кожаных шапках теперь у тебя,
Что это все же за люди, скорее скажи!
Вкусное ныне ты им приготовил вино,
Яства прекрасны, по времени года, свежи!
Разве чужие пришли из чужой стороны?
Нет, это братья все вместе явились в твой дом;
Так и ползучий вьюнок и лианы плюща
Вьются вкруг крепкой сосны, прижимаясь листком.

Доблести муж, если долго не видим тебя,
Сердце у нас заболит, заболит от тоски;
Только лишь доблести мужа увидели мы,
Вот уж и радость! Печали от нас далеки.

III

Люди, что в кожаных шапках теперь у тебя,
Верно, с покрытой главою пришли они в дом?
Вкусное ныне ты им приготовил вино,
Яства обильны и высятся целым холмом.
Что же за люди пришли из чужой стороны?
Братья пришли и сестер твоих старших сыны!
Это подобно тому — если сыплется снег,
Прежде твердеет вода и становится льдом.
Смерть и погибель не знают особого дня —
Нам уж недолго сбираться для встречи в твой дом!
Будем же в нынешний вечер мы радостно пить,
Доблести муж, мы пируем — так чары нальем!

РАДОСТЬ НОВОБРАЧНОГО
(II, VII, 4)

I

Скрепы забиты в ось колесницы моей —
В думах о деве прекрасной я еду за ней.
Голод и жажду презрев, еду встретиться с той,
Что добродетелью славится и красотой.
Хоть мы и доброго друга себе не найдем,
Радостный пир мы устроим с тобою вдвоем.

II

Лес на равнине так высится пышен и густ!
Только фазаны сбираются день ото дня.
В день надлежащий ты, славная дева, пришла,
Редких достоинств полна, ты научишь меня.
Пир учинив, веселюсь, восхваляю тебя,
Буду любить тебя и — не устану, любя.

III

Хоть не имею прекрасного ныне вина,
Все же ты выпьешь со мною — надеюсь на то.

Хоть не имею отменнейших яств для тебя,
Все же ты пищу разделишь — надеюсь на то.
Хоть не имею достоинств я, равных твоим,
Вместе и спеть и сплясать нам придется двоим.

IV

Вот поднимаюсь на этот высокий хребет,
Ветви рублю я у дуба, вверху он растет.
Ветви рублю я у дуба, вверху он растет;
Листья, я вижу, на ветках у дуба пышны.
Счастье редчайшее — вижу тебя с вышины —
В сердце спокойная радость при виде жены.

V

Горы высокие разом окинул мой глаз,
Путь я прошел бы великий, к супруге стремясь.
Неутомимы четыре мои скакуна,
Вожжи — как струны на цитре, взял шесть их
рукой,
Вижу тебя, новобрачная ныне жена, —
Радостью сердце полно и на сердце покой!

СИНЯЯ МУХА

(II, VII, 5)

Синяя муха жужжит и жужжит,
Села она на плетень.
Знай, о любезнейший наш государь,
Лжет клеветник что ни день.

Синяя муха жужжит и жужжит,
Вот на колючках она.
Всякий предел клеветник потерял —
В розни и смуте страна.

Синяя муха жужжит и жужжит,
Там, где орех у плетня.
Всякий предел клеветник потерял —
Ссорит с тобою меня.

О ВИНЕ

(II, VII, 6)

I

Званые гости к циновкам подходят сперва,
Справа и слева по чину расселись едва,
Вот и блюда, и сосуды расставлены в ряд,
Тут и плоды, тут и яства в порядке стоят.
Мягкое вкусом, отменное ставят вино;
Выпили гости по чарочке все заодно.
Вот барабаны и колокол ставят потом.
Чара заздравная поднята, ходит кругом.
Вот и большую мишень натянули, и вдруг
Стрелы готовы, и каждый натягивал лук.
Парами равные силой сошлися стрелки:
«Сударь, теперь вы покажете меткость руки!» —
«Эту мишень я стрелою пронижу насквозь,
Чтоб в наказание чару вам выпить пришлось!»[1]

II

Флейты звучат, барабаны и шэн... Плясуны
Полны гармонии — музыки звуки слышны.
Жертвы приятны прославленным предкам твоим —
Ты по обрядам свершил приношения им.
Много обрядов. Они — что деревья в лесу.
Их исполняя, постигнешь и всю их красу.
Пусть же веселье и радость наполнят чертог —
Каждый из вас совершил по обрядам что мог.
Руки у гостя пустые — не стало вина.
Входит слуга, и опять его чара полна.
Снова заздравные чары у всех налиты...
В сроки всегда выполняешь обычаи ты.

III

Званые гости к циновке подходят сперва,
Каждый почтителен, тонок и щедр на слова.
В каждом, пока он еще не напился вина,
Важность осанки, как это и должно, видна.
Ну, а когда уже гости напьются вина,
Важность осанки в расстройстве и речь их бедна!

Место покинет, шатается там он и здесь,
Спляшет он несколько раз и кривляется весь.
Каждый, пока он еще не напился вина,
Важность осанки хранит — и достойна она.
Ну, а уж если напился он вдоволь вина —
Важность осанки совсем он теряет спьяна.
Тот, говорю, кто без меры упьется вином,
Тот и с порядком приличий совсем не знаком!

IV

Если уж гости напилися пьяными, тут
Спьяна без толку они и кричат, и орут.
Спутает пьяный сосуды мои без труда,
Спляшет не раз он, шатаясь туда и сюда.
Тот, кто напьется вина, говорю я, таков,
Что за собой никогда не заметит грехов.
Шапку свою набекрень нахлобучит он вкось,
Пляшет подолгу, кривляется как ни пришлось.
Если напился да сразу оставил твой дом —
Счастье тогда и ему, и хозяину в том.
Если ж напился да дом не оставит никак —
Он своему и чужому достоинству враг.
Выпить вина — что ж, обычай сей очень хорош,
Если притом и осанку и честь сбережешь.

V

Так и везде, где бывает, что выпьют вина,
Трезвый один, но упился другой допьяна.
В месте таком обязательно ставится страж,
Стражу в помощники ты наблюдателя дашь.
Пьяный бывает таким нехорошим на вид;
Трезвый, напротив, — он пьяного часто стыдит.
Только вот пьяному — скажешь ли слово по нем?
Можешь ли буйство его успокоить стыдом?
Надо от слова дурного его остеречь,
Пусть не ведет он о том, что не следует, речь.
Если ты пьяный болтать без умолку готов —
Выйдет, пожалуй, козел у тебя без рогов!
Если с трех чарок ты память сумел потерять,
Смеешь ли ты напиваться опять и опять?

ПРИВЕТСТВИЕ ЦАРЮ В СТОЛИЦЕ
(II, VII, 7)

Рыба живет между порослей водных и трав,
И голова ее стала большою давно.
Царь наш в столице, столицею Хао избрав,
Здесь и счастливый, и радостный пьет он вино.

Рыба живет между порослей водных и трав,
В травах и хвост ее сделался длинный такой.
Царь наш в столице, столицею Хао избрав,
Пьет он счастливый вино и вкушает покой.

Рыба живет между порослей водных и трав.
Там защищают ту рыбу кругом камыши.
Царь наш в столице, столицею Хао избрав,
В месте покойном живет он, в глубокой тиши.

ВСТРЕЧА КНЯЗЯ С ЦАРЕМ
(II, VII, 8)

I

Сбираем бобы мы, сбираем бобы —
В корзинки и сита их надо сложить.
Пришли ко двору благородства мужи —
Не знаю: чем лучше мне их одарить?
Хоть нечем мне этих мужей одарить —
Дарю колесницы, упряжки коней...
Еще чем, не знаю, мне их одарить?
Одеждой узорной с драконом на ней[2].

II

Ручей вытекает струей из земли,
В ручье мы душистые травы нашли.
Мужи благородства спешат ко двору —
Знамена с драконами видны вдали.
Знамена полощутся их на ветру,
И звоном звенит колокольчик сильней,
И тройки пришли, и четверки коней —
Мужи благородства спешат ко двору.

III

Горят наколенники красные их,
И стянуты икры в повязках косых —
Небрежности нет на приемах моих.
Сын неба, да буду я милостив к вам,
Я радуюсь вам, благородства мужи.
Сын неба, велю возвеличить я вас,
Я радуюсь вам, благородства мужи,
Кормленье[3] велю увеличить для вас.

IV

Вы лишь поглядите на ветви дубов,
Как листья на них и пышны, и густы!
Я радуюсь вам, благородства мужи,
Вы — Сына небес государству щиты.
Я радуюсь вам, благородства мужи,
В вас тысячи благ воедино слиты.
И люди, что следом за вами пришли,
Вполне безупречны — и очень просты.

V

Колеблется в зыбях из тополя челн,
Его закрепляет на месте канат.
Я радуюсь вам, благородства мужи,
Сын неба ценить по достоинству рад.
Я радуюсь вам, благородства мужи,
И жалую много щедрот и наград.
О, как вы охотно из вашей земли
С готовностью в нашу столицу пришли!

ПОУЧЕНИЕ ЦАРЮ
(II, VII, 9)

I

Ладно сработанный лук, вделанный в рог на концах,
Если отпустишь — концы врозь разойдутся легко!
С братьями дружно живи, со всею по женам родней.
Лучше ты с ними, о царь, не расходись далеко.

II

Будешь далек от родни, в ней не почуешь оплот,
Станет чураться тебя собственный твой же народ.
Ты наставляешь народ, ты образец и закон —
Знай же: как ты поступил, так же поступит и он.

III

Если и тот и другой братья друг к другу добры,
Великодушия в них хватит с избытком на всех.
Если и тот и другой между собой недобры,
Будут друг другу они точно болезнь или грех.

IV

Нет и в народе добра, если — так кажется мне —
Тянут и тот и другой каждый к своей стороне!
Чин получает иной, только в нем скромности нет,
Смотришь: и чин утерял сам, по своей же вине.

V

Старый коняга не прочь стать молодым жеребцом,
Впрочем, последствий сего этот одер и не ждет!
Всякий, кто ест без конца, должен насытить живот;
Чарку за чаркою пьешь? — слишком упьешься винцом!

VI

Ты обезьян не учи лазать на ветви дерев!
К грязи ли грязь прибавлять, чувство стыда одолев?
Если пойдешь, государь, сам ты стезею добра,
Люди с тобою пойдут, сгинут и злоба, и гнев.

VII

Падает хлопьями снег, густ и обилен кругом,
Тает, однако, и снег с солнечным первым лучом.
Царь не желает лжецов ни прижать, ни изгнать —
Злобная гордость растет, с каждым сгущается днем.

VIII

Падает хлопьями снег, как он обилен, смотри!
С солнечным первым лучом все же растаял давно...
Стали как варвары мы, стали мы как дикари!
Сердце мое оттого скорбью великой полно.

ТАМ ИВА

(II, VII, 10)

Там ива, я вижу, пышна и густа,
Не сладко ль под ней отдохнуть по пути?
Верховный владыка наш грозен весьма —
Я сам не хочу к нему больше идти.
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб тяготы после нести и нести?[4]

Там ива, я вижу, пышна и густа,
Не сладко ль под ней отдохнуть без забот?
Верховный владыка наш грозен весьма —
Ужели кто сам себе вред принесет?
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб после принять еще больше тягот?

Бывает, что птицы высоко летят,
Но выше небес им лететь не дано.
А сердце людское желаний полно —
Где ставит пределы желаньям оно?
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб вызвать несчастье и горе одно?

VIII

ОДА О ЗАПУСТЕНИИ В СТОЛИЦЕ ХАО
(II, VIII, 1)

I

Были служивые люди в столице тогда:
Шубы из лис понаденут, их шубы желты,
Вид благородный, ему не изменят они,
Красочна речь и тонка, как в узоре цветы.
О, если б снова в столицу вернулись они —
Тысяч и тысяч народа сбылись бы мечты!

II

Были служивые люди в столице тогда:
Шапки наденут — все черная ткань да камыш!
Жены домов благородных идут ли куда —
Как их прически пышны и красивы, глядишь!
Я их теперь не увижу... Ты, сердце мое,
Радости больше не знаешь и только болишь.

III

Были служивые люди в столице тогда:
Из самоцветов носили закладки в ушах...
Жены домов благородных идут ли куда,
Инь, говорят, или Цзи[1] эта — так хороша!
Их я теперь не увижу, и сердце мое
Связано горькою скорбью, тоскует душа...

IV

Были служивые люди в столице тогда:
Ходит, и виснут концы на его пояске.

Жены домов благородных идут ли куда —
Локон лежит скорпионом на каждом виске!
Их я теперь не увижу, и сердце мое
Ноет. За ними бы вслед устремился в тоске!

V

Это не то, чтоб концы опускали они, —
Ткани избыток имели у них пояса!
Это не то, чтоб себя завивали они, —
Сами собой у красавиц вились волоса!
Их я теперь не увижу, и сердце мое
Ноет. Тебя повидать бы, былая краса!

В ОЖИДАНИИ МУЖА

(II, VIII, 2)

Целое утро рвала я, рвала тростники,
Но не наполнила ими и обе руки.
Волосы все растрепались и вкось развились;
Я возвращаюсь, омою их — будут мягки.

Целое утро рвала я индиго одна —
Даже подола собрать не сумела сполна.
Он мне сказал, что в разлуке мы будем пять дней,
Вот и шестой! Я не вижу его и грустна.

Если, супруг, на охоту захочется вам,
Все приготовив, в чехол уложу я ваш лук;
Если с удою пойдете вы рыбу ловить,
Нить для уды заплету я вам, милый супруг!

Рыбы какой наловил мой супруг на уду?
Он наловил и лещей, говорят, и линей;
Он наловил и лещей, говорят, и линей,
Я поскорей поглядеть его рыбу иду!

ОДА О ПОСТРОЙКЕ ГОРОДА В СЕ[2]

(II, VIII, 3)

Пышные, пышные проса поднялись ростки —
Вспоены долгим они моросящим дождем.

Шаоский князь ободряет всех нас на пути,
К югу, далеко, далеко походом идем.

Тяжести носит и возит телеги солдат,
Нам выводить и быков, и повозки велят.
Только тогда лишь, когда мы закончим поход,
Нам и прикажут, чтоб мы возвращались назад.

Едут в повозках солдаты, проходят пешком,
Службу свою мы в отрядах и ратях[3] несем.
Только тогда лишь, когда мы закончим поход,
Воина также на отдых отпустят в свой дом.

Строго прямые постройки красуются в Се,
Шаоский князь завершил начертания все.
Шаоский князь завершает творением рать —
Вот и идет она в грозной суровой красе!

Ровны низины теперь и высоты, и вот
Мы расчищаем с истоков течения вод.
Город постройкою шаоский князь завершил —
В сердце царя и довольство, и мир настает!

ТУТ

(II, VIII, 4)

Тут меж холмами редкой стоит красоты,
Листья на туте, я вижу, пышны и густы.
Муж благородный, лишь только увижу тебя —
Радость какая на сердце, что встретился ты!

Тут меж холмами редкой стоит красоты,
Свежие листья, я вижу, сверкают на нем.
Муж благородный, лишь только увижу тебя —
Как не почувствовать радости в сердце моем?

Тут меж холмами редкой стоит красоты,
Листья темнеют зеленые день ото дня,
Муж благородный, лишь только увижу тебя,
Сладость достоинств твоих проникает в меня.

Сердце исполнено нежной любовью к нему.
Но не скажу ему этого я — почему?
Буду хранить и беречь его в сердце моем!
Будет ли время, когда я забуду о нем?

ЖАЛОБЫ ОТВЕРГНУТОЙ ЖЕНЫ

(II, VIII, 5)

I

Годный для пряжи беленький этот цветок
С белой осокою свяжут в единую нить.
Стал мне супруг мой ныне и чужд, и далек,
Бросил, заставив меня одинокою жить.

II

Белая тучка сияет в сиянии дня,
Равно цветок напоит и осоку она.
Он, мой супруг, не такой — он не любит меня;
Трудные ныне пришли для меня времена.

III

Воды на север текут из проточных прудов,
Рис на полях оросит животворный поток.
Горько вздыхая, с болью на сердце пою:
В мыслях моих человек, что чрезмерно высок.

IV

Тутовых дров, что годятся в очаг, собрала —
Я их в жаровне сожгла, проливающей свет[4].
Ты и высок, но к жене уважения нет!
Много ты делаешь сердцу и горя, и зла.

V

Бьют барабаны и в колокол здесь, во дворце,
Слышны, однако, снаружи удары и звон.
Я о супруге своем вспоминаю с тоской,
Но на супругу взирает с презрением он.

VI

Наглая цапля на нашу запруду вошла,
Скромный в дубраве журавль все страдает от бед[5].
Ты и высок, но к жене уважения нет —
Много ты делаешь сердцу и горя, и зла!

VII

Селезень с уткой сидят на запруде у нас,
Левым крылом прижимаясь друг к другу, смотри!
Нет, о супруг мой, добра, как я вижу, у вас —
Чувство два раза меняете вы, даже три!

VIII

Низок тот камень, что он избирает для ног;
Низок и тот, кто поднялся на камень такой!
Стал мне супруг мой отныне и чужд, и далек,
Сделал больною меня он, измучив тоской!

ПЕСНЯ О ВОИНЕ, ИЗНЕМОГШЕМ В ПОХОДЕ

(II, VIII, 6)

Желтая иволга песню поет,
Села она у излучины скал:
«Путь нам далекий, далекий лежит, —
Как поступить мне — я слаб и устал?»
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его!
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?

Желтая иволга песню поет,
Села у края холма на логу:
«Смею ль бояться походных трудов?
Страшно, что быстро идти не смогу».
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его!
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?

Желтая иволга песню поет,
Села внизу у холма на пути:
«Смею ль бояться походных трудов?
Страшно, что мне до конца не дойти»»
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его.
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?

СКРОМНЫЙ ПИР

(II, VIII, 7)

Вижу, трепещут, трепещут на тыкве листы,
Ты соберешь их и сваришь, подашь их гостям.
Друг благородный, есть и вино у тебя —
В чарку его наливаешь и пробуешь сам.

Есть у хозяина заяц, да только один —
Зайца поджаришь на угольях прямо в шерсти.
Друг благородный, есть и вино у тебя,
Ты разольешь его в чарки, гостям поднести.

Есть у хозяина заяц, да только один —
Зайца изжаришь, как надо, тостям на обед.
Друг благородный, есть и вино у тебя —
Гости хозяину налили чару в ответ.

Есть у хозяина заяц, да только один —
Зайца изжаришь, как следует быть, над огнем.
Друг благородный, есть и вино у тебя —
Снова гостям наливаешь, и снова мы пьем!

ВОИН В ПОХОДЕ ВОСТОЧНОМ

(II, VIII, 8)

Камни и скалы нависли —
Кручи отвесных высот,
Дальние горы и реки —
Трудный, опасный поход!
Воин в походе восточном
Поутру не отдохнет.

Камни и скалы нависли,
Острые пики, гляди...
Дальние горы и реки
Кончатся ль там, впереди?
Воин в походе восточном,
Выбраться скоро не жди!

Белы у вепрей копытца —
Бродят в воде — и как в дом,
Месяц в созвездье стремится
Би[6] перед буйным дождем!
Воин в походе восточном,
Думать не смей о другом!

ЦВЕТЫ НА ВЬЮНКЕ

(II, VIII, 9)

Распустились цветы на вьюнке
И теперь темно-желтыми стали...
О, сколь сердце жестоко скорбит,
Сердце ранили больно печали.

Распустились цветы на вьюнке,
Посмотри на листву голубую...
Не родиться б мне лучше на свет,
Если б знал про судьбу я такую.

У овцы голова велика[7],
А мережа лишь звезды поймала;[8]
Знаю: люди, конечно, едят...
Сытых вижу так редко и мало!

В ПОХОДЕ

(II, VIII, 10)

Какая трава, не желтея, растет?
Есть день ли такой, чтоб не шли мы в поход,
И есть ли в пределах страны человек,
Свободный от бремени ратных тягот?

Какая трава не буреет в лугах?
Кто вместе с женой, что ему дорога?

О горе нам, воинам, взятым в поход!
Не люди лишь мы, что идем на врага.

И разве я тигр или ты носорог —
По дикой пустыне шагаешь, дружок?
О горе нам, воинам, взятым в поход!
С утра дотемна отдохнуть я не мог.

И только пушистым хвостом промелькнет
Лисица — в траве одичалой пройдет;
Да наши телеги, что грузы везут,
Идут по великой дороге вперед.

III
ВЕЛИКИЕ ОДЫ

I

ОДА ВЭНЬ-ВАНУ
(III, I, 1)

I

Царь Просвещенный — Вэнь-ван[1] — пребывает теперь в вышине,
О, как на небе пресветлый сияет Вэнь-ван!
Чжоу издревле в своей управляли стране,
Новый престол им небесною волею дан[2].
Или во славе своей не сияют они?
Воля небес неужели не знает времен?[3]
Ввысь устремится Вэнь-ван или вниз низойдет[4],
Справа иль слева владыки небесного он!

II

Царь Просвещенный был полон усердья и сил,
Слава его бесконечной является нам.
Небо свои ниспослало на Чжоу дары —
Внукам Вэнь-вана, потомкам его и сынам,
Внукам Вэнь-вана, потомкам его и сынам —
Корню с ветвями[5], да жить им в веках и веках!
Людям служилым, что были у Чжоу в войсках,
Разве им также не славиться ныне в веках?

III

Разве они не преславны пребудут в веках
Тем, что с усердьем исполнили царский завет?
Полных величия, много служилых людей
Царство Вэнь-вана тогда породило на свет,
Царство Вэнь-вана их всех породило, и вот,
Чжоуский дом в них опору нашел и оплот.
Много достойнейших стало служилых людей —
Царь Просвещенный в спокойствии полном живет

IV

Был величаво-прекрасен властитель Вэнь-ван,
Ревностным был он надолго прославлен трудом.
Воля небес[6], о, насколько она велика!
Шанского дома потомки порукою в том.
Шанского дома потомки порукою в том:
Многое множество их пребывало в те дни,
Волю верховный владыка свою проявил —
Чжоу покорность свою изъявили они.

V

Чжоу они изъявили покорность свою.
Воля небес не навечно почиет на вас!
Лучшие лучших из иньских служилых людей
Предкам творят возлиянья в столице у нас.
Нашему предку творят возлиянья, надев
Платье с секирами, в прежнем убранстве главы[7].
Вы, из достойных достойные слуги царя,
Вашего предка ужели не помните вы?

VI

Вашего предка ужели не помните вы?
Кто совершенствует доблесть духовную, тот
Вечно достоин пребудет и воли небес,
Много от неба и сам он получит щедрот.
Инь, до того как народ и престол потерять,
Вышнего неба владыке угодна была.
Инь пред очами да будет! Хранить нелегко
Судьбы великие. И сохранившим — хвала!

VII

Судьбы и волю небес сохранить нелегко!
Трон сохраняя, от неба себя не отринь!
Славы сиянье о долге свершенном простри,
Мудро размысли, как небо отринуло Инь!
Вышнего неба деянья неведомы нам,
Воле небес не присущи ни запах, ни звук!
Примешь Вэнь-вана себе в образец и закон —
Многие страны с доверьем сплотятся вокруг!

ОДА О ЦАРЯХ ВЭНЬ-ВАНЕ И У-ВАНЕ И О ПОКОРЕНИИ ЦАРСТВА ИНЬ-ШАН

(III, I, 2)

I

Светлая, светлая доблесть взошла на земле —
Воля державная неба сошла с вышины![8]
Трудно, однако, на небо одно уповать
Да и царем быть — дела управленья трудны.
Иньский наследник небесный престол занимал
Он и утратил четыре предела страны[9].

II

Князем был Чжи, говорят. Его средняя дочь,
Жэнь по прозванью, в Инь-Шэн появилась она.
К нам она в Чжоу пришла, чтоб супругою стать,
Жить она стала в столице как Ван-цзи[10] жена.
Ван-цзи, наш предок, совместно с супругой своей
Жили, и долг свой они соблюдали сполна.
Там величавая Жэнь от него понесла,
Там Просвещенного в мир породила она.

III

Этот Вэнь-ван был наш царь Просвещенный, и он
Сердцем внимателен был и исполнен забот.
Вышнему неба владыке со славой служил,
Много от неба он принял и благ, и щедрот.
Доблесть души и достоинство в нем без пятна!
Царство над миром он принял и с ним его род.

IV

Вышнее небо взирает на землю внизу,
Воля небес поручить ему царство — тверда.
Годы правленья Вэнь-вана едва начались —
Небо готовит подругу ему навсегда.
Там, где находится северный берег у Ся,
В этой стране, что у самого берега Вэй[11]...
Брачного возраста царь Просвещенный достиг.
Царства великого князь был там с дочкой своей.

V

С князем великого царства и дочка его,
Чистой красою — как младшая неба сестра!
Сделав подарки, о счастье гадает Вэнь-ван —
К Вэй отправляться для встречи невесты пора!
Мост через реку из стругов готовит Вэнь-ван.
Разве не блеском сверкающим брак осиян?

VI

Воля от неба на землю тогда снизошла —
Волею неба и стал на престоле Вэнь-ван:
Стал он в столице, был в Чжоу удел ему дан.
Дева из Шэнь, — государыню-мать заменив, —
Старшая дочь из далеких явилася стран[12].
Милостью неба от ней и родился У-ван.
Небо тебя сохранит и поможет тебе —
Небу покорный, пойдешь на великое Шан!

VII

Иньские, шанские — всюду отряды видны,
Лесу подобные, строятся рати солдат.
В полном порядке, как стрелы в пустыне Муе[13].
Только и наши с достоинством рати стоят.
Неба верховный владыка с тобою, У-ван,
В сердце своем да не будешь сомненьем объят!

VIII

Эта пустыня Муе широка, широка!
Блещет сандалом своим колесница, ярка;
Каждая лошадь в четверке гнедая — крепка.
Шан-фу, великий наставник, искусен в боях —
Будто орел, воспаряющий ввысь в облака!
Помощь У-вану несет эта Шан-фу рука.
Шанскую мощную рать разбивает У-ван,
В это же утро страну очищают войска.

ОДА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ПЛЕМЕНИ ЧЖОУ
(III, I, 3)

I

Тыквы взрастают одна за другой на стебле...
Древле народ обитал наш на биньской земле,
Реки и Цюй там и Ци протекают, струясь.
В древности Дань-фу[14] там правил — наш предок
и князь.
Людям укрытья и норы он сделал в те дни —
И ни домов, ни строений не знали они.

II

Древний правитель однажды сбирает людей,
Утром велит он готовить в поход лошадей.
Кони вдоль западных рек устремились, бодры, —
Вот и достигли подножия Циской горы.
Он и супруга — из Цзянского рода сама —
Место искали, где следует строить дома.

III

Чжоу равнины — прекрасны и жирны они,
Горькие травы тут сладкими были в те дни...
Мы совещались сначала — потом черепах
Мы вопрошали: остаться ли в этих местах?
Здесь оставаться! Судьба указала сама —
Здесь и постройки свои возводить, и дома.

IV

Жителей князь расселил изволеньем своим:
Тех ободрит он, участки укажет другим,
Метит границы, назначит наделы земли.
Между участками — пашен межи провели.
С запада Дань-фу проходит страну на восток...
Всюду он задал работу, все сделал, что мог!

V

Дань-фу зовет управителя главных работ,
Также зовет уставителя общих тягот:

Здания он повелел возводить и дома,
Мерить веревкой — так будет постройка пряма;
Доски связать и набить между ними земли...
В строгом порядке храм предков сперва возвели.

VI

Рыхлую землю ссыпает в корзины народ —
Плотно ее между связанных досок кладет.
Громко удары звучат — уплотнилась стена,
Мажут, скоблят ее — только была бы ровна...
Многие тысячи футов возвысились в срок;
Рвенье большой барабан соразмерить не мог![15]

VII

Ставят большие ворота в ограде дворца.
Очень высокие эти ворота! С крыльца
Ставят у входа дворцовые двери теперь —
В строгом величии высится каждая дверь.
Духам земли величавый алтарь возведен —
Всем начинаниям — место священное он[16].

VIII

Ярость властителя неукротима была —
Слава его преуменьшиться тем не могла.
Выдернул он и дубы, и терновник с пути —
Ехать возможно теперь и свободно идти.
Варваров этих — гунь-и — разбежалася рать,
Быстро бежала, пыхтя и не смея дышать!

IX

Юйский и жуйский князья разрешили свой спор,
Быстро Вэнь-ван возрастил свою силу с тех пор[17].
Я же скажу: те внушали покорность другим,
Те — были первыми, эти — последними с ним;
Те, я скажу, о царе разносили хвалу,
Эти — давали отпор и насилью и злу!

СЛАВОСЛОВИЕ ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ

(III, I, 4)

I

Пышные, пышные — кущею терны стоят —
Дров нарублю я и сделаю добрый запас,
Вы величавы собою, наш царь-государь,
Всюду народ ваш так тесно сплочен вокруг вас!

II

Царь величавый — творит возлияние он[18] —
Чаши для жертвы подносятся с разных сторон.
Чаши подносят, достоинства сами полны,
Лучшие люди — служилые люди страны.

III

Вижу: ладья устремилась по Цзину-реке,
Много гребцов — опускаются весла их в ряд.
Чжоуский царь выступает, я вижу, в поход.
Вслед за царем устремились шесть ратей солдат.

IV

Как широка эта звездная в небе река,
В небе узором сияет светла и ярка.
Разве не царь вдохновляет примером людей?
Чжоуский царь — да живет он века и века!

V

Так вырезают, чеканят прекрасный убор:
Золотом с яшмой украсится тонкий узор.
Царь созидает основы, дал правила нам
В царстве обширном, что нет, не охватит твой взор!

ПОДНОЖИЕ ХАНЬСКОЙ ГОРЫ

(III, I, 5)

I

Взгляни на подножие Ханьской горы:
Орешник густой и терновник на нем.
Спокоен и радостен наш государь,
Стяжает он славу в веселье своем.

II

На яшмовом скипетре кубок тяжел[19]:
Для жертвы в нем желтое блещет вино.
Спокоен и радостен наш государь —
Вот счастье — ниспослано небом оно.

III

То ястреба в небе высокий полет,
То рыба метнулась под толщею вод!
Спокоен и радостен наш государь,
Не он ли к добру подвигает народ?

IV

Пресветлое в чаше вино, и ярка
Шерсть рыжего жертвенного быка:
Ты в жертву дары принесешь, государь, —
Да будет награда тебе велика!

V

Дубняк низкорослый — густой он, густой!
Его на дрова собирает народ.
Спокоен и радостен наш государь,
От духов он множество примет щедрот.

VI

Пышнеет, пышнеет вьюнок по полям,
Ползет по ветвям и древесным стволам.
Спокоен и радостен наш государь,
Он счастье снискал, непорочен и прям.

ПОЧТЕНЬЯ БЫЛА ПРЕИСПОЛНЕНА ТАЙ-ЖЭНЬ

(III, I, 6)

I

Почтенья была преисполнена Тай-жэнь,
Царя Просвещенного матерь она;
Свекровь свою — Цзян[20] — почитала с любовью,
Достойная царского рода жена,
И Тай-сы прекрасную славу блюла[21];
И были потомки царя без числа.

II

Князьям, своим предкам, царь следовал строго,
И светлые духи не знали обид[22],
И светлые духи не знали печали,
Вэнь-ван для жены образцом предстает,
Он братьям высокий пример подает,
К добру направляет страну и народ.

III

Согласье и мир во дворце этом царском,
Царь входит с почтеньем сыновним во храм;
Один — а ведет себя будто при людях,
В труде неустанном блюдет себя сам.

IV

Не мог отвратить он великие беды[23],
Но блеск и величье его без пятна.
Деянья, которым он не был научен, —
И те совершенны, в них мудрость видна.

V

И доблестью духа мужи овладели,
Стремились к ней юноши с этой поры.
Был древний наш царь неустанно прилежен,
И славные царские слуги мудры!

ВЫШНЕГО НЕБА ДЕРЖАВЕН ВЕРХОВНЫЙ ВЛАДЫКА

(III, I, 7)

I

Вышнего неба державен верховный владыка,
В грозном величии вниз он глядит и четыре
Царства предела кругом озирает и ищет
Места народ успокоить в довольстве и мире.
Так увидал он, что оба великие царства[24]
Сбились с пути — потеряли давно управленье;
Так озирал он и стороны света, и царства:
Воли небесной достойных[25] — искал в размышленье.
Выбрав достойного, неба верховный владыка
Царства его захотел увеличить границы,
Взор обращает с любовью владыка на запад...
Земли дарует ему, чтобы в них расселиться.

II

Вот очищают там землю от мертвых деревьев —
И подгнивающих стоя, и павших на землю:
Всё подровняли, приводят в отменный порядок
В парках аллеи и буйно растущие чащи;
После всего проредили как надо катальпы,
Лишние прочь удалили прибрежные ивы,
Лишние ветви у всех шелковиц отрубили,
Горные туты, почистив, подстригли красиво.
Светлого доблестью ставит Тай-вана владыка,
Варвары в страхе дороги заполнили... Милость
Небо явило, царю приготовив супругу:
Воля небес над Тай-ваном тогда укрепилась...

III

Вот озирает небесный владыка и гору:
Чащи колючие он разредил и дубравы,
Сосны и туи нечастыми стали. Владыка,
Царство воздвигнув, достойного ищет державы.
Жил-был Тай-бо, а при нем младший брат его
Ван-цзи[26],
Следовал сердца влеченью — Тай-бо возлюбил он!
Нежно любил, почитая как старшего брата.

Ван-цзи свое торжество укрепил, возвеличил —
Был одарен он за это сверкающей славой,
Принял щедроты от неба... Приняв, не утратил —
Так завладел он и всею обширной державой.

IV

Этому Ван-цзи великий верховный владыка
Сердце измерил — и всюду разносит незримо
Славу о доблести духа и верности Ван-цзи.
С доблестью духа все стало тому постижимо!
Вещи он мог постигать и умел различать их,
Мог наставлять он и был государем народу,
Правя всей этой великой страною, снискал он
Всюду покорность и преданность царскому роду —
Время настало царю Просвещенному править!
Доблесть духовная в нем навсегда безупречна,
Много щедрот он от вышнего неба владыки
Принял и передал детям и внукам навечно.

V

Молвил царю Просвещенному неба владыка:
«Людям изменчивым не уподобишься ныне,
Не уподобишься алчным и сластолюбивым!
Шествуя прямо вперед, поднимайся к вершине!»
Люди из Ми[27] непочтенье свое показали,
Дерзко осмелясь перечить великой державе,
Вторглись в пределы Юани и Гуна достигли!
Царь поднимается, грозный и в гневе и в славе, —
Царь Просвещенный отряды свои собирает,
Чтоб подавить этой рати пришедшей дерзанье,
Благо для Чжоу еще укрепить, приумножив,
И утолить Поднебесной страны упованье!

VI

Царь наш спокоен в столице, а царские рати,
Выгнав врага из Юани за наши границы,
Горы проходят высокие; войско чужое
Больше на наших холмах не осмелится биться.
Нашими стали источники, наши — озера.
Хочет наш царь поселиться в прекрасной долине.

Циской горы избирает он южные склоны,
Там, где поблизости — вэйские чистые воды.
Тысячи стран в нем достойный пример обретают,
Снова царя обрели в Поднебесной народы.

VII

«Светлую доблесть и мудрость свою полюбил я, —
Молвил царю Просвещенному вышний владыка, —
Праведный гнев твой, глубоко в груди затаенный,
Вдруг не проявишь ты громким и яростным криком.
Не полагаясь на знанья свои и на опыт,
Ты подчинился владыкою данным заветам».
Молвил царю Просвещённому вышний владыка:
«Царства союзные все призывая к совету,
С братьями выступишь ты в единении ныне,
Лестницы ваши стенные захватишь с крюками,
Башни осадные двинув и взяв катапульты,
К городу Чун приступи со своими войсками».

VIII

Медленны, медленны так катапульты и башни,
Высятся, высятся мощные чунские стены.
Чунских людей одного за другим изловили;
Суд учинив, мы обрезали уши у пленных.
Небу и богу войны совершили мы жертвы,
Этим покорно пристать к нам всех пригласили —
Нас не обидел никто в Поднебесной отказом.
Башни по стенам осадные били и били...
Чунские стены стоят нерушимо и крепко...
Царь, нападая, войска посылает, и боле
Рода их нет — он прервался, совсем уничтожен!
Нет в Поднебесной противников царственной воле.

ЧУДЕСНАЯ БАШНЯ
(III, I, 8)

Чудесную башню задумал построить Вэнь-ван,
Он выполнил все измеренья и вычертил план.
И вот весь народ принимается строить ее,
И дня не прошло — завершает, усерден и рьян.

Вэнь-ван, начиная, сказал: «Не спешите к концу!»
Приходит народ наш к Вэнь-вану, как дети к отцу.

Вот царь Просвещенный идет в свой чудеснейший сад —
Олени и лани повсюду спокойно лежат,
И шерсть на оленях лоснится, лоснится, блестит,
И птиц белоснежных сверкает чистейший наряд!
Вот царь Просвещенный выходит на берег пруда —
В нем рыбки резвятся, чиста и прозрачна вода.

Звучащие камни висят под узорным гребнем,
А мы в барабаны большие и в колокол бьем.
И стройно звучат барабаны и колокола,
И в школу средь круглого озера радость пришла!

Как стройно звучат с барабанами колокола,
И в школу средь круглого озера радость пришла![28]
Из кожи каймана ритмично звучит барабан:
Слепые поют свои песни, чтоб слушал Вэнь-ван.

ОДА У-ВАНУ

(III, I, 9)

I

Ныне У-ван[29] утверждает правление Чжоу...
Мудрыми слыли цари у былых поколений:
Чжоуских три государя отныне на небе[30] —
Их продолжатель в столице обширных владений.

II

Их продолжатель в столице обширных владений,
Хочет поднять он всю доблесть державного рода,
Вечно достоин он неба верховных велений,
Он пробуждает и веру в царя у народа.

III

Он пробуждает и веру в царя у народа,
Землям подвластным примером пребудет надолго.
Вечно сыновней любовью он полн и заботой,
И да пребудет примером сыновнего долга!

IV

Был он один над землею, любимый народом,
Доблесть покорная стала народа ответом.
Вечно сыновней любовью он полн и заботой,
Тем он прославлен, что следовал предков заветам.

V

Так он прославлен, что много грядущих потомков
Следовать будет примеру их предка У-вана.
Тысячи, тысячи лет от всевышнего неба
Будут щедроты они получать непрестанно.

VI

Неба щедроты да будут для них непрестанны;
С данью придут Поднебесной предела четыре!
Тысячи, тысячи лет протекут, а потомки,
Разве опоры себе не найдут они в мире?

ОДА ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ (ВЭНЬ-ВАНУ) И ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ (У-ВАНУ)

(III, I, 10)

I

Царь Просвещенный, он славу имел:
Да, он великую славу имел!
Мира для царства искал он; удел
Мудрого — зреть торжество своих дел.
Был Просвещенный воистину царь!

II

Небо царю повеление шлет,
Он совершает свой ратный поход —
Чун[31] покарал Просвещенный — и вот,
Город на фынской земле создает[32].
Был Просвещенный воистину царь!

III

Стены возвел он по вырытым рвам,
Фын он воздвиг соответственно им.

Мелким не стал предаваться страстям,
К предкам — сыновнепочтителен сам.
Был он, державный, воистину царь!

IV

Славными были заслуги царя,
Только лишь стены он Фына воздвиг,
Стали едины пределы страны —
И точно столп царь державный велик.
Был он, державный, воистину царь!

V

Фын свои воды стремит на восток —
Юй совершил свои подвиги встарь![33]
Стали едины пределы страны —
Царь наш державный им всем государь!
Он, наш державный, воистину царь!

VI

Круглый, как яшмовый скипетр, пруд
В Хао-столице[34]. С востока идут,
С запада, севера, юга... Смотрю:
Нет уж нигде непокорных царю!
Он, наш державный, воистину царь!

VII

Судит наш царь и гадает о том,
Будут ли в Хао столица и дом.
Будет! — решил черепаховый щит. —
Царь наш Воинственный дело вершит.
Он, наш Воинственный, — истинно царь!

VIII

Травы питает река наша Фын.
Разве У-ван не трудился один?
Планы исполнил для внуков своих,
Будет доволен почтительный сын![35]
Царь наш Воинственный — истинно царь!

II

ОДА ГОСУДАРЮ ЗЕРНО (ХОУ-ЦЗИ)[1]

(III, II, 1)

I

Древен народ наш — с самых первичных времен!
Он Цзянь Юань — праматерью нашей — рожден.
Как порожден был народ наш? Могла Цзянь Юань,
Зная обычай, для жертвы принесть свою дань,
Чтобы бесплодье минуло ее, — и в ответ
Пальца большого владыки верховного след
Видит она, на него наступает... И вот,
Вся задрожав, в тот же миг понесла она плод...
Времени мало ждала она — ей суждено
Было родить и питать государя Зерно.

II

Месяцы вышли — был первенец ею рожден
Так же легко, как овцою ягненок рожден.
Он ей не рвал и не резал утробу тогда,
Не было матери славной ни мук, ни вреда.
Это ль не чудо явилось у всех на глазах?
Разве верховный владыка не рад в небесах?
Чистая жертва ему не приятна ль была? —
Первенца очень легко Цзянь Юань родила.

III

В узкий загон для скота положили его[2].
Овцы с быками, жалея, укрыли его.
Был он покинут потом на равнине в лесу —
Но дровосеки его подобрали в лесу.
Брошен младенец на смерзшийся лед в водоем —
Птица его, согревая, укрыла крылом!

Птица едва оставляет ребенка на миг —
Князя Зерно раздается пронзительный крик.
Так был силен и протяжен им изданный звук,
Что все дороги собою наполнил вокруг!

IV

На четвереньках едва только ползает он,
Но, как скала, уже он и могуч и силен!
Пищу едва научился тянуть себе в рот —
А уж бобами успел засадить огород!
Пышно, как флаги, бобы в изобилье стоят,
Пышные злаки красиво посеяны в ряд,
Тучей тучнеет пшеница и с ней конопля,
Многое множество тыкв покрывает поля!

V

В поле Зерно государь изо всех своих сил
Силам природы взрастить урожай пособил.
Дикие сорные травы сгоняет с земли,
Сеет хлеба, чтобы, ярко желтея, росли.
Вот в скорлупе своей все набухает зерно,
Вот прорвалось, вот росток выпускает оно...
Вот и пробился росток, вот и колос стоит:
Зерна окрепли и стали добротны на вид.
Зернами полный склоняется колос — созрел!
Тай, как наследственный дом, получил он в удел.

VI

Много прекрасных семян раздавал он кругом:
Черное просо и просо с двойчаткой-зерном[3],
Красное сорго и белое! Всюду подряд
Черное просо и просо-двойчатка стоят,
Сжали и в груды сложили весь хлеб на полях,
Сорго — и красным, и белым — покрыта земля,
Носят его на плечах, на спине по домам...
Жертвы приносит народ, что взлелеял он сам!

VII

Как же нам жертву такую готовить дано?
Тот обдирает, а тот растирает зерно,

Тот провевает, тот топчет колосья ногой,
Плещутся всплески — зерно промывает другой.
Варят зерно — вот уж пар над котлами поплыл.
Надо, чтоб каждый посильную лепту вложил!
Надо с полынью для жертвы размешивать жир,
Духам дороги баранов готовить на пир.
Мясо повсюду и варит, и жарит народ,
Чтобы успешно начать наступающий год.

VIII

Мы это мясо кладем в деревянный сосуд,
Чистым отваром сосуды из глины нальют...
Стал уж вздыматься от них к небесам аромат,
Неба верховный владыка доволен и рад —
Благоуханью ль, что не запоздало оно?
Жертве ль, указанной нам государем Зерно, —
Той, непорочной, что, свято блюдя, как закон,
Здесь приносили еще и до наших времен!

ПИР[1]

(III, II, 2)

I

Густо тростник возле самой дороги растет,
Пусть не потопчет и пусть не примнет его скот!
Вот развернется тростник, свой наденет наряд —
Нежные листья его заблестят, заблестят.
Кровные, кровные братья теперь у меня —
Не разлучайтесь, да будет вся вместе родня!
Вот и циновки для пира подстелены вам,
Низкие столики ставят — опору гостям.

II

Столики поданы, мат на циновку кладут,
Слуги, сменяясь все время, подносят еду.
Чаши хозяин сперва наливает гостям —
Гости подносят ему, чтобы выпил он сам.
Чаши омыты, но их наполняют опять:
Каждый отставил в сторонку, не стал выпивать.

Ставят соленья и с соусом острым блюда,
Ставят жаркое и печень. Богата еда!
Лакомый самый кусочек — язык и сычуг.
Гусли поют... В барабаны ударили вдруг!

III

Лук установлен — изогнуты круто углы,
И в равновесии строгом четыре стрелы[5];
Спущены стрелы, в цель они метко летят...
Судя по меткости, гости поставлены в ряд.
Туго натянуты луки резные, и вот,
Каждый четыре стрелы из колчана берет:
В цель как впиваются стрелы! Закончив игру,
Тех, кто не чванился, ценят гостей на пиру.

IV

Пира хозяин — потомок преславных отцов —
Добрым, приятным вином угостить нас готов,
Вот наливает большими ковшами, а сам
Жизни до желтых волос он желает гостям,
Желтых волос и пятнистой спины, как у рыб[6],
Чтобы друг другу советом всегда помогли б,
Чтоб долголетней счастливая старость была, —
Дни благоденствия множатся пусть без числа!

ОДА ХОЗЯИНУ ПИРА

(III, II, 3)

I

Ныне вином напоил допьяна,
Нас напитал от великих щедрот.
Тысячи лет да живешь, государь!
Светлое счастье твое да растет!

II

Ныне вином напоил допьяна,
Данный тобою прекрасен обед.
Тысячи лет да живешь, государь!
Да возрастет лучезарный твой свет.

III

Свет лучезарный твой блещет кругом —
Ясность высокая с добрым концом!
Добрый конец ты теперь заложил —
Мертвых наместник[7] добро возвестил.

IV

Что возвестил он? Сосуды полны,
Яства в сосудах чисты и вкусны.
В помощь избрал ты достойных друзей[8]
В них величавость и строгость видны.

V

В срок величавость и строгость яви!
Сын твой почтительной полон любви.
Не оскудеет любовью твой сын,
Благо вовеки тебе, господин!

VI

Благо какое да будет тебе? —
Вечно счастливый, в покоях дворца
Тысячи лет да живи, государь!
Будет потомство твое без конца!

VII

А каково же потомство твое?
Милость небес навсегда над тобой,
Тысячи лет да живи, государь,
Ты, одаренный великой судьбой!

VIII

Как одарен ты судьбой навсегда?
Ты удостоен преславной жены,
Ты удостоен преславной жены —
Внуков отцами да будут сыны!

ОДА О НАМЕСТНИКЕ МЕРТВЫХ
(III, II, 4)

I

Утка и чайка на Цзине-реке — над водой[9].
Мертвых наместник пришел насладиться едой.
С чистым вином твоим, вижу, сосуды стоят,
Яства твои издалека струят аромат.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Счастье его совершенно, он весел и рад.

II

Утка и чайка сидят на песке у воды.
Мертвых наместник явился отведать еды.
Ты угощаешь его в изобилье вином,
Яства прекрасны на вкус на обеде твоем.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Гостеприимная радость наполнила дом.

III

Утка и чайка на остров садятся средь вод.
Мертвых наместник теперь на пиру отдохнет.
Чисто отцежено, вижу, для гостя вино,
Яства твои — то крошеное мясо одно.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Радость нисходит на гостя, и счастье полно!

IV

Утка и чайка по устью притока плывут.
Мертвых наместнику — пир и почет воздадут!
Ныне едой насладиться явился он в храм[10],
Счастье и радость нисходят с наместником к нам.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Высшим блаженством и счастьем исполнен он сам!

V

Утка и чайка в стремнине потока меж скал.
Мертвых наместник, он радостным, радостным стал!

Вкусно вино твое и веселым-весело,
И ароматами мясо давно изошло!
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
В будущем минут тебя и несчастье и зло.

ОДА ЦАРЮ
(III, II, 5)

I

Счастлив наш государь, прекрасен он,
Достоинством высоким одарен.
Ведя как подобает свой народ,
От неба принял множество щедрот,
И волей неба верно он храним,
И милость неба непрерывно с ним.

II

Его богатств крупнее не найдешь,
Бессчетно и его потомство тож.
Почтительны державные сыны —
Князья, цари, достойные страны, —
Не умалят того, что сделал он,
Блюдя и помня древний наш закон!

III

У них величья полон строгий вид,
Их слава без ущерба прозвучит,
Чужды им будут ненависть и гнев.
Друзей своих советы рассмотрев,
Они стяжают счастье свыше мер,
Для всей страны кормило и пример!

IV

Кто нам пример, тот явит и закон,
Друзьям и близким мир дарует он.
Владыка, и вельможа, и солдат
К царю с любовью взоры обратят.
Кто не ленив на троне будет, тот
В довольстве успокоит свой народ.

ОДА КНЯЗЮ ЛЮ

(III, II, 6)

I

Великодушен князь — преславный Лю![11]
Он отдыха не знает от работ:
Межи в полях, черты границ ведет,
С полей в амбары жатву соберет.
Зерно сложил в мешки на этот год,
В тюки припасы: думал он свой род
Во славе успокоить. «Пусть народ
Натянет луки, стрелы припасет,
Секиры, копья и щиты возьмет!»
Князь Лю тогда отправился в поход.

II

Великодушен князь — преславный Лю!
К долине этой обращает лик:
На ней народ числом уже велик.
Народ спокоен: всюду он проник —
Народ вздыхать подолгу не привык!
И вот поднялся князь на горный пик,
Спустился вновь в долину, где родник.
На поясе что было у него?
Редчайшие каменья и нефрит,
И в самоцветных ножнах меч висит.

III

Великодушен князь — преславный Лю!
Идет туда, где сто истоков вод,
Широкою долиною идет;
Поднялся он на южные хребты,
Высокий холм увидел с высоты:
Там место есть для множества жилищ,
Он жителей велел селить на нем.
Для чужеземцев он построил дом,
И здесь за словом слово будет течь,
А там пойдет за мудрой речью речь.

IV

Великодушен князь — преславный Лю!
Себе на горке прочно ставит дом.

Величья полные мужи кругом...
Велит постлать циновки в доме том,
Зовет на пир, и гости входят в дом,
Расселись — приказал он пастухам:
Свинью из хлева выбрали б, — а сам
В простые тыквы льет вино гостям.
И те едят и пьют вино его
И как царя, как предка чтут его[12].

V

Великодушен князь — преславный Лю!
Его земля обширна — всех сторон
Границы очертил по тени он[13];
Где солнечный и где тенистый склон,
Где токи рек, стремится он узнать.
Три легиона — княжеская рать...
Он знает, где возвышенность, где падь.
Межи и подати ввел с этих пор.
Узнал страну он к западу от гор.
Владений Бинь просторным стал простор!

VI

Великодушен князь — преславный Лю!
Лишь временный себе поставил дом.
Как через Вэй устроил он паром,
К себе железо стал возить на нем.
Устроив всех, межи везде ведет —
В довольстве множится его народ.
Строенья сжали весь Хуан-поток,
Достигли мест, где мчится Го-поток, —
Идут они, густы и широки,
До самых до излучин Жуй-реки![14]

ОДА БЛАГОСКЛОННОМУ ГОСУДАРЮ
(III, II, 7)

Там далёко вода дождевая бежит по дороге —
Зачерпните ее, принесите сюда эту воду:
Можно рис отварить и, обед приготовив, подать.
Государь и счастливый, и вместе любезный народу,
Для народа он словно отец и родимая мать!

Там далёко вода дождевая бежит по дороге —
Зачерпните ее, принесите сюда эту воду:
Пригодится она, чтобы вымыть в ней винный сосуд,
Государь и счастливый, и вместе любезный народу, —
И народ, прибегая к нему, обретает приют!

Там далёко вода дождевая бежит по дороге —
Соберите скорей, принесите сюда эту воду:
Пригодится, чтоб вымыть сосуды водою такой!
Государь и счастливый, и вместе любезный народу, —
И народ, прибегая к нему, обретает покой!

ОДА ЦАРЮ

(III, II, 8)

I

Где холм стоит, в излучину на нем
Донесся с юга теплый ветер вдруг.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Пришел гулять и песни петь вдвоем;
Услышь же песни этой стройный звук.

II

Прогулки — красят твой досуг они;
С приятностью гуляя, отдохни.
Ты наш счастливый, добрый государь,
Да будет долгой жизнь твоя, и ты,
Как прежние цари, окончишь дни!

III

Обширна и славна твоя земля,
И все растет и крепнет день за днем.
Наш благосклонный, мудрый государь,
Да будет долгой жизнь твоя, и ты
Всех духов, как гостей, да вводишь в дом[15].

IV

По воле неба взыскан ты давно
Щедротами[16], и благо суждено
Тебе, счастливый, добрый государь!

Да будет долгой жизнь твоя! Тебе
Навеки счастье чистое дано.

V

Да будут же помощники царя
Сыновним долгом, доблестью полны —
От них совет и помощь для царя.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Да будешь ты законом для страны!

VI

Величья полон твой достойный вид,
Будь духом чист, как скипетра нефрит[17],
Пусть слава добрая твоя звучит.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Для всей страны ты — правило и щит!

VII

Четою ныне фениксы летят,
В полете крылья их шумят, шумят,
Вот по местам они расселись вдруг.
Есть у царя немало верных слуг,
Почтительных, готовых для услуг:
Сын неба для таких — любимый друг!

VIII

Четою ныне фениксы летят,
В полете крылья их шумят, шумят,
И неба достигает их полет.
Царь много, много добрых слуг найдет:
Коль царь свои приказы им дает,
Они полюбят весь его народ[18].

IX

И ныне фениксы поют четой,
На том хребте поют, что так высок...
Растут утунги на горе на той,
Чей склон глядит под солнцем на восток:
Утунги[19] в зелени густы, густы,
А звуки пенья так чисты, чисты!

X

Есть колесницы ныне у царя —
В его войсках так много, много их.
Есть у тебя и кони, государь,
И быстр привычный бег коней твоих!
Ты песни пел — и лишь в ответ на них
Сложил и я короткий этот стих.

НАРОД СТРАЖДЕТ
(III, II, 9)

I

Народ наш страждет ныне от трудов —
Удел его пусть будет облегчен.
Подай же милость сердцу всей страны[20],
Чтоб мир снискать для четырех сторон.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб всяк недобрый был предупрежден,
Закрой пути злодеям и ворам —
Небесный ведь не страшен им закон.
Дай мир далеким, к близким добрым будь,
Да укрепится этим царский трон!

II

Народ наш страждет ныне от трудов —
Пусть он вздохнет немного от работ.
Подай же милость сердцу всей страны,
Чтоб стал единым ныне наш народ!
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб в страхе был смутьянов шумный сброд.
Закрой пути злодеям и ворам,
Избавь народ от горя и забот.
Не оставляй трудов своих — тогда
Покой и государь наш обретет.

III

Народ наш страждет ныне от трудов!
Чтоб передышку все же он имел,
Столице нашей милость окажи,
И в мире будет каждый наш удел.

Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб тот был в страхе, кто забыл предел.
Закрой пути злодеям и ворам,
Пусть зло они отныне не творят.
Блюди всегда достойный, строгий вид,
И те придут, кто доблестью богат.

IV

Народ наш страждет ныне от трудов,
Пусть он немного отдохнет пока.
Подай же милость сердцу всей страны,
Чтоб скорбь людей была не так горька.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Зло обуздай, смири клеветника,
Закрой пути злодеям и ворам,
Чтоб истина не рушилась века!
И пусть теперь ты сам и мал, и слаб,
Твоя заслуга будет велика!

V

Народ наш страждет ныне от трудов,
Он мог бы в мире жить, но мира нет.
Подай же милость сердцу всей страны,
И царство не узнает больше бед!
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб вечно в страхе подлый был клеврет,
Закрой пути злодеям и ворам,
Чтоб истине не причиняли вред.
Как яшму, будет царь любить тебя, —
Прими же этот строгий мой совет.

ОДА В ПОУЧЕНИЕ БЕСПЕЧНОМУ ЦАРЕДВОРЦУ

(III, II, 10)

I

Милость верховный владыка сменил на грозу:
Страждет от гнева его весь народ наш внизу.
Сходное с истинным слово не выйдет из уст,
Так и расчет недалек, что ты строишь, и пуст.

«Нет мудреца и опоры!» — ты скажешь в ответ?
Только воистину правды в речах твоих нет —
Этот расчет, что построил ты, вновь недалек!
В слове моем оттого и великий упрек.

II

В дни, когда небо лишь беды нам шлет с высоты,
Не подобает быть вовсе веселым, как ты.
В дни, когда небо колеблет всю землю, — пред ним
Не подобает быть вовсе беспечным таким!
Если в согласие с истиной слово придет,
Будет в согласии добром отныне народ.
Речь твоя доброю будет — от речи такой
Будут в народе устойчивы мир и покой.

III

Службы хотя и различны у нас, говорю:
Мы, как товарищи, оба на службе царю.
Ныне пришел я, чтоб дать тебе добрый совет,
Слушаешь ты, а к словам и внимания нет.
Ныне о важных делах я веду свою речь —
Этим с усмешкой такою нельзя пренебречь.
Древний народ говорил, что разумен лишь тот,
Кто и у сборщика сучьев советы берет!

IV

В дни, когда небо являет жестокость и гнев,
Не подобает над этим шутить, обнаглев.
Правдою правда в словах у меня, старика, —
Ты же хоть молод, а гордость твоя велика;
Так не считай же безумными сказанных слов! —
Горе в забаву себе обратить ты готов.
Видишь: пожар все сильней и опасней везде,
Только лекарства не сыщешь ты в помощь беде!

V

В дни, когда ярости неба народу не снесть,
Не подобают тебе ни зазнайство, ни лесть.
Вид и достоинство ныне теряешь ты сам!
Добрые люди подобны теперь мертвецам[21].

В дни, когда плач и стенанье — народа удел,
Вникнуть в причину стенанья никто не посмел!
Смута везде, разоренье и гибель, и вот:
Нет никого, кто б утешил наш бедный народ!

VI

Небо людей просветляет, им радость дарит.
С флейтою нежной согласно сюань так звучит,
Княжеский жезл так слагался из яшм — так оно
Вам покровительствует и ведет вас давно[22].
Если ведет, разве спросишь прибавки? И вот
Так же легко небеса просветляют народ!
Много грехов у народа, и ныне при всех
Не выставляй напоказ ты и собственный грех!

VII

Доблести муж величавый — он царства оплот,
Царства ограду собою являет народ,
Сильных удел — перед входом поставленный щит[23],
Род знаменитый — столпом и опорой стоит,
В мире любовью к добру утвердится страна,
Родичи наши — тебе крепостная стена;
Не допускай же, чтоб стены разрушились в прах,
Чтоб не осилил тебя, одинокого, страх!

VIII

Страх перед гневом небес постоянно имей
И предаваться веселью и играм не смей;
Бойся, что небо изменит все судьбы людей,
И на погибель страшись погонять лошадей!
Небо державное — это сияющий свет,
Где б ты ни шел, от него не укроешься, нет!
Небо державное — это как солнца восход —
Всюду беспутство твое озарит и найдет!

III

СЛОВО ВЭНЬ-ВАНА ПОСЛЕДНЕМУ ГОСУДАРЮ ШАН[1]

(III, III, 1)

I

Великий, великий верховный владыка —
Владыка народов, живущих внизу.
Жестокий и грозный верховный владыка —
Дары его злом осквернились внизу!
Хоть небо рождает все толпы народа,
Нельзя уповать лишь на волю творца:
Недобрых совсем не бывает вначале,
Но мало кто добрым дожил до конца[2].

II

И царь Просвещенный воскликнул: «О горе!
О горе великое царству Инь-Шан!
Насилие и угнетение вижу,
Одна лишь корысть и стяжанье вокруг!
Насильники эти на месте высоком,
А ты из стяжателей выбрало слуг —
Нам небо их, наглых, на муку послало,
А ты подняло их, ты силу им дало».

III

И царь Просвещенный воскликнул: «О горе!
О горе великое царству Инь-Шан!
Имеешь ты к долгу ревнивых людей,
Насильники ж злобу плодят между нами,
Тебе отвечают пустыми словами,
А здесь при дворе только вор и злодей:
С проклятьями злоба кругом зашумела,
И нет им границы, и нет им предела!»

IV

И царь Просвещенный воскликнул: «О горе!
О горе великое царству Инь-Шан!
В стране лишь твоя злая воля была,
И доблесть твоя — лишь стяжание зла,
И доблесть царя твоего не светла!
Нет помощи трону кругом, но хула
Идет, что померк твоей доблести свет
И в царстве достойных советников нет».

V

И царь Просвещенный воскликнул: «О горе!
О горе великое царству Инь-Шан!
Вином разве небо поит тебя? — Нет!
Ты следуешь тем, что от долга далеки,
Ты облик достойный теряешь в пороке,
И света от полного мрака невмочь
Тебе различить, только крики и вопли
Я слышу, и день обратило ты в ночь!»

VI

И царь Просвещенный воскликнул: «О горе!
О горе великое царству Инь-Шан!
Гудит, как цикады, и ропщет народ,
Бурлит, как в разливе вскипающих вод;
Великий и малый здесь гибель найдет,
Но ты продолжаешь губительный ход,
И гнев поднимается в царстве Срединном[3],
До демонских стран[4], разливаясь, идет».

VII

И царь Просвещенный воскликнул: «О горе!
О горе великое царству Инь-Шан!
Безвременье шлет не верховный владыка —
Ты, Инь, небрежешь стариною великой;
Хоть нет совершенных и старых людей,
Законов живет еще древнее слово,
Но ты не вникаешь в законы, и снова
Великие судьбы распасться готовы»[5].

VIII

И царь Просвещенный воскликнул: «О горе!
О горе великое царству Инь-Шан!
Народ поговорку имеет такую:
Коль валятся, корни подняв, дерева,
А ветви их целы, жива и листва,
То были подрезаны корни сперва![6]
Для Инь недалеко и зеркало есть,
И память о Ся государе[7] жива!»

ПОУЧЕНИЕ ПРАВИТЕЛЮ

(III, III, 2)

I

Прежде всего за достойной осанкой следи:
Признак она, что достоинство скрыто в груди.
Люди теперь поговорку сложили вот так:
Всякий мудрец, говорят, непременно дурак!
В глупости черни, пожалуй, сказать бы я мог,
Главное то, что она прирожденный пророк;
Из мудрецов же бывают лишь те дураки,
Кто поступает природе своей вопреки.

II

Силы мудрей человека воистину нет;
Вся Поднебесная слушает мудрый совет.
Если б явил он и доблести светлой дела —
Вся бы страна за таким государем пошла.
Тверды указы, и планы его широки,
К времени слово, и думы его далеки,
Если блюдет и осанку достойную он,
То для народа правитель — пример и закон.

III

Если же ныне блуждает правитель иной,
Сам поднимает он смуту в правленье страной,
Доблести духа в себе ниспровергнул давно
И погрузился бездумно в одно лишь вино.

Ты хоть утехам безмерно предаться готов,
Разве не вспомнишь и ты о наследье отцов?
Не устремишься ль душою ты к древним царям,
Правилам светлым ужель не последуешь сам?

IV

Небо державное нас отвергает, и вот,
Не уподобимся ль ныне источнику вод:
В бездне исчезнуть и мы не стремимся ужель?
Раньше вставай и лишь ночью ложися в постель,
Двор свой опрыскай и вымети сор со двора:
Будешь народу примером труда и добра.
Сам же готовь и коней с колесницами ты,
Стрелы и копья готовь, и мечи, и щиты:
Будешь на страже ты против внезапной войны:
Прочь да изгонишь и варваров южной страны.

V

Да укрепишь ты народ свой на добром пути,
Княжеский долг и закон исполняй ты и чти.
Будь наготове, чтоб недруг врасплох не застиг,
Будь осторожен в словах, что пришли на язык.
Вид величавый и вместе достойный блюди:
Будет во всем и добро и покой впереди.
Если с пороком белейшая яшма жезла,
Тут бы шлифовка исправить порок помогла;
Если же в слове твоем оказался порок,
Что б ты ни делал, но слова б исправить не мог.

VI

Пусть легковесного слова не скажут уста,
Речь у тебя да не будет небрежно пуста:
Знай, что не держит никто языка твоего,
Слово нельзя отпустить, не обдумав его.
Знай же, что слово найдет непременно ответ,
Блага, чтоб кануло без воздаяния, — нет.
Милостив будешь к советникам — станешь любим,
Милостив будь и к народу, как к детям своим,
Внуков пойдет от тебя непрерывная нить:
Тысячи тысяч да будут им вечно служить.

VII

Видят, как ты с благородными дружбу ведешь!
Лик твой приятен и мягок, и сам ты хорош,
Думаешь, как бы не вышло ошибки какой.
Будь же таким и тогда, как заходишь в покой:
Перед отверстием в крыше[8] своей не красней,
Не говори, что не видно, каков ты под ней,
И что никто за тобой не следит: и тогда
Светлые духи незримо приходят сюда.
Можно ль предвидеть и их появление здесь?
Может быть, паче у них отвращение есть.

VIII

Если, правитель, ты явишь нам доблесть души,
Если поступки добры и всегда хороши,
Если хранишь ты заботливо благостный вид,
Без упущений ведешь себя, как надлежит,
Если чужды тебе будут обида и грех,
Разве не будешь, правитель, примером для всех?
Кто мне подарит душистого персика плод,
Сливу всегда от меня в благодарность возьмет.
Кто ж от ягненка захочет рогов, не шутя,
Только обманом потешит себя, как дитя[9].

IX

Ствол деревца, если нежен он, гибок, упруг,
Шелковой нитью покроют и сделают лук.
В том, кто исполнен вниманья к другим и тепла,
Доблесть в таком человеке опору нашла.
Если я мудрого разумом вижу и сам
Тут же его поучаю я добрым словам,
Будет добро он послушно творить до конца;
Если ж случится учить от природы глупца,
Скажет, напротив, такой, что я вовсе не прав:
Каждый в народе имеет свой собственный нрав.

X

Малый ребенок недавно явился на свет,
Не понимает еще, что добро и что нет;

Я же не только ребенка за ручку вожу,
Но непременно и дело ему покажу;
Кроме того, что учу его с глазу на глаз,
Уши, бывает, ему надираю не раз.
Если ж ты скажешь, что сам неразумен, — то ложь.
На руки сына и сам ты порою берешь.
Кто, как не полный гордыни, постигнув с утра,
Только к закату исполнил бы дело добра.

XI

Неба державного всепроникающий свет!
В жизни моей ни веселья, ни радости нет.
Вижу я, мрак омрачил тебя, точно во сне,
Болью болеет от этого сердце во мне.
Я поучал тебя, вновь повторяя слова,
С видом небрежным меня ты прослушал едва,
Не за того меня счел ты, кто учит людей,
А за того меня счел, кто другому злодей.
Если ж ты скажешь, что разумом сам не велик, —
Вспомни, что сам ты почтенный глубокий старик!

XII

Если ж и впрямь ты как малый ребенок теперь,
Древние истины я повествую, поверь!
Слушай и следуй отныне советам моим,
Горьким раскаяньем после не будешь томим.
Небо нам беды и скорби послало пока,
Гибель, скажу я, и этому царству близка.
Мне за примером не надо далеко идти:
Небо державное, знай, не блуждает в пути.
Кто ж исказил в себе доблесть врожденную, тот
Сам навлекает великую скорбь на народ!

ОДА БЕСЧЕСТНЫМ ПРАВИТЕЛЯМ
(III, III, 3)

I

Нежная в пышной листве шелковица[10],
Тень ее всюду под нею ложится.
Листья сорвали, и ствол засыхает;
Люди без тени под нею страдают.

Сердце безмерной точится тоскою,
В скорби своей я не знаю покоя.
Вышнее небо, повсюду твой свет;
Разве ко мне сострадания нет?

II

Кони в четверках могучи, могучи,
Носятся сокол и змеи, как тучи,
Мира не стало, и смута родится,
К гибели каждое царство стремится[11].
Черноволосых в народе не встретишь[12],
Всюду лишь горе и пепел заметишь.
Горе! Печалью исполнен народ:
Царство опасной дорогой идет!

III

Царство идет к своей гибели скорой,
Небо оставило нас без опоры!
Даже пристанища нам не найти.
Как мы идем, по какому пути?
Коль благородные люди на деле
В сердце охоты к вражде не имели,
Кто ж породил бесконечное зло,
Что нас к несчастью теперь привело?

IV

Скорбное сердце тоскою изныло:
Вспоминая о доме и родине милой.
Видно, родился в недоброе время:
Вынес я гнева небесного бремя.
С дальнего запада шел на восток я:
Места найти, где б укрыться, не мог я,
Много страданий я видел — сильней
Боль испытал у родных рубежей.

V

Держишь советы, и сам ты на страже:
Слабнешь, а смута расширилась даже!
Правду скажу вам про ваши печали —
Если б к себе мудрецов приближали,

Кто же горячее взял бы рукою,
Не остудив его прежде водою?
Можем ли кончить мы дело добром,
Если все вместе в пучину идем?

VI

Ветер навстречу подует — пожалуй,
С ним и не справится путник усталый...
Люди в народе есть доброго нрава,
Но говорят: «Мы не справимся, право!»
Вместе с народом и до утомленья
Любят пахать они вместо кормленья[13].
И лишь один земледельческий труд
Вместо «кормленья» и ценят и чтут.

VII

Небо нам смуты и смерти послало:
Царь наш лишен уже мощи бывалой.
Шлет оно вредных жуков, угрожая
Хлебные нивы лишить урожая.
Царство в великой печали и в горе:
Все в запустенье окажется вскоре.
Силы не стало хребет распрямить,
Взор на синеющий свод обратить!

VIII

Царь справедливость проявит — и вежды
Люди, очнувшись, поднимут с надеждой...
Планы задумавши, — пусть не однажды
Царь проследит за помощником каждым!
Если ж бессмысленно всех ты неволишь,
Правым считаешь себя одного лишь,
Прихоти следуешь только — и вот,
В ярость безумья приводишь народ!

IX

В чаще лесов ты увидишь: под сенью
Дружно стадами гуляют олени...
Здесь же друзья прекословят друг другу,
Доброе дело не ставят в заслугу!

Есть поговорка: куда ни пойдешь —
Взад ли, вперед ли — все в ров попадешь!

X

Мудрого взгляду и мудрого речи
Сразу сто ли перейти — недалече[14];
Если же глупого взять для примера,
Рад он безумствовать всюду без меры...
Слово дрожит у меня на устах —
Вымолвить только мешает мне страх...

XI

Добрые люди нашлись бы, но сами
Их не зовут и не дарят чинами;
Тех же, чье жесткое сердце сурово,
Ценят все более снова и снова.
Смуты народ полюбил наш и рад
Горький точить и губительный яд!

XII

Ветер великий путями своими
Долами бродит — пустыми, большими...
Коль человек добронравен — ужели
Добрым себя не окажет на деле?!
Кто же злонравен и дерзостен, тот
Темной и грязной дорогой идет.

XIII

Ветер великий пути свои любит...
Алчный — своих же товарищей губит.
Слушали б — знали бы правду мою;
Ныне ж, как пьяный, лишь песню пою.
Добрыми царь небрежет, — и от дум
Больше и больше мутится мой ум!

XIV

Ныне же, друг ты мой милый, ужели
Песню слагал я, не ведая цели?

Песня моя — точно дротик летящий,
Мелкую мошку порою разящий...
Шел я спасти тебя, песню пропев, —
Встретил в ответ лишь угрозу и гнев.

XV

То, что выходит народ за пределы, —
Это — его совратителей дело!
Зло причинять ему — входит в обычай,
Только, пожалуй, не сладить с добычей!
Те, кто народ наш с пути совратил,
Спорят над ним изо всех своих сил.

XVI

Будет народ успокоен не скоро,
Грабят народ наш жестокие воры.
«Это нельзя», — говорят лицемеры,
Лгут за спиной и поносят без меры.
«Это не мы!» Но ответите вы,
Песню про вас я слагаю, увы!

ОДА О ЗАСУХЕ
(III, III, 4)

I

Горела ярко звездная река[15],
Кружа, пересекала небосвод.
И царь сказал: «Увы мне, горе нам!
Чем ныне провинился наш народ?
Послало небо смуты нам и смерть
И год за годом снова голод шлет.
Все духам я моленья возносил,
Жертв не жалея. Яшмы и нефрит
Истощены в казне. Иль голос мой
Не слышен стал и небом я забыт?

II

А засуха ужасна и грозна,
И зной, скопясь, поднялся к небесам.

Я жертвы непрестанно возношу,
Переходя с мольбой из храма в храм.
Давно погребены мои дары[16]
И небу, и земле, и всем богам;
Но князь Зерно помочь в беде не мог,
А царь небесный не снисходит к нам.
Чем видеть мор и гибель на земле,
Я кару принял бы за царство сам!

III

А засуха ужасна и грозна!
Ее не отвратить, и смерть кругом,
И страхом я и ужасом объят,
Как будто надо мной грохочет гром.
О царство Чжоу, где же твой народ?
Калек, и тех не остается в нем!
Небес великих вышний государь,
Ужель царя ты не оставишь в нем?
О предки, как нам в трепет не прийти?
Не станет жертв пред вашим алтарем![17]

IV

А засуха ужасна и грозна!
Ее не угасить, и все в огне,
И все кругом покрыл палящий зной,
И места нет, куда б сокрыться мне.
Надежды нет, куда ни бросишь взор
Судеб великих близится конец!
Я помощи не вижу от князей,
Издревле правивших в моей стране...
Ужель вы не жалеете меня,
Отец, и мать, и предки в вышине?

V

А засуха ужасна и грозна!
Гора иссохла, и иссяк поток,
И всюду сеет пламя и пожар
Свирепый демон — засух грозный бог.
Изнемогает сердце от жары —
Как бы огонь больное сердце сжег!

Князья, что древле правили страной,
Не слышат нас (мой голос одинок).
Небес великих вышний государь,
О, если б я уйти в изгнанье мог!

VI

А засуха ужасна и грозна!
В смятенье я — бежать мешает страх,
И засухой, не знаю сам за что,
Наказан я, и этот край исчах!
У стран земли моля обильный год[18],
Я жертвы в срок вознес на алтарях.
Небес великих вышний государь,
Ужель забыл ты о моих мольбах?
Пресветлых духов чтил я — не должны
Меня их гнев и ярость ввергнуть в прах.

VII

А засуха ужасна и грозна!
Все разбрелись кругом, ослаб закон,
В беде правители моей страны,
Советник царский скорбью поражен.
Начальник стражи нашего дворца,
И конюший, и кравчий — двух сторон
Вельможи[19] — все спешат помочь, никто
Не говорит, что не способен он[20]...
Я взор подъял к великим небесам —
Ужель удел мой только боль и стон?

VIII

Я взор подъял к великим небесам —
Сверкают звезды, предвещая зной!
Мужи совета, доблести мужи,
Свершили все под светлой вышиной.
Судеб великих близится конец —
Не оставляйте труд ваш!.. Я иной
Удел у неба не себе ищу,
А вам, что правите моей страной.
Я взор подъял к великим небесам:
«Да будет милость их и мир со мной!»

ОДА ШЭНЬСКОМУ КНЯЗЮ[21]

(III, III, 5)

I

Горы святые[22] высоки, велики:
Самого неба достигли их пики.
Духа сошла с них священная тень,
Фу порождает он роды и Шэнь[23].
Шэнь поднялися и Фу и с тех пор
Стали для Чжоу[24] на место опор,
Царств четырех они стали стеной,
Доблесть явили пред нашей страной!

II

Трудится Шэнь-князь, по царскому слову
Подвиги предков продолжить готовый.
Жалован в Се[25] был столицею он,
Южным уделом, — в пример и закон.
Шаоский князь, отряженный царем,
Строит для Шэнь и столицу, и дом,
Юг устрояет: пребудут в веках
Подвиги Шэнь у потомства в руках!

III

Шэньского князя царь чтит приказаньем:
«Южным уделам служить назиданьем;
И чтобы жители сеской земли
Город и крепость тебе возвели».
Шао велел царь, чтоб подати все
С шэньских земель собиралися в Се.
Домоправителю велено вдруг
В Се перевесть домочадцев и слуг.

IV

В Се начались для князя работы,
Князю из Шао тут было заботы.
Прежде воздвиг он вкруг города вал,
Храм и с пристройками после создал;
Храм тот пространно построенный был.
Шаньскому князю наш царь подарил
Сильных-пресильных четыре коня,
Бляхи блестят на них ярче огня.

V

Царь отправляет его из столицы
В царской с четверкой коней колеснице.
«Думал о доме твоем, не нашли
Места достойнее южной земли.
Яшмовый жезл я тебе подарю —
Знак драгоценный, что служишь царю.
Дядя царя своего ты, иди,
Южные наши владенья блюди!»

VI

Вот шэньский князь отправляется, следом
В Мэй[26] его царь угощает обедом.
Шэньскому князю на юг повернуть
Надо, он в Се направляет свой путь.
Князю из Шао приказано: все
Были бы подати собраны в Се,
Чтоб в закромах накопилось зерно,
Князю в пути пригодится оно!

VII

Шэньский наш князь так воинственно, смело
В Се приезжает, и свита поспела;
Тьма колесниц, и спешит пешеход.
В царстве великом ликует народ:
«Добрый оплот ныне будет и щит!
Шэньский наш князь разве не знаменит?!
Дядя старейший царя! Наконец,
Будет для власти живой образец!»[27]

VIII

Шэньский наш князь трех достоинств радетель;
Мягкий, прямой он, для всех благодетель.
Он успокоил уделы страны,
Славою князя все царства полны.
Цзифу[28] сложил эту песню о нем,
Сложена песня с большим мастерством:
Полное звуков согласье творю,
Шэньскому князю ту песню дарю.

ОДА ЦАРСКОМУ НАСТАВНИКУ ЧЖУН ШАНЬФУ[*]

(III, III, 6)

I

Небо, рождая на свет человеческий род,
Тело и правило жизни всем людям дает.
Люди, храня этот вечный закон, хороши,
Любят и ценят безмерную доблесть души.
Небо, державно взирая на чжоуский дом,
Землю внизу осветило горящим лучом,
И, чтобы Сына небес не коснулося зло,
Небо в защиту ему Чжун Шаньфу родило.

II

Доблестью духа был наш Чжун Шаньфу одарен,
Мягок, прекрасен, всегда почитал он закон,
Видом достойным и всем выраженьем лица,
Был осторожен, внимателен был до конца.
Древних реченья как правила жизни любил,
Вид величавый блюдя изо всех своих сил.
Сыну небес был послушен всегда и не раз
Всем возвещал государя пресветлый приказ.

III

Царь говорит: «Чжун Шаньфу, повеленью внемли;
Будь ты примером властителям нашей земли,
Предков своих продолжая заслуги и путь,
Царской особе ты телохранителем будь.
Царскую волю вещая и всюду творя,
Будешь ты сам языком и устами царя!
Наши решенья везде быть известны должны,
Их да исполнят четыре предела страны!»

IV

Важными, важными были приказы царя:
Чжун исполняет их, царскую волю творя.
Был ли послушен иль был непокорен удел —
Светлым умом Чжун Шаньфу это все разумел.

Разума ясность и мудрость ему помогла
И самому оградиться от всякого зла.
Отдыха он не имеет ни в утро, ни в ночь,
Чтоб одному человеку[30] в правленье помочь.

V

Мягкий кусочек легко принимают уста,
Выплюнешь твердый кусок не жуя изо рта —
Тоже сложил поговорку такую народ.
Но Чжун Шаньфу человек был, однако, не тот:
Мягкий кусочек его не глотали уста,
Твердый кусок не выплевывал он изо рта —
Не угнетал, как другие, он сирых и вдов,
Сильных отпора не труся, был с ними суров!

VI

Доблесть души человека легка, точно пух,
Редкий поднять ее только найдет в себе дух —
Тоже сложил поговорку такую народ.
Я поразмыслил, подумал над нею, и вот,
Только один Чжун Шаньфу и поднять ее мог,
Я, хоть люблю его, в этом ему не помог.
Царское платье с изъяном бывает[31], не зря
Лишь Чжун Шаньфу не боится поправить царя.

VII

Жертву приносит Чжун духам дороги: на ней
Крепких из крепких четверка могучих коней.
Быстрые, быстрые люди собрались в поход:
Думает каждый из них лишь, что он не дойдет.
Мощные, мощные кони четверкою в ряд,
Восемь на них колокольчиков звоном звенят.
Царь повеление дал Чжун Шаньфу, чтобы в срок
Крепость построить, он ехал теперь на восток.

VIII

Сильными, сильными были четыре коня,
Восемь бубенчиков брякают, звоном звеня:
В княжество Ци[32] Чжун Шаньфу отправляется мой.
О, поскорей, поскорей возвращайся домой!

Цзифу хотел бы, тебе эту песню сложив,
Нежную песню, как чистого ветра порыв,
Чтоб, Чжун Шаньфу, среди долгих раздумий твоих,
В сердце вошел и печали утишил сей стих.

ОДА ХАНЬСКОМУ КНЯЗЮ[33]
(III, III, 7)

I

Мощные, мощные Лянские горы[34],
Юй лишь один их измерил просторы.
Ханьский наш князь на великом пути,
Должен к царю за указом идти[35].
Княжеский жезл царь вручает и званье:
«Дабы продолжил ты предков деянья.
Долг не нарушив пред нами, о князь,
Денно и нощно трудись, не ленясь.
Если ты долг свой исполнишь исправно,
Мы не изменим указ наш державный[36].
Дань ко двору не несущих смиря,
Будешь помощником верным царя».

II

Кони в четверке прекрасны и ровны,
Длинны тела их и ростом огромны.
Ханьский наш князь к государю спешит,
С ним его скипетр — чистый нефрит.
Принят был князь государем, потом
Сделаны были подарки царем:
Знамя узорное с перьями птицы,
Верх и резное ярмо к колеснице,
В сбруе чеканные пряжки горят,
Алые туфли и черный халат,
Тут же тигровая шкура лежала,
Вожжи из кожи с кольцом из металла.

III

Жертву приносит всех путников богу
Князь этот ханьский, пускаясь в дорогу.
В Ту ночевал князь, и там для него
Сянь-фу[37] готовил уже торжество.

С чистым вином сто кувшинов могли бы
Всех напоить, черепахи и рыбы,
И для приправы к ним поданы лишь
В нежных побегах бамбук и камыш.
Был он одарен, пред тем как проститься,
Царской упряжкой с большой колесницей.
Блюд было множество там, на пиру
Были князья, что пришли ко двору.

IV

Князь избирает супругой желанной
Дочку сестры государя Фэнь-вана[38],
Гуй-фу, советника царского, дочь.
Ханьский наш князь, чтобы делу помочь,
К Гуй-фу поехал за девою тою:
Сто колесниц — красота красотою,
Восемь бубенчиков звоном звенят —
Блеск этот разве не радует взгляд?
Вышла невеста и с нею сестрицы —
Словно как туча по небу стремится;
Ханьский наш князь оглядел их в упор —
Словно бы блеском наполнился взор!

V

Гуй-фу с великой отвагою, смело
Все объезжает на свете уделы
И не находит для Хань-цзи[39] своей
Ханьского славного царства милей.
В ханьской земле этой радуют взоры
Реки большие, большие озера,
Жирны здесь окуни, жирны лещи,
Ланей же — сколько угодно ищи,
Тут и медведи — большой есть и малый,
Диких котов здесь и тигров достало.
Доброму месту был Гуй-фу наш рад:
Будет для Хань-цзи премного услад.

VI

Ханьский был город велик и достоин,
Некогда яньским народом построен[40].

Предкам указ был торжественно дан:
Править народами варварских стран.
Снова обласкан был князь государем:
Чжуй ему дарим и Мо ему дарим.
Севера земли преемствуя, он
Станет главой для окрестных племен.
Стены да строит со рвами и башни,
Пусть собирает он подати с пашни,
В дань представляя, другим не в пример,
Бурых медведей и рыжих пантер.

ОДА ШАОСКОМУ КНЯЗЮ ХУ[41]

(III, III, 8)

I

В Цзяне и Хань высока, высока вода...
Мощным потоком, солдаты, спешим сюда.
Отдых неведом нам вовсе и чужд покой:
Ищем мы варваров там, за Хуай[42] рекой.
Вышли уже колесницы у нас в поход,
С соколом знамя расшитое вновь встает.
Ни отдохнуть не могу, ни замедлить шаг:
Стройное войско сразится и дикий враг.

II

Воды и в Хань, и в Цзяне кипят, кипят...
Грозный из грозных вид у моих солдат!
И, успокоив пределы своей страны,
Мы известить о победе царя должны.
«Мирны теперь пределы твоей земли,
Царским владеньям твердый оплот нашли».
Нынче у нас надолго окончен спор...
В сердце царя нисходит покой с тех пор.

III

...Там возле Хань и Цзяна, где рать у нас,
Вновь Шао Ху получает царя приказ:
«Наши расширить земли мы слали рать,
Здесь, на границах, подать с земли собрать,

Мы не тесним с обидою наш народ,
Пусть, как у нас, и всюду налог идет!
Земли межуйте, делите поля скорей,
Так поступайте до самых южных морей!»

IV

Вновь Шао Ху получает приказ царя:
«Так поступайте всюду, указ творя.
В дни, когда Просвещенный престол снискал[43],
Шаоский князь для Чжоу опорой стал.
Нас ты теперь дитятей считать забудь!
Шаоский князь, ты предку подобен будь.
Славны твои заслуги, и по трудам
Счастьем великим ныне тебе воздам!

V

Дам я скипетр из яшмы и кубок в нем[44],
Для возлияний предкам кувшин с вином.
В храме, где Просвещенный, — его спросив[45], —
Много я дам тебе гор, земель и нив!
Ныне от Чжоу получишь ты мой указ,
Примешь, как предок Шао, свой сан от нас».
Ху поклонился в землю, сказав в ответ:
«Царь да живет наш долгие тысячи лет!»

VI

Ху поклонился в землю, обряд творя
И восхваляя милость и дар царя.
Запечатлел князь Шао свои дела —
Тысячи лет Сыну неба, царю — хвала!
Светлый-пресветлый принял владыка вид,
Добрая слава о нем без конца гремит,
Доблести дух высокий он нам несет,
Благом исполнив царства и свой народ!

ОДА ПОДВИГАМ ЦАРЯ СЮАНЬ-ВАНА

(III, III, 9)

I

Грозный из грозных и светлый-пресветлый у нас
Царь Сюань-ван! Он советнику отдал приказ —

То Хуан-фу, достославного Нань-чжуна внук,
Царского дома великий наставник и друг[46]:
«В строй расположишь ты ныне шесть ратей моих.
Наше оружье сперва приготовив для них,
С должной опаской (дабы не узнали враги)
Южным уделам скорее в беде помоги».

II

Инь господину[47] наш царь говорит, торопясь:
«Сю-фу, приказ напиши, чтобы чэнский тот князь
Войско и справа и слева расставил в ряды,
Рати свои остерег бы в пути от беды.
Следуя вдоль по Хуай, по ее берегам,
Сюйские земли[48] как надо разведал бы сам;
Чтобы не ставил солдат, не держал их в пути,
Дабы три рода работ продолжали идти».

III

Грозный из грозных, великий, великий был царь —
Полный величия, истинный наш государь!
Рати царя, мы неспешно, спокойно идем,
В ком не сжимаясь и не разбредаясь кругом.
Сюйскую землю тревога объемлет — и вот
Страхом объятый трепещет весь сюйский народ,
В молниях будто, обрушился грома раскат,
Сюйский народ весь трепещет — он страхом объят!

IV

Наш государь проявил свой воинственный пыл:
Весь встрепенулся — так гнев его яростен был.
Двинул он воинов, храбрых, как тигры, вперед,
Тигру подобный, что в ярости гневной ревет!
Густо отряды усеяли берег реки,
Пленных хватают — их толпы уже велики.
В добром порядке отныне Хуай берега,
Царские рати здесь встали на место врага.

V

Царские рати спешат за отрядом отряд —
Словно на крыльях, вперед устремляясь, летят,

Точно как Цзян и как Хань, велики и быстры,
Несокрушимые, будто подножье горы,
Будто струит свои воды могучий поток!
Строй их порвать и нарушить никто бы не мог.
Неизмеримы и непобедимы никем! —
Сюйское царство они покорили совсем.

VI

Были стремленья царя и честны и ясны —
Вот и склонился народ этой Сюйской страны.
Сюйские земли едины становятся вдруг —
Это плоды государевых были заслуг!
Мирны уже все четыре предела с тех пор;
Сюйские люди теперь посещают наш двор[49].
Сюйские страны уже не изменят свой путь!
Царь приказал по домам наши рати вернуть.

ЦАРЮ Ю-ВАНУ[50]

(III, III, 10)

I

Я взор подъемлю к небесам,
Но нет в них сожаленья к нам.
Давно уже покоя нет,
И непосильно бремя бед!
Где родины моей оплот?
Мы страждем, гибнет наш народ:
Как червь, его грызете вы,
Мученьям нет конца, увы!
Законов сеть и день и ночь
Ждет жертв — и нечем им помочь!

II

Имел сосед твой много нив —
Но ты их отнял, захватив;
Другой имел людей и слуг —
Ты силой их похитил вдруг;
Кто был безвинен, чист и прав,
Того схватил ты, в узы взяв;
А кто и впрямь закон попрал,
Того простил и обласкал.

III

Мужчина град возвел — умен,
Да женщиной разрушен он!
В жене прекрасной есть, увы,
Коварство злобное совы.
Коль с длинным языком жена,
Все беды к вам влечет она.
Не в небесах источник смут,
А в женщине причина тут.
Ни поучений, ни бесед
Для евнухов и женщин нет.

IV

Пред ложью жен молчат мужи:
Лгут, отрекаясь ото лжи!
Как скажешь: «Вам преграды нет!»
«Что ж тут плохого?» — их ответ.
Как благородным на базар
Сбывать за три цены товар, —
Так не к лицу жене твоей
Оставить кросна и червей![51]

V

Зачем же неба грозный глас
И духи благ лишили нас?
Презрев набеги диких орд,
Ты лишь со мной гневлив и горд[52],
Перед несчастьем не скорбя!
И нет величья у тебя,
И верных нет людей — и вот,
Все царство к гибели идет!

VI

Нам небо ныне беды шлет;
Увы, уж им потерян счет.
Нет праведных людей в стране
Скорбь раздирает сердце мне.
А небеса нам беды шлют,
Они близки, они грядут.

Нет, нет людей, день ото дня
Печальней сердце у меня!

VII

Коль бьет и брызжет водный ток —
Тогда исток его глубок.
Коль в сердце горечь так сильна —
Сейчас ли началась она?
Зачем пришел не раньше нас,
Не позже этот скорбный час?
О небо! Так ли сильно зло,
Чтоб ты исправить не могло?!
На предков стыд не навлекай —
Своих потомков, царь, спасай!

ОДА БЕСЧЕСТНЫМ СОВЕТНИКАМ ЦАРЯ
(III, III, 11)

I

Небо благое взъярилось и гнева полно —
Щедро нам смерти теперь посылает оно,
Нас удручая, послало нам голод и мор.
Весь наш народ, погибая, разбрелся кругом,
В царстве до самых границ запустенье с тех пор.

II

Карами небо как неводом нас облекло!
Черви, грызущие нивы! Вы сеете зло.
Долга не помня, и мрак и насилье творя,
Злые смутьяны, вы призваны править страной,
Нашу страну успокоить по воле царя!

III

Горды-прегорды, клевещут, клевещут на всех —
Царь и не знает, каков их губительный грех!
Нас же, имеющих совесть, преследует страх...
Очень давно мы покоя совсем лишены:
Нас понижают, однако, все время в чинах.

IV

Это подобно тому, как в засушливый год
Пышно-зеленой трава никогда не растет;
В птичьем гнезде засыхает цветок водяной...
Как посмотрю я на нашу родную страну —
Смуты повсюду, повсюду над этой страной!

V

Были богаты мы в древние те времена...
Что же, богата, — но только несчастьем страна!
Горя такого, как ныне скопилося в ней,
Горя такого еще не бывало сильней!
Вы — будто в рисе отборном плохое зерно! —
Сами от службы зачем не откажетесь вы,
Чтобы не длилось несчастье, не крепло оно?

VI

Если иссохнет вода, наполнявшая пруд,
Не говорят ли, что берег причиною тут?
Если источник живой высыхает — тогда
Не говорят ли, что в нем иссякает вода?[53]
Ширится этот от вас истекающий вред,
Горе растет — и беда за бедою вослед!
Разве я сам не страдаю от тяжести бед?

VII

В дни, когда Чжоу престол приняла, воцарясь,
Люди такие бывали, как шаоский князь[54]:
За день тогда возрастала земля на сто ли, —
Ныне же за день по скольку теряем земли?
Тоже сто ли ежедневно теряет страна.
Горе нам, горе! Какие пришли времена!
Или среди появившихся ныне на свет
Древним подобных людей на земле нашей нет?

IV

ГИМНЫ

I. ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

В ХРАМЕ
(IV, I, 1)

О, этот храм величественный и чистый!
Помощники светлые[1] в полном согласье, почтенья
исполнясь,
И множество служек, толпами, толпами к храму
явившись,
Доблесть царя Просвещенного ныне храня
И отвечая ему, отошедшему в небо, —
Быстро большими шагами шествуют в храм.
Не светел ли он, не чтится ли вечно?!
И люди ему не наскучат!

ГИМН ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ
(IV, I, 2)

Неба веленья и путь
Сколь в тайне своей бесконечны!
Разве не блещет в чистом единстве своем
Царя Просвещенного доблесть?!

Если же снидут на нас великие милости неба,
Мы их приемлем! Царю Просвещенному, нашему
предку,
Будем из всех наших сил подражать;
Отдаленные наши потомки к тому же да будут
стремиться усердно.

ГИМН ЗАКОНАМ ЦАРЯ ПРОСВЕЩЕННОГО

(IV, I, 3)

Ясны законы царя Просвещенного,
Вечно да будут блистать!
С времени первого жертвоприношенья доныне
Дали они совершенство стране,
Счастье для Чжоу.

ВЫ, КНЯЗЬЯ ПРОСВЕЩЕННЫЕ[1]

(IV, I, 4)

Вы, князья просвещенные, славные, нас одарили
Благом и счастьем вот этим —
Милостью этою к нам бесконечной.
Дети и внуки пусть вечно ее сохраняют!

Не вымогали и не расточали вы в княжествах ваших!
Мы, наш владыка, вам почести жалуем ныне за это,
Помня о ваших вот этих высоких заслугах,
Ваши потомки, наследуя, их увеличат!

В мире ничто не бывает сильней человека:
Царства природы учиться к нему прибегают.
Нет и светлей ничего, чем душевная доблесть, —
Сотни владык подражают ей вечно.
Прежние наши цари да не будут забыты!

ГИМН ТАЙ-ВАНУ И ВЭНЬ-ВАНУ

(IV, I, 5)

Создало небо высокую гору.
Земли вокруг нее — предок Тай-ван[3] обработал,
Дело начавши.
Царь наш, Вэнь-ван, в мире страну успокоил.
Были обрывисты горы — однако
Ровные к Циской горе[4] протянулись дороги!
Дети и внуки их да сохраняют!

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ВАНУ

(IV, I, 6)

Небо великое определило волю свою возложить:
Два государя[5] приняли небесную волю.
Царь наш Чэн-ван[6], в покое остаться не смея,
С утра и до ночи волю небес укреплял,
умудренный и мирный,
Светлую славу отцов он продолжил,
Все сердце свое отдавая державе
И ей покой обеспечив.

ГИМН ВЕРХОВНОМУ ВЛАДЫКЕ НЕБА И ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ

(IV, I, 7)

В жертву, как дар, принесли мы овцу и быка.
Неба владыка! Направо от них снизойди —
На почетное место! —

Приняв их за правило, — следуем и подражаем законам
царя Просвещенного,
Царства четыре предела вседневно покоя.
Он, одаривший нас благом, царь Просвещенный,
Направо — на месте почетном — радостно жертву
приемлет.

Мы утром и ночью
Чтим благоговейно величие неба,
Навечно дары его сохраняя.

ГИМН ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ

(IV, I, 8)

Мы в должное время объехали княжества наши.
Небо благое нас сыном признало своим.

Небо поставило Чжоу на месте почетном,
преемственность дав,
И немного мы всех всколыхнули князей —

Так всколыхнули, что каждый затрясся от страха!
Духов же светлых мы всех смягчили, к себе привлекая,
Также и духов рек и священных обрывистых гор.
Истинно стали царем и державным владыкой!

Светлая в блеске своем стала преславною Чжоу.
Мы по закону на должности ставим советников наших;
Копья, а также щиты повелели собрать,
Луки и стрелы вложить обратно в колчаны.
К доблести мудрой мы тогда устремились,
Распространяя ее по древнему Ся[7].
Истинный царь, — мы будем все это хранить!

ГИМН ЦАРЯМ У-ВАНУ, ЧЭН-ВАНУ И КАН-ВАНУ

(IV, I, 9)

Силой и мощью владеет наш предок У-ван:
В славе заслуг с ним поспорить никто бы не мог.
Разве не светлы цари и Чэн-ван, и Кан-ван?![8]
Был им престол их верховным владыкою дан.

Только Чэн-ван и Кан-ван — эти оба царя
Царства четыре приемлют, так ярко горя,
Светлый их свет разливается, все озаря!

Бьют в барабаны и колокол в лад они, в лад;
Цины с гуанем в согласье звучат и звучат.
Небо послало нам много обильных наград.

Небо нам счастье огромным-огромное шлет,
В нашей осанке торжественный виден почет.
Вот и упились вином и отведали яств.
Счастье и радость великие небо нам шлет.

ГИМН ГОСУДАРЮ ЗЕРНО

(IV, I, 10)

О просвещенный Зерно государь!
Смогший быть небу подобным,

Зерном одарил ты народ наш.
Такого, чего не достиг бы ты, — нет ничего!
Нам подарил ты ячмень и пшеницу,
По повеленью владыки небес всюду народ наш питая.

Не зная границ и пределов,
Всюду по древнему Ся вечные распространил ты
законы!

II. ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

ПОВЕЛЕНИЕ ЦАРЯ СОВЕТНИКАМ, ВЕДАЮЩИМ ПОЛЕВЫМИ РАБОТАМИ

(IV, II, 1)

О вы, советники наши и слуги,
Ревностны будьте, свой долг исполняя!
Царь дал вам правила эти,
Чтобы над ними размыслить вам и подумать.
О вы, надсмотрщики пашен!
Конец весны наступает.
К чему еще нам стремиться?
Как обработать новые пашни?
О, сколь прекрасны ячмень и пшеница!
Мы соберем этот светлый дар неба.
Светлый, в блеске своем, верховный владыка
Ныне подаст нам год изобильный.
Прикажите всем нашим людям:
Лопаты с мотыгами пусть приготовят.
Скоро увидим: серпы срезают нам жатву!

ПОВЕЛЕНИЕ ЦАРЯ НАДСМОТРЩИКАМ ЗА ПОЛЕВЫМИ РАБОТАМИ

(IV, II, 2)

О государь наш, покойный Чэн-ван,
В блеске своем присутствует с вами.
Ведите своих земледельцев
Сеять различные виды хлебов.
Личные пашни свои да возделают ныне усердно
На протяжении всех тридцати ли[1].
Пусть будут на пашне прилежны,
Чтобы стократную жатву собрать на каждую
дружную пару![2]

ПРИВЕТСТВИЕ ГОСТЯМ

(IV, II, 3)

Мы любовались над западным озером, как
Стаей над водами белые цапли летят.
Гости явились к нам ныне, и думаем мы:
Точно у цапель, прекрасен их вид и наряд.

Гнева и там да не будет на них и стыда,
Здесь не наскучат они никому никогда.
Мы бы желали, чтоб ночи и дни им была
Вечной за это высокая честь и хвала.

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА УРОЖАЙ

(IV, II, 4)

Риса довольно и много теперь ячменя
В год урожайный — и полон высокий амбар!
Ныне несчетные меры зерна у меня.
Сварим хмельное мы и молодое вино:
В жертву да будет всем дедам и бабкам оно.
Все мы исполним обряды — в избытке зерно!
Счастье великое будет нам небом дано.

СЛЕПЫЕ ЯВИЛИСЬ

(IV, II, 5)

Слепые явились, слепые явились
На чжоуский храмовый двор!

Гребень зубчатый ставят на пару опор,
Зубья и перья цветные нам радуют взор,
Вешают малый, а с ним и большой барабан,
Чжу деревянный и юй, цинов звонкий набор[3].
Музыка слышится... Вот ударяют в тимпан,
Флейта с гуанем в общий вплетаются хор.

Звуки раздались торжественно, в лад они, в лад
С должною важностью стройные звуки звучат.
Слушают музыку предки[4]: приятна она!
Гости, что ныне явились к нам ко двору,
Долго звучанию внемлют: их радость сильна!

ГИМН ПРИ ПРИНЕСЕНИИ В ЖЕРТВУ РЫБ

(IV, II, 6)

В Цюй, как и в Ци[5], в каждой этой реке
Рыбы помногу бывает в садке.
Жирная стерлядь плывет с осетром,
Карпы, угри и голавль с лещом.
В дар мы приносим их предкам своим —
Счастье великое снидет в наш дом!

ГИМН УСОПШИМ РОДИТЕЛЯМ ЦАРЯ

(IV, II, 7)

В полном согласье явились к нам ныне друзья,
Ныне пришли вы, почтительность важную
нам показав,
Здесь помогают в служении предку князья.
Ныне Сын неба и царь величав, величав.

В жертву приносят большого быка, наконец,
Нам помогают дары разложить... Господин,
О наш усопший великий, державный отец!
Будет тобой успокоен почтительный сын.

Ты, человек проницательной мудрости сам,
Царь Просвещенный, ты был и отважен и смел!
Радость и мир ты державным принес небесам,
В славе своей возвеличить потомство сумел.

Дай долголетье до белых бровей, без конца,
Пусть наше счастье великое также растет!
Ныне почет воздавая заслугам отца,
Матери мудрой мы также окажем почет.

БЛАГОДАРЕНИЕ КНЯЗЬЯМ, ПРИНИМАВШИМ УЧАСТИЕ В ЦАРСКОМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ

(IV, II, 8)

Ныне князья предстают пред царем, говоря:
Ищем законы свои утвердить у царя[6].
Вижу: знамена с драконами так и горят,
В сбруе коней колокольчики звоном звенят.

Кольцами звонко бряцают в упряжке ремни:
В блеске прекрасном и светлом явились они.

В храм пред таблицу усопшего их привели,
Сами сыновнепочтительно дар принесли.

К нам долголетье до белых бровей снизойдет,
Многое множество будет прекрасных щедрот,
Вечно их будем хранить, мы обязаны вам,
Славным заслугами и просвещенным князьям,
Тем, что благами обильно осыпан наш дом.
Блеск их продолжим навек в чистом счастье своем!

ПРИЕМ ДОРОГОГО ГОСТЯ
(IV, II, 9)

Гость к нам явился, гость к нам явился:
Белые кони его!
Полны почтенья, — яшме точеной
Люди подобны из свиты его.

Гость к нам явился — он только ночует;
Гость к нам явился — он будет две ночи.
Дать ему надо побольше веревок,
Чтобы коней он своих привязал.

Ах, уезжает! Его мы проводим —
Будет обласкан со всех он сторон.
Он удостоен почета большого,
Счастье нисходит так просто к нему!

ГИМН ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ
(IV, II, 10)

О державный Воинственный царь,
Равных нет преславным твоим деяньям!
Царь Просвещенный воистину был просвещенным:
Смог он подвиг начать, что завершили потомки;
Ты же, Воинственный царь, наследуя, принял его,
Инь победил, прекращая повсюду убийства[7], —
Тем утвердил ты свой подвиг.

III. ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

ГИМН УСОПШЕМУ ОТЦУ

(IV, III, 1)

Я, исполненный горя, как малый ребенок,
Принял дом наш, а он неустроен; один
Сирота сиротою в глубокой печали.
О усопший отец мой и наш господин,
Ты всегда был и будешь почтительный сын.

В мыслях ты, о державный, преславный наш
предок, —
Воспаришь ты и снидешь на храмовый двор![1]
Только сам я теперь, словно малый ребенок,
Дни и ночи чтить буду тебя с этих пор.

Нет забвения предкам державным моим! —
Мы, наследуя предкам, их труд завершим!

ГИМН УСОПШЕМУ ОТЦУ

(IV, III, 2)

Посовещавшись, свое начинаем правленье.
Следовать будем отцу, чья таблица
на озаренной стене.
Ах, далеко, далеко он ушел!
Нам весь его путь не закончить,
Мы бы хотели приблизиться только к нему:
Путь продолжая, еще от него отклонимся!
Мы подобны теперь малому только дитяти:
Трудностей много у нас — нет еще сил побороть.
Но духи всегда во дворе, поднимаясь и вновь
опускаясь,
То воспарят они ввысь, то вновь в этот дом снизойдут.

Знаем: в своей доброте державный отец наш усопший
Нас сохранит навсегда и светом своим просветит.

ОБРАЩЕНИЕ ЦАРЯ К СОВЕТНИКАМ

(IV, III, 3)

Будьте вниманья, будьте почтенья полны:
Небо нам свет свой являет теперь с вышины!
Волю и милость его сохранить нелегко,
Не говорите: оно высоко, высоко.
С высей всегда снисходя, оно около нас —
Наши деянья зрит проникающий глаз!

Мы как дитя, что недавно явилось на свет, —
Силы ума и усердия в нас еще нет.
Но, поучаясь, вседневно идем мы вперед:
Путь наш яснеет — он к яркому блеску ведет.
Тяжесть умерьте для нас, что на плечи легла,
И покажите нам доблести светлой дела.

ПОУЧЕНИЕ ЦАРЯ

(IV, III, 4)

Опыт нас учит стараться, чтоб всякое зло
В будущем горьких забот причинить не могло.
Мы никогда не тревожили ос или пчел,
Чтоб не навлечь на себя ядовитый укол.
Был поначалу на персике слабый птенец,
Порх! Улетел он и хищником стал наконец.
Трудностей всех побороть не смогли мы, увы!
Вот и сидим, как среди ядовитой травы.

УРОЖАЙ

(IV, III, 5)

I

Прежде сгоняют траву и корчуют все пни,
Землю кругом раздробят и распашут они.

II

Тысячи пар на прополку явилися вдруг;
С пашен траву вырывают, с обочин вокруг.

III

Вместе с отцами тут старшие их сыновья,
Средние братья и вся остальная семья,
Тут и чужие на помощь сегодня пришли.
Громко жуют они: жены обед принесли.
Мужу милее становится ныне жена,
Мужа сильнее сегодня полюбит она.
Сохи наточат, чтоб каждая стала остра:
Ныне за южные пашни приняться пора.

IV

Всякого злака посеется ныне зерно,
Жизни зародыш в себе заключает оно.

V

Пышные, пышные всходы взошли из земли;
Вдоволь набравшие соков — всех выше росли.

VI

Каждый росток теперь землю сосет и сосет,
Всходы пропалывать вышел рядами народ.

VII

Толпами, толпами вышли жнецы на поля,
Грудами хлеба покрылась повсюду земля.
Груды — числа не имеют. Скопилось зерно —
Будет и крепкое, и молодое вино.
Жертвами дедов и бабок своих одарят:
Хватит вина, чтобы выполнить каждый обряд.

VIII

Запах приятный исходит у нас от вина,
Этим прославлена издавна наша страна.

С перцем вино аромат источает такой,
Что старики обретают в нем мир и покой.

IX

Это не только у нас так велик урожай,
Это не только сей год — изобильнейший год:
С древности наша земля урожаи дает!

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА УРОЖАЙ
(IV, III, 6)

I

Соху наточим — она и добра и остра:
Ныне на южные пашни сбираться пора.

II

Всякого злака посеется ныне зерно,
Жизни зародыш в себе заключает оно.

III

Вас повидать мы на южные пашни придем,
Круглых корзин и прямых мы с собой принесем,
Мы вас накормим сегодня отборным пшеном.

IV

Шапки бамбуковые вдруг в движенье пришли, —
Врезались в землю мотыги, мелькают в пыли, —
Горькие травы повыдерут все из земли.

V

Горькие травы повяли на месте — и вот
Просо метелками пышно и буйно растет.

VI

Режем серпами колосья, пока не темно.
В плотные, плотные груды ссыпаем зерно;

В груды высокие, как крепостная стена,
Гребню густому как будто подобна она.
Двери раскрыты у сотен домов для зерна.

VII

Полными хлеба стали в селенье дома:
Дети ликуют, ликует хозяйка сама!

VIII

Ныне зарежем мы с черною мордой быка,
Кривы рога его будут и рыжи бока;
В жертву, как прежде бывало, его принесем,
Нашим отцам подражая всегда и во всем.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЮ[2]

(IV, III, 7)

Шелк их одежд чистотою достойной блистал,
Шапки надели, как должно, почтенья полны[3];
Входят они в переходы из храмовых зал.
После овец осмотрели, как надо, быков...
В малые смотрят, а также в большие котлы,
Кубки поставили из носорожьих рогов,
Доброго, мягкого вкусом налили вина.
Голос их ровен, в манерах надменности нет.
Будет в награду им долгая старость дана.

О, КАК ПРЕКРАСНЫ БЫЛИ РАТИ

(IV, III, 8)

О, как прекрасны были рати царя![4]
Он соответственно их воспитал — времена были
темные,
Вот в чистом блеске время настало,
И вот надевает он латы из кожи большие.
Мы по милости неба приняли это
Отважным, отважным царем совершенное дело.
И, чтобы его продолжать,
Воистину искренно мы подражаем деяньям твоим.

ГИМН ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ
(IV, III, 9)

В мире покоятся тысячи царств,
Часто бывает год изобильный:
Небо волю свою не отрешило от нас.
Отважный, отважный Воинственный царь,
Воинов своих сохранил ты;
Поставив их по четырем рубежам страны,
Смог укрепить ты свой дом.
Сколь ты блистаешь на небе,
Наш государь, сменивший иньских царей!

ГИМН ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ[5]
(IV, III, 10)

Царь Просвещенный прославлен своими трудами,
Эти труды, как и должно, приемлются нами;
Мы их продолжим везде, поучаясь и помня.
Царству идем мы отныне искать укрепленья,
Волею Чжоу свои получая владенья,
Этим трудам всегда поучаясь, их помня.

О ДЕРЖАВНЫЙ ДОМ ЧЖОУ
(IV, III, 11)

О державный дом Чжоу!
Мы перешли высокие горы,
Узкие эти хребты и священные горы крутые[6];
Следуя Желтой реке, теперь успокоенной,
Повсюду в стране Поднебесной
Всех собрали, ответили всем.
Такова воля Чжоу.

IV. ГИМНЫ КНЯЗЕЙ ЛУ[1]

МОЩНЫЕ БЫЛИ У НАС СКАКУНЫ
(IV, IV, 1)

I

Мощные, рослые были у нас скакуны,
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Черные лошади с белым на бедрах пятном,
Серые, желтые и вороные паслись;
С топотом мчат колесницу, и слышится гром.
Кони такие не знают предела, — и что ж?
Только подумал о конях — и каждый хорош!

II

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Белые с желтым есть кони и серые есть,
Есть красно-рыжие кони и черные есть;
Мчат колесницу они, и добры и сильны.
Только без срока и устали кони — легки.
Только подумал о конях — а кони крепки.

III

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны,
Как в чешуе, в черно-синий окрашены цвет,
Рыжие, белые с черными гривами есть;
Мчат колесницу они — точно устали нет.
Верно, усталость уж этих коней не берет!
Только подумал — и кони рванулись вперед.

IV

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Серые кони и пегие кони, взгляни:
В белых чулках и с глазами там есть как у рыб;
Мчат колесницу, сильны и могучи они.
Смотрят на этих — порока ни в чем не найдут,
Только подумал о конях — и кони идут!

НА ПИРУ У КНЯЗЯ

(IV, IV, 2)

I

Мощные кони, мощные кони,
Пегие кони в четверках стоят.
Утром и ночью в покоях у князя
Светлые гости рассажены в ряд.
Цапель слетается белая стая[2];
Белые цапли на землю слетают;
А барабаны звучат и звучат.
Гости пьяны: они пляшут, играя.
Вместе они веселятся.

II

Мощные кони, мощные кони!
Каждая лошадь в четверке сильна.
Утром и ночью в покоях у князя
Гости сегодня за чашей вина,
Цапель слетается белая стая,
Белые цапли слетаются к нам,
А барабаны звучат и звучат.
Гости пьяны — и пора по домам.
Вместе они веселятся.

III

Мощные кони, мощные кони!
Кони в четверках — как серый металл.

Утром и ночью в дворцовых покоях
Князь, угощая гостей, пировал.
«Чтобы отныне всегда наперед
Был бы у нас урожай что ни год!
Неба щедроты прими, государь,
И передай их в свой княжеский род!»
Вместе они веселятся.

ПОСЕЩЕНИЕ ШКОЛЫ[1]

(IV, IV, 3)

I

Здесь в полукруглом пруду так приятна вода,
Травы душистые ныне в пруду этом рвем.
Луский наш князь прибывает сегодня сюда,
Вижу расшитое знамя с драконом на нем.
Знамя с драконом колышется так на ветру,
Звонкую слышу бубенчиков в сбруе игру.
Не разбирая большого и малого тут,
Люди, стремяся за князем, толпою идут.

II

Здесь в полукруглом пруду так приятна вода,
Травы мы рвем из поросших растеньями вод.
Луский наш князь прибывает сегодня сюда,
Кони могучи, могучи и рвутся вперед.
Кони могучи, могучи и рвутся вперед;
Слава его в светозарном сиянье растет.
Светло лицо его, и улыбается рот:
Без нетерпения он поучает народ.

III

Здесь в полукруглом пруду так приятна вода,
Травы сбираем: травою богата она.
Луский наш князь прибывает сегодня сюда,
В школе у нас он отведает ныне вина.
Если отведает доброго в школе вина,
Позднею старостью будет тогда награжден,
Долгим путем и великим последует он,
Будет покорен народ, почитая закон.

IV

Полный достоинств, достоинств высоких наш князь,
К доблести светлой своей неизменно ревнив,
Вид величаво достойный он всюду хранит,
Вечный собою пример для народа явив.
Сколь просвещен он и сколь он воинственно смел:
Предков преславных возрадовать блеском сумел,
Был он почтительным сыном везде и всегда.
Счастье от неба снискал себе прочно в удел.

V

Светлого, светлого разума — луский наш князь!
Может сиять нам достоинством светлым своим:
Ныне устроил для школы и пруд, и дворец.
Варваров этих — с Хуай — мы ему покорим.
Тиграм подобны отважные люди его!
Уши врагов в этой школе кладут перед ним!
Пленников — судьи премудрые, как Гао-яо[4],
В школе представят ему как добычу свою.

VI

Множество храбрых толпится, и каждый из них
Больше не станет без толку шуметь и кричать,
С жалобой больше не станут являться на суд —
В школу дела боевые свои понесут!
И многолюдная, грозная, грозная рать
Больше не станет без толку шуметь и кричать,
С жалобой больше не станут являться на суд —
В школу дела боевые свои понесут!

VII

Туго натянут рогами украшенный лук —
Сотнями стрелы со свистом взвиваются вдруг;
Сколько имеешь больших боевых колесниц,
Воинов множество крепких и крепких возниц!
Варваров ты за рекою Хуай покоришь,
Больше не встанут они из-за нашей руки!
Тверды да будут предначертанья твои —
И овладеешь народом у этой реки.

VIII

Птицы крикливые к нам залетают сюда —
Сядут они на деревья у школы, и вдруг,
Тутовых ягод лишь только они поедят,
Нас услаждает приятного пения звук.
В разум придут эти варвары — там, на Хуай,
В дар понесут драгоценности с этой поры:
Кости слоновой и местных больших черепах...
С золотом юга великие будут дары!

ПОСЕЩЕНИЕ ХРАМА

(IV, IV, 4)

I

В месте и скрытом, и тихом мы создали храм;
Был он прекрасной постройки и кренок и прям.
Нету нигде Цзян Юани почтенней жены:
Доблесть ее не имела ни в чем кривизны,
Неба верховный владыка послал благодать:
Месяцы вышли, и срок не замедлил настать.
Небом без боли и муки ей было дано
Нашего предка родить — государя Зерно.
Небо ему ниспослало премного щедрот:
Просо и злак, что позднее всех прочих растет.
Рожь и бобы и тот злак, что всех ранее зрел,
Скоро Зерно-государь получает удел.
Людям велит он возделывать землю вокруг:
Сорго и желтое просо явилися вдруг,
Черное просо и рис появились. Была
Вся Поднебесная скоро научена им.
Так он продолжил преславные Юя дела[5].

II

Внука оставил преславный Зерно-государь —
Это Тай-ван[6] был, великий наш предок и царь.
А поселился он к югу от Циской горы,
Шанское царство он стал подрывать[7] в те поры.
Позже Вэнь-ван воцарился, за ним и У-ван,
Подвиг они продолжали, что начал Тай-ван.

Гнева и воли небес завершился предел,
И на равнине Муе[8] этот бой закипел.
«Царь, не смущаясь сомненьем, начни этот бой:
Неба верховный владыка пребудет с тобой!»
Шанскую рать он карает, разбив ее вдруг;
Были другие участники царских заслуг.
«Дядя! — наш царь говорит[9] тогда, — я бы хотел
Вашему старшему сыну назначить удел.
Княжить над луской землею ему надлежит;
Да возвеличит он ваши владенья и дом,
Будет весь род ваш для Чжоу опора и щит».

III

Лускому князю[10] пожалован царский указ:
Княжить и править ему на востоке у нас,
Гор ему дал царь, лугов, и потоков, и нив,
Земли окрестные князю навек подчинив.
Тот, чьим прославленным предком был чжоуский князь,
Сын Чжуан-гуна[11], теперь в этот храм соберясь,
Жертвы приносит. На знамени шитый дракон,
Вожжи мягки у его колесницы, и он
Ревностно осенью каждой и каждой весной
Жертвы приносит, не пропустив ни одной,
Славному неба владыке и с ним заодно
Предку, великому столь государю Зерно.
Бык красно-рыжий приносится в дар в эти дни —
Жертву приемлют, ее одобряя, они.
Много пошлют они князю за это щедрот.
Чжоуский князь и державные предки твои
Счастьем тебя одаряют, о князь, что ни год.

IV

В осень ты предкам приносишь могучих быков,
С лета им брус деревянный кладут вдоль рогов;
Белый один, красно-рыжая шерсть на другом.
Жертвенный кубок прекрасен, налитый вином.
Тут поросенок, и мясо, и чистый отвар,
Стол в деревянных сосудах, назначенных в дар.
Танцы, все время меняяся, радуют взгляд.
Внукам почтительным предки награду дарят.

В блеске своем ты, всегда процветая, живешь,
Да долголетен ты будешь и будешь хорош!
Будет хранима восточная эта страна,
Лускому княжеству вечность да будет дана!
Нет ей ущерба, утесы ее не падут,
Не задрожит, не падет она в ужасе смут!
Три долголетия князю, да вечно живет,
Точно возвышенный холм или горный хребет!

V

Тысяча, князь, у тебя колесниц боевых,
Красными лентами копья украшены в них,
Шелком зеленым обвиты два лука стоят;
Ты тридцать тысяч имеешь пехотных солдат —
Раковин шлемы украсила красная нить —
Рать велика, велика, и ее не сломить.
Варварам севера дав надлежащий отпор,
Цзинские орды и Шу[12] остановим, с тех пор
С нами никто не посмеет столкнуться в борьбе.
Пусть же расцвет лучезарный да будет тебе!
Будь же богат, долголетен, да правишь страной
С желтой космою волос и дельфиньей спиной[13].
Старцев почтенных и мудрых на помощь избрав,
В славе своей да пребудешь ты, князь, величав!
Старости ты не достигнешь и будешь ты сед!
Князь наш да здравствует тысячи, тысячи лет,
Старость до белых бровей, без болезней и бед!

VI

Тайская эта гора высока и крута[14] —
Луские люди глядят на святые места.
Чуйская наша и Мынская наша гора —
Дальним востоком владеть нам настала пора,
Будет достигнут с морями граничащий край.
К нам за союзом придут и народы с Хуай:
Больше не будет страны, чтоб за нами не шла.
Луского князя да будут преславны дела!

VII

Фуские горы и Иские мы сохраним,
Сюйские земли да будут владеньем твоим,

Будет достигнут с морями граничащий край,
Мань покорятся, и мо[15], и народы с Хуай.
Станут покорными варвары южной земли —
Стран да не будет таких, чтоб за нами не шли.
Ныне никто не посмеет оспаривать нас —
Луского князя послушно исполнит приказ.

VIII

Чистое счастье князю от неба дано,
Князю до старости Лу сохранять суждено.
Чан и Сюйтянь возвратив в их родимый удел[16],
Он восстановит все то, чем князь Чжоу владел.
Счастье и радость да примешь ты, луский наш князь,
С доброй супругой и матерью старой делясь;
С ним и вельможи и все остальные чины
Вечно владеют пределами нашей страны.
Милостей много от неба принять будь готов,
Старость до желтых волос и до детских зубов[17].

IX

Сосны на горных отрогах Цулая росли,
Горные туи мы взяли с синьфуской земли.
Мы их срубили и точно измерили тут:
Мерой служили шнурок в восемь футов и фут.
Балки сосновые были собой велики —
К храму пристройки вышли весьма широки;
Новый прекрасный, прекрасный отстроился храм —
Си-сы, строительный мастер, создал его сам.
Длинен весьма и пространен храм видом своим —
Тысячи разных людей любуются им.

V. ГИМНЫ ДОМА ШАН[1]

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ТАНУ[2]
(IV, V, 1)

О, сколь прекрасно, сколь изобильно:
И барабаны, и бубны мы расставляем как надо;
Громко, так громко в согласье звучат барабаны.
Нашим прославленным предкам да будет отрада!

Правнук твой с музыкой ныне пришел к тебе, Тан;
Думы мои успокой, их исполнивши вдруг.
Пусть барабаны звучат далеко, далеко;
Чисто, так чисто гуаня разносится звук.
Стройная музыка в полном согласье звучит,
С нею подвешенных цинов сливается звук;

Правнук Чэн-тана, ныне он сколь величав!
Каждый прекрасен, прекрасен той музыки звук.
Мы в барабаны и колокол бьем и гремим;
Танцы прекрасны — следом один за другим.
Ныне прекрасные гости собрались у нас;
Разве не радостно, разве не весело им?

Некогда раньше и с самых древнейших времен
Подал благие примеры нам прежний народ:
Был так приветлив и утром и вечером он,
Дело свершая, был ревностных полон забот.

Предок Чэн-тан, благосклонно на жертвы взгляни;
Правнуком Тана приносятся ныне они!

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ТАНУ

(IV, V, 2)

Царь, сколь преславны дела твоего праотца —
Милости правнуку шлет неизменные он.
Снова и снова щедроты он шлет без конца —
Ими осыпан тобой занимаемый трон.

Чистым вином моим чаши уже налиты;
Мыслей моих исполнение даруешь ты!
Вкусом приятен мясной этот чистый отвар,
Мы осторожно и мирно приносим свой дар.
К жертве явись; мы безмолвны, молчанье храним.
Споров не будет перед приходом твоим.
Белые брови — да будет мне дар праотца,
Желтые волосы — вечная жизнь без конца.

Втулки их в коже, узорные ярма в ремнях...
Восемь бубенчиков звоном звонят в удилах,
Съехались жертву принесть тебе вместе со мной[3]:
Принял я власть над обширной и мощной страной.
Шлет на страну благоденствие небо с высот;
Жатвы обильны, обильны у нас что ни год.
Жертвы вкушает — приблизился дух праотца —
Счастье пошлет он потомкам своим без конца.

Предок Чэн-тан, благосклонно на жертвы взгляни;
Правнуком Тана приносятся ныне они.

ГИМН ЦАРЯМ ЧЭН-ТАНУ И У-ДИНУ[4]

(IV, V, 3)

Ласточка, волей небес опустившись с высот,
Шанских царей порождает прославленный род[5].
В иньской земле поселясь, возвеличился Шан:
В древности волей владыки воинственный Тан
Правил и ставил границы в пределах всех стран.

Жаловать стал он указы на царства князьям,
Над девятью областями он царствовал сам.
Это был первый из шанских царей властелин,
Твердо владел он властью от неба один —
Ею владеет потомок Чэн-тана — У-дин.

Правнук Чэн-тана, У-дин наш, воинственно смел!
Нету страны, чтобы он победить не сумел.
С тканым драконом десятки упряжек в наш дом
Ныне привозят дары драгоценным пшеном.

Где наш народ поселился, на тысячу ли
Тянутся площади собственной царской земли,
Вплоть до морей рубежи его царства дошли.

Многое множество к нам с побережий морей
Ныне является чтить своих шанских царей.
Цзинский наш холм лишь Река обтекает кругом[6].
Инь справедливо приняла от неба свой дом:
Милости неба безмерные будут на нем!

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ТАНУ И ЕГО ПРЕДКАМ
(IV, V, 4)

I

Шанские предки были глубоко мудры,
Знаки величья являя нам с давней поры.
Воды потопа широко, широко пошли —
Юй приводить стал в порядок пределы земли.
Царства большие, что прежде лежали вовне,
Взяты в границы в нашей возросшей стране[7].
Суны[8] сильны — и владыка[9] их сына берет,
Ставит на царство. Шанский так начался род.

II

Черный наш царь[10] в управленье страною был смел:
Малый удел ему дали — он в малом успел;
Дали большой — он успел и в большом, говорят.
Без упущений он выполнил каждый обряд;
Только покажет — и все в соответствии вдруг!
Сян-ту[11] прославился славой великих заслуг:
Добрый порядок царил за морями вокруг.

III

Воля владыки была нерушима для Шан:
Время пришло — сочетался с ней царь наш Чэн-тан

Тан народился не поздно, не рано, а в срок;
Мудр и усерден, вперед подвигался как мог,
Долго сиял благочестием блеск его дел,
Чтимый Чэн-таном верховный владыка — ему
Быть образцом девяти областей повелел.

IV

Яшмы держал и большие, и малые он:
Стали уделы кистями у царских знамен[12].
Счастье он принял от неба — и славен с тех пор:
Слабым не быв, — не решал он и силою спор;
Твердым не быв, — был изнеженной мягкости враг;
Правя повсюду, любезен, любезен был всем!
Небо его осчастливило множеством благ.

V

Дани большие и малые принял от царств —
Силу и мощь подчиненных ему государств!
Милость от неба ему неизменно была:
Смелый, отважные всюду вершил он дела.
Не задрожал он от ужаса, неколебим,
Страха не ведал, боязни не знал он совсем —
Множеством благ осчастливленный небом самим.

VI

Царь наш воинственный стяг тогда выставил свой;
Тигру подобный, — он взял свой топор боевой;
Точно огонь, воспылал в нем воинственный жар. —
Нет никого, кто б ответить посмел на удар:
Отпрыска три еще выпустил гибнущий ствол[13],
Но ни один не развился и в рост не пошел.
В девять пределов свой добрый порядок неся,
Княжество Вэй покарал он и княжество Гу,
После Гунь-у покарал и последнего Ся.

VII

Ряд поколений прошел уже в те времена...
Вся колебалась, в опасности близкой, страна.

Только явился Сын неба воистину — вдруг
Шлет ему небо в советники преданных слуг! —
В помощь Чэн-тану державший кормило[14] был дан —
Верный помощник царю — основателю Шан.

ГИМН ПРЕДКУ[15]

(IV, V, 5)

Иньский наш царь, проявив свой воинственный пыл,
В путь устремился и скоро Цзин-Чу покорил,
В глубь этих горных ущелий проник он, — и вот
Разом себе подчиняет весь цзинский народ,
В добрый порядок приводит страну до конца:
Тана потомок, идет он путем праотца.

«Вы, обитатели этого царства Цзин-Чу,
К югу от нас вы живете. Сказать вам хочу:
Древле, с тех пор как у нас воцарился Чэн-тан, —
К нам — из вождей отдаленных народов ди-цян
С данью никто не посмел не явиться пока,
К нашим царям не посмел не прийти, говоря:
«Этот обычай от Шан учрежден на века!»

Каждый из многих поставленных небом владык
В странах, устроенных Юем, столицу воздвиг,
И что ни год к государю является князь:
«Ты не карай, не кори меня, царь! — говорит. —
Об урожае я пекся своем, не ленясь».

Небо следит неустанно, спускаясь с высот, —
Царь да страшится и свой почитает народ!
В милостях царь был умерен и в карах не строг.

Вечно трудясь, отдыхать он не смел и не мог.
Воля владыки небес снизошла на царя,
Крепкое счастье ему неизменно даря.
Добрый порядок в столице, устроенной Шан:
Царь образцом ее сделал для множества стран.

Всюду великий, великий идет о нем слух —
Светом пресветлый блистает усопшего дух.

Царь долголетен был, в мире покоил народ,
Нас, что за ним родились, навсегда соблюдет!

Ныне по склонам на гору Цзиншань поднялись:
Сосны и туи на ней устремилися ввысь.
Мы их срубили, сюда привезли, а потом,
Их окорив, обтесали стволы топором.
Толстые балки длины оказались такой,
Как надлежало. Со множеством мощных колонн
Храм завершили. Да будет в нем вечный покой!

КОММЕНТАРИИ

В настоящей работе переводчик ставил своей задачей ознакомить советского читателя с древнейшим памятником китайского художественно-поэтического творчества, сыгравшим большую роль как в развитии китайской литературы, так и в развитии культуры стран Дальнего Востока — Кореи, Японии и Индокитая. Мы рассматриваем «Книгу песен» как один из величайших и древнейших памятников мировой поэзии, памятуя о том, что она является первым по времени памятником, озвученным рифмами. Высокая техника стиха, речь о которой будет ниже, убедительно свидетельствует, что «Книга песен», будучи собранием самых ранних из дошедших до нас произведений китайской литературы, не является самым ранним вообще: ее содержание и форма показывают, что она сложилась на базе многовековой и многосторонней стихотворной культуры. Из такого понимания памятника вытекали и самые принципы нашего перевода.

Песни, оды и гимны «Шицзина» написаны правильными четырехсловными или четырехсложными размерами. Отступлений от этого общего правила так мало, они встречаются столь редко в огромном материале памятника, что мы можем говорить о безукоризненно правильных размерах, которыми написан «Шицзин». Нужно учесть притом, что «Шицзин» дошел до нас в иероглифах, скрывающих звучание обозначенных ими слов древнекитайского языка, и что в настоящее время восстановлены только его рифмы, порядок которых указывался еще во II в. до н. э. ханьскими учеными, когда древнее звучание еще сравнительно мало изменилось. Таким образом, ритмические рисунки «Шицзина» нам неизвестны. Не зная ритмической природы памятника, мы не имеем никакого основания говорить о ритмической бедности древнего стиха; мы можем только сказать, что этому стиху была уже присуща не примитивная, а пока еще неизвестная нам, но четкая и правильная ритмика.

Проанализируем построение строф и чередование строк в строфе. Рассмотрим, например, строфу вторую оды «Вышнего неба державен Верховный владыка» в дословном переводе, где все добавленные нами слова (выразить одним русским словом значение одного древнекитайского слова зачастую и в данном случае невозможно) мы поставили в скобки:

(Он) вычистил их, (прочь он) удалил их,
(Деревья сухие) стоящие (из) них (и гнилые) лежащие (из) них.
(Он) подрезал их, (он) подровнял их.
(Дикие) заросли (из) них (и культурные) аллеи (из) них.

Здесь мы наблюдаем излюбленный китайскими поэтами стилистический прием — параллелизм, доходящий до последних мелочей. Первая и третья строки и далее — вторая и четвертая — построены совершенно параллельно как в смысловом, так и в синтаксическом отношениях вплоть до расстановки служебных слов. И в первой и в третьей строке мы видим по два сказуемых, выраженных сходными по смыслу словами, почти синонимами, в обеих строках опущены подлежащие и наличествуют местоименные объекты. Вторая и четвертая строки раскрывают нам эти объекты в виде антитез, расчленяясь сами (как первая и третья строки) на два равнозначных компонента. Подобные приемы продолжаются в оде и дальше; вся она в литературном отношении отработана чрезвычайно четко и чеканно.

Мы могли бы привести сотни подобных мест в «Шицзине». Каждому синологу известен параллелизм как изощреннейший и любимейший литературный прием в Китае, и то обстоятельство, что этот прием так четко употребляется в «Книге песен», убедительно показывает, что «Шицзин» ни в коем случае не примитив, а продукт длительного развития поэтической культуры.

Известно, что все песни, оды и большинство гимнов «Шицзина» состоят из двух или большего количества строф. Количество строк в строфе варьируется от двух до семнадцати, но сами строфы не чередуются как придется (исключение составляют только некоторые гимны): их расположение подчинено определенному композиционному замыслу. В песнях этот момент очевиден: это — большей частью произведения из трех, реже из двух, еще реже из большего количества равнострочных и одинаковых по композиции строф. Но в больших произведениях, где порою чередуются строфы различных размеров, такие чередования никогда не носят характера случайности, а связаны с содержанием и смысловым поворотом самого стиха.

Мы предлагаем читателю самому обратить внимание на случаи чередования строф различных размеров и убедиться во внутренней закономерности этого явления и строгости древнекитайской композиции и в этом отношении.

Наконец, мы останавливаем внимание читателя еще на одном чрезвычайно существенном, неотделимом от китайского стиха элементе — на рифме. Вряд ли существует в мире какая-либо другая поэзия, отводившая рифме столь существенное место, как китайская, и какая-либо другая средневековая поэтика, создавшая что-нибудь подобное знаменитому китайско-

му «словарю рифм» — «Пэйвэнь юньфу», изданному в 1711 году. «Шицзин», оснащенный рифмой на тысячу лет раньше любого другого памятника мировой поэзии, являет нам не случайно вкрапленную в текст рифму, а строгую систему рифм, неразрывно связанную с архитектоникой строки и всего стихотворения. Рассмотрим с точки зрения рифмы стихотворение «Северный ветер» (рифмы в переводе расставлены точно в тех же местах, где они стоят в китайском тексте):

Северный ветер дыханьем пахнул ледяным,
Снежные хлопья упали покровом густым...
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — вместе отсюда бежим.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Северный ветер... Пронзительный слышится вой —
Снежные хлопья летят над моей головой.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — в путь мы отправимся свой.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Край этот страшный — рыжих лисиц сторона;
Признак зловещий — воронов стая черна.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — у нас колесница одна!
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Здесь мы видим не просто наличие рифмы, а систему рифм, органически связанную с композицией всего произведения. Мы обращаем внимание читателей, как, связанная воедино повтором третьей строки и рефреном, а также повторами начальных полустрок в двух первых строфах, выковалась прекраснейшая форма древнего китайского стихотворения, свидетельствующая о высокой культуре поэтического творчества и о совершенстве стихотворной техники мастеров, создавших песни, оды и гимны, вошедшие в «Шицзин». Форма эта не случайна, она проходит красной нитью через всю «Книгу песен», которую достаточно расположить в ином порядке, чтобы показать, как эта форма постепенно создавалась и совершенствовалась. Она также и не единственная: «Шицзин» дает нам многочисленные образцы иных форм и поэтических приемов. Самый поверхностный анализ памятника показывает, что «Шицзин» является плодом многовековой стихотворной культуры, предшествующей созданию его песен, и что поэты «Шицзина» владели всей полнотой этой культуры.

Основной трудностью художественного перевода с древнекитайского языка является его крайняя лаконичность. Об этой

лаконичности языка неоднократно говорит в своем комментарии к «Шицзину» и Чжу Си. Например, подлежащее в тексте «Шицзина» очень часто опускается, особенно в тех случаях, когда подлежащими мыслятся личные местоимения. Между тем все три личных местоимения встречаются в тексте и даже для каждого из трех лиц (лексическое или грамматическое выражение единственного и множественного числа отсутствовало) существовало по два и по три различных слова. Значит, местоименные подлежащие в тексте песен отсутствовали не потому, что самих местоимений в языке не существовало, а потому, что этого требовал установившийся поэтический стиль.

Ритмы древних китайских стихов, как мы говорили, нам неизвестны. Иногда практикоаалась в стихотворных переводах с китайского механическая замена каждого китайского слова двухсложной стопой. За явной бесполезностью этого приема при переводе «Шицзина», в котором строка почти везде состоит из четырех слов, мы от него отказались и предоставили себе полную свободу в выборе русских размеров для нашего перевода.

Сохраняя количество строк китайского оригинала, мы обычно сохраняем в большинстве наших переводов и китайскую архитектонику строк и систему рифм, воссоздавая таким образом своеобразие древней китайской поэзии. Этот элемент древнего стиха тем более заслуживает внимания, что ряд литературных приемов, с ним связанных (рефрены, перемена рифм в смежных строфах при неизменности остальных слов, перестановка строк и т. п.), свидетельствуют о высокой технике стихосложения этой эпохи. Технические трудности, связанные с принятым нами методом перевода, помешали нам применить его ко всем без исключения произведениям, вошедшим в «Шицзин». Однако нам удалось выдержать этот принцип в подавляющем большинстве переводов песен из книги «Нравы царств», а также при переводе некоторых од и гимнов.

Нас могут упрекнуть в том, что мы якобы часто применяли будто бы недопустимый для стихов «Шицзина» перенос предложения из строки в строку. Мы должны решительно отвергнуть такое возражение. Насколько часто у нас это встречается, предоставляем судить читателю. Что же касается переноса предложения из строки в строку в самом «Шицзине», то для разрешения этого вопроса берем первую строфу первого стихотворения в «Шицзине» — «Встреча невесты». Если о первых двух строках можно спорить: одно ли это предложение или два, то перенос предложения из третьей строки в четвертую в китайском тексте не оставляет никакого сомнения. Даем дословный перевод этих строк:

Тихая, скромная, милая девушка
(Будет) супругу доброй женой.

Таковы в общих чертах принципы нашего перевода.

«Книга песен» просуществовала в Китае уже более двух с половиною тысяч лет как неувядаемый образец высокого поэтического мастерства. Стилистические приемы «Книги песен» — ее система рифм, повторы слов и особенно параллелизмы смежных предложений — вплоть до последнего времени были и основными стилистическими приемами всей китайской поэзии. Четырехсложный размер «Книги песен» в так называемых «правильных стихах», расстановка рифм (типа «а, а, б, в») в танских четверостишиях, ее зачины и переходы от конкретных образов окружающей природы к лирическому чувству самого поэта просуществовали тысячи лет. Недаром китайские критики, сравнивая блестящую в истории поэзии Китая танскую эпоху (VII—X вв.) с деревом в полном цвету и плодах, говорят, что корни этого прекрасного дерева — в поэзии древней «Книги песен». Но влияние «Книги песен» не кончается древним и средневековым Китаем ни территориально, ни во времени. В средние века китайская культура и развивавшая традиции «Книги песен» поэзия хлынули широким потоком в Японию, Корею и Индокитай, и мы могли бы найти мотивы «Книги песен» и цитаты из нее и в поэзии этих стран. И если китайскую культуру мы не можем не назвать культурой мировой, то и «Книгу песен», как один из величайших памятников этой культуры, мы не можем не признать литературным памятником мирового значения[1].

I

НРАВЫ ЦАРСТВ

1. Песни царства Чжоу и стран, лежащих к югу от него

[1] *Царство Чжоу.* — Племя чжоу в конце XII в. до н. э. покорило земли в центральной части бассейна р. Хуанхэ. С этих пор до времени Конфуция (VI—V вв. до н. э.), эпохи собирания «Книги песен», и позже все сопредельные княжества были в подчинении у царя Чжоу. Центр древнего царства Чжоу, согласно легенде, лежал у горы Ци, на территории нынешней провинции Шэньси.

[2] *Селезень с уткой* в Китае с древности являются символом супружеской любви и целомудрия.

[3] *С цитрой и гуслями.* — В китайском тексте цинь и сэ, настольные струнные инструменты.

[4] Водяные растения отваривались и применялись новобрачной при жертвоприношении в храме предков мужа. См. также песни I, II, 2 и I, II, 4.

---

[1] Из послесловия переводчика к изданию: Шицзин. Избранные песни. М., ГИХЛ, 1957.

[5] Образ дерева, за ветки и ствол которого цепляются вьющиеся растения, появляется также в оде II, VII, 3, где он относится к старшему в роде.

[6] Песня зародилась, по-видимому, в среде кочевников, для которых саранча не только не являлась бичом (как для земледельческого населения), но могла служить и обильным источником питания. Как обрядовая песня (пожелание плодовитости женам) она не забылась и при переходе к иному способу хозяйствования.

[7] *Жу* — приток р. Хуай, протекающей в провинции Хэнань.

[8] Китайский философ и филолог Чжу Си (XII в.) разъяснял эту строку так: «Если рыба утомилась, то хвост ее краснеет. Хвост леща от природы белый, а теперь он стал красным, значит, усталость его весьма велика». Супруг, вернувшийся после года службы царю, крайне утомлен и подобен лещу с покрасневшим хвостом.

[9] *Линь* — мифическое животное, самка единорога с телом оленя, хвостом быка, копытами лошади и с рогом, имеющим мясистый нарост. Появление его предвещает счастье. «Природа линя добра и благородна, поэтому и стопы его добры и благородны. Он не придавит живой травы, не наступит на живого червя» (Чжу Си).

II. Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него

[1] *Царство Шао* — удел, пожалованный царём Вэнем князю Ши, принадлежавшему к роду царя. Находился к югу от горы Ци на землях древнего царства Чжоу, после передвижения самого царства Чжоу на юго-восток.

[2] Выезд невесты — песня о выезде княжны, предназначенной в жены правителю другого княжества.

[3] Смысл этих строк таков: воробьи живут под пробитою кровлей, но это не значит, что у них есть рога, которыми они могли бы кровлю пробить. Ты вызываешь меня на суд, обвиняя в пренебрежении к брачным обрядам, и, может быть, найдутся люди, которые, узнав об этом, поверят в твою правоту. Однако наш брачный обряд не был закончен, и твое обращение в суд не является доказательством существования брака между нами, как и пробитая кровля — доказательством наличия рогов у воробья.

[4] Прогрызенная мышами стена не является доказательством того, что у мыши есть клыки (их и на самом деле нет); точно так же и твой вызов меня в суд, обвинение меня в пренебрежении к брачным обрядам не является доказательством того, что эти обряды были в действительности совершены и имеют силу обязательств.

[5] Мао — созвездие Плеяд; *Шэнь* — созвездие Ориона.

[6] В песне глухим отзвуком раскрывается тема пережитков экзогамного группового брака, видимо, долго существовавших

среди древней китайской аристократии, особенно среди удельных китайских князей, которые женились на группе близких между собою родственниц, носящих общее родовое имя, не совпадающее с родовым именем их общего супруга.

[7] *Та* — река, впадающая в Янцзыцзян.

[8] *Пин-ван* — царь (770—720 гг. до н. э.).

[9] *Сын циского князя* — сын князя (царя) Ци. См. примеч. к I, VIII.

[10] Чжу Си разъясняет: как сплетение шелковых нитей образует лесу, так и соединение мужчины и женщины образует супружество.

[11] *Цзоу-юй* — название мифического животного. «Белый тигр с черными полосами, который не пожирает ничего живого» (Чжу Си). Здесь это прозвище дано охотнику.

III. Песни царства Бэй

[1] *Царство Бэй* — удел, располагавшийся в пределах нынешней провинции Хэнань. По словам Чжу Си, песни, составившие эту главу, собраны после присоединения удела к княжеству Вэй и рассказывают также о событиях в землях Вэй.

[2] Жалобы жены на мужа, отдавшего предпочтение наложнице, что так же не подобает ему, как ношение зеленого поверх желтого.

[3] По мнению Чжу Си, в песне поется о том, как Чжуан-цзян, вдова вэйского князя Чжуана (756—734 гг. до н. э.), провожала свою подругу Дай-гуй (госпожу Чжун), что возвращалась на родину после смерти князя Хуана (733—718 гг. до н. э.), сына Дай-гуй и приемного сына Чжуан-цзян, убитого своим братом Чжоу-юем, захватившим княжескую власть. Бездетная главная жена князя Чжуана — Чжуан-цзян усыновила сына приехавшей из княжества Чэнь (см. примеч. к I, XII) наложницы Дай-гуй, который и стал благодаря этому законным наследником престола, а впоследствии князем Хуанем. После его убийства его мать возвратилась на родину, в Чэнь.

[4] Иносказательно о себе. В Китае принято было восхвалять собеседника и высказываться о себе уничижительно.

[5] *Цао* — город в княжестве Вэй. Мобилизуя часть мужского населения на войну, князья проводили земляные работы для обороны своих городов, занимая на них остальное население.

[6] *Сун* — сильное царство, располагавшееся в древности на части территорий нынешних провинций Хэнань и Цзянсу.

[7] По положению солнца на небе и по фазам луны женщина определяет счет времени, вспоминая при этом, как долго муж ее несет службу у царя.

[8] Если у репы портится корневище, остается еще годная в пищу листва... Оставленная жена напоминает: пусть красота ее

поблекла, но осталось доброе имя, которым муж пренебрегает более, чем крестьянин листвой репы.

[9] Горечь одиночества, утверждает женщина, много сильнее горечи молочая.

[10] *Вэй* — река, приток Хуанхэ; Цзин — приток Вэй, Цзин мутна, а Вэй чиста, но это бросается в глаза лишь при их слиянии. Да и не всюду мутна Цзин: у разделяющих ее на рукава островов и там, где течение ее несколько замедляется, в ней есть и прозрачные места. Старая жена пользуется этим образом для того, чтобы заметить: увядание ее красоты стало заметным лишь с появлением новой жены. Но и она, стареющая, не утратила известных достоинств.

[11] «При всех обстоятельствах, — утверждает женщина, — и в богатстве и в нужде я всегда выполняла свой долг».

[12] В древних исследованиях «Шицзина» сообщается, что мелкое княжество Ли, лежавшее к западу от Вэй, подверглось набегу варваров. Князь и вельможи Ли бежали в царство Вэй. В этом стихотворении и в следующем (I, III, 12) вельможи княжества Ли пеняют своему князю, что не торопится воротиться на родину, жалуются на советников вэйского князя за промедление с оказанием помощи Ли.

[13] Смысл фразы: разве не к вам, старшие родичи, прибыли наши колесницы с сообщением о нашей беде и с просьбой о помощи? Если к вам, то почему мы не находим в вас сочувствия?

[14] Песнь о тоске женщины, выданной замуж в другое княжество, по своей родине, которую после смерти своих родителей она, в силу обычая, уже не может более посетить. Несоблюдение обычая считалось нарушением долга, приравнивалось к бесчестию.

[15] *Ци* — река в древнем царстве Вэй. Воды потока, стремясь слиться с Ци, бегут на родину тоскующей женщины, которая ныне ей уже недоступна. Мысли женщины также устремлены к берегам Ци.

[16] *Цзи* и *Ни* — местности, которые проезжала новобрачная и ехавшие с нею в качестве вторых жен ее родственницы при путешествии из родного дома в другое княжество, к мужу.

[17] *Гань* и *Янь* — местности, лежащие по дороге в Вэй.

[18] *Фэйцюань* — река, *Цао* и *Сюй* — города в царстве Вэй.

[19] *Гуань* — деревянный духовой инструмент.

IV. Песни царства Юн

[1] *Царство Юн* — удел в пределах уезда Цзи нынешней провинции Хэнань; был, как и княжество Бэй, поглощен царством Вэй. Песни этой главы традиция также связывает с событиями, имевшими место в Вэй.

[2] Второе замужество для вдовы считалось в Китае до недавнего времени поступком предосудительным.

[3] *Мэй* — город в царстве Вэй.

[4] Песнь о том, как князь Вэнь переносил свою столицу из местности Цао (см. I, III, 6) в местность Чу после разгрома ее варварами в 659 г. до н. э.

Наивысшее положение над горизонтом созвездия Дин поздней осенью, в десятую луну по календарю древней династии Ся, служило знаком окончания земледельческих работ для крестьян и начала строительных (повинность в пользу князя).

[5] *Тан* — город в близком соседстве с местностью Чу.

[6] Речь идет о древнейшем из известных в Китае способов гадания. Археологами обнаружены гадательные черепаховые щиты, относящиеся ко II тысячелетию до н. э.

[7] Радуга представляется древнему комментатору примером предосудительного соития светлого мужского начала в природе (солнце) с темным женским (дождь), то есть зримым проявлением безудержности неба и земли. Появление радуги указывает на то, что брак, к которому стремится девушка, не удовлетворяет строгим нормам обычая и осуждается ее близкими, которых она, пренебрегая знамением, безрассудно покидает.

[8] Мчалась утешить — жалоба вэйской княжны, выданной в царство Сюй, на то, что ей препятствуют посетить в нарушение обычая свою родину после смерти родителей и утешить брата, находящегося в беде.

[9] *Царские кудри* — растение, считавшееся целебным средством, разгоняющим печаль.

[10] Вэй подверглось набегу варваров и не в состоянии защищаться своими силами; Сюй слишком мало и не может оказать помощь Вэй. Нужно просить помощи в чужом, более сильном царстве.

V. Песни царства Вэй

[1] *Царство Вэй* было одним из мощных удельных княжеств, сохранившим свою территориальную целостность и независимость во времена правления династии Чжоу вплоть до объединения всего Китая в единую империю династией Цинь в III в. до н. э. Князья Вэй принадлежали к роду царей Чжоу. Государство это занимало части территорий нынешних провинций Хэнань, Хэбэй и Шаньдун.

[2] Удельные князья в древнем Китае по своему достоинству делились на пять степеней: гун, хоу, бо, цзы, нань. Эмблемой достоинства первых трех степеней был нефритовый жезл — каменная пластинка продолговатой формы, двух последующих — яшмовый кружок с отверстием внутри.

[3] Речь идет о колесницах с двумя вертикальными гнутыми столбиками впереди, на которые опирались, когда ехали стоя. Ездить на таких колесницах могли только лица знатного происхождения.

[4] Песня о приезде в царство Вэй невесты князя Чжуана циской княжны Чжуан-цзян, о ее красоте, знатности ее рода. См. также I, III, 3.

[5] Восточные покои отводились обычно наследнику княжеской власти.

[6] *Син* — древнее княжество в пределах нынешней провинции Хэбэй; в 634 г. до н. э. было поглощено царством Вэй. Сестра Чжуан-цзян была выдана замуж за синского князя.

[7] *Тань* — соседнее с Ци мелкое княжество, присоединенное впоследствии циским князем Хуаном к своим владениям. За таньского князя также была выдана замуж одна из сестер Чжуан-цзян.

[8] *Щиты* скрывали от посторонних глаз едущую в повозке женщину.

[9] Вельможи! Спешите домой —не задерживайтесь на приеме у князя, не мешайте ему скорее увидеть невесту.

[10] *Река.* — Имеется в виду р. Хуанхэ.

[11] *Ци* — река, *Дуньцю* — местность в царстве Вэй.

[12] Имеется в виду гадание на щите черепахи. Гадали на тростнике, определяли сочетания непрерывных и прерванных прямых линий на стебле тростника и отыскивали такое же сочетание их и ответ в «Книге перемен», которая использовалась для гадания.

[13] Ягоды тута одурманивают голубей. Точно так же любовь юноши может привести к печальным для девушки последствиям.

[14] И то и другое имеет свои сдерживающие границы, и только ты не сдерживаешь своих поступков никакими нормами поведения.

[15] Женщина вспоминает время своей юности, когда она еще носила девичью прическу.

[16] *Цюаньюань* (Фэйцюань) — река в царстве Вэй.

[17] Пример неправомерного поступка: игла из слоновой кости являлась поясным украшением зрелого мужа, но не отрока.

[18] Дочь вэйской княгини Сюань-цзян, выданная замуж в княжество Сун за князя Хуаня, родила ему сына, но была затем разведена и выслана на родину. Обычай запрещал ей возвратиться в Сун, и мать не имела возможности повидать сына.

[19] *Хэ* — р. Хуанхэ.

[20] Существует ряд толкований этой песни. Переводчик считает, что речь в ней идет о похотливом и хитром мужчине, стремящемся воспользоваться бедностью понравившейся ему девушки.

VI. Песни царской столицы

[1] *Песни царской столицы.* — В эту главу входят песни, собранные в пределах личных владений царей Чжоу вокруг города Ло (вблизи современного Лояна в провинции Хэнань), куда в 769 г. до н. э. царь Чэн перенес столицу из города Хао (территория нынешней провинции Шэньси).

[2] *Шэн* — духовой язычковый музыкальный инструмент, состоящий из многочисленных бамбуковых трубок, вставленных в тыкву.

[3] *Щит*, состоящий из пучка перьев, прикрепленных к древку, являлся обычной принадлежностью танцора.

[4] Людей, связанных узами родства, не разъединят даже самые неблагоприятные обстоятельства.

[5] *Шэнь* — древнее княжество, управлявшееся князьями из рода Цзян. К роду Цзян принадлежала мать чжоуского царя Пина (см. I, II, 13); Шэнь подвергалось нападениям со стороны сильного царства Чу, и поэтому чжоуский Пин-ван послал войска для защиты Шэнь.

[6] *Фу* и *Сюй* — княжества, расположенные вблизи Шэнь. Их князья также принадлежали к роду Цзян.

[7] Древний комментатор полагает, что речь в песне идет о вынужденном расставании мужа и жены из-за наступившей засухи и вызванного ею голода.

[8] Переводчик считает, что в песне поется о девушке, которая не решается бежать с тем, кто, одетый в дворцовое платье, сидит в колеснице для царских сановников. Нерешительность той, от чьего имени поется песня, вполне понятна. Многие песни «Шицзина» говорят о печальных для девушки последствиях такого поступка.

VII. Песни царства Чжэн

[1] *Чжэн* — первоначальное название города, пожалованного чжоуским царем Сюанем (826—781 гг. до н. э.) своему младшему брату князю Хуаню. Город находился в пределах территории нынешней провинции Шэньси. После нападения на царство Чжоу варваров жун и перенесения столицы Чжоу на восток удел Чжэн был перенесен сыном Хуаня в пределы нынешней провинции Хэнань. Впоследствии княжество Чжэн было поглощено княжеством Хань.

[2] В стихах о посещении двора царей Чжоу чжэнскими князьями речь, видимо, идет о подворье, отведенном князю в столице Чжоу на время его службы у царя.

[3] *Цинские люди.* — Имеется в виду войско, набранное в городе Чжэн и посланное князем для защиты границ от варваров ди.

[4] *Пэн, Сяо, Чжу* — названия пунктов (местностей) на р. Хуанхэ.

[5] *Чжэнь, Вей* — названия рек, протекающих по территории княжества Чжэн.

[6] Имеется в виду башня на глинобитной стене изогнутой формы, сооружаемой вокруг ворот в главной стене города. Эта стена и башня на ней прикрывали таким образом доступ к воротам в город.

VIII. Песни царства Ци

[1] *Ци* было одним из наиболее сильных царств эпохи Чжоу. Владения его занимали значительную часть Шаньдунского полуострова. Властители Ци принадлежали к роду Цзян.

[2] *Заслон перед входом* — экран или стена, поставленная непосредственно перед воротами и закрывавшая с улицы вид на дом и внутренний двор; загородка от злых духов, которые, как считалось, летают только по прямой.

[3] *Южные горы возвысились.* — Древние комментаторы указывают, что в песне нашли отзвук следующие события. В 708 г. до н. э. князь Хуань, владетель удела Лу, женился на циской княжне Вэнь-цзян, питавшей непозволительную склонность к своему брату, князю Сяну. Когда последний стал правителем в Ци, Хуань посетил Ци вместе с супругой, хотя обычай запрещал Вэнь-цзян возвращение на родину после смерти родителей. Встретившись, брат и сестра вступили в кровосмесительную связь, князь Хуань был убит.

[4] Похотливому лису, обитающему в высоких горах, уподоблен князь Сян, занявший высокое положение и творивший неправедное.

[5] Речь здесь идет о приготовлениях к свадьбе, и парность вещей в данном случае символизирует брак.

[6] Или, если отец и мать уже умерли, сделать провозглашение о будущей свадьбе перед их таблицами в храме предков.

[7] *Двойное, тройное кольцо* — кольца с подвешенными внутри кольцами меньшего размера.

[8] *Лу* — княжество, лежащее к югу от Ци на полуострове Шаньдун.

[9] *Вэнь* — река, естественный рубеж между княжествами Ци и Лу.

[10] *И стрелы не выходят за щиты* — то есть за квадратные куски кожи, которые пришивались к центру мишеней.

IX. Песни царства Вэй

[1] *Удел Вэй*, песни которого собраны в настоящей главе, в отличие от царства Вэй (см. примеч. к главам III, IV, V), представлял собой небольшое княжество, занимавшее незначитель-

ную территорию в пределах нынешней провинции Шаньси. В 660 г. до н. э. удел был поглощен княжеством Цзинь.

[2] В древнем Китае правая сторона считалась более почетной, поэтому отойти в левую сторону, уступив другому место справа, являлось выражением вежливости.

[2] *Фэнь* — приток р. Хуанхэ, протекающий по территории современной провинции Шаньси.

[3] *Правитель княжьих путей* — ведающий колесницами князя. Эти обязанности возлагались на лиц знатного происхождения.

[5] *Моу* — мера земли; колебалась от 100 до 240 кв. бу (двойных шагов).

X. Песни царства Тан

[1] *Удел Тан* был пожалован чжоуским царем Чэном своему младшему брату в 1106 г. до н. э. Впоследствии название удела было изменено на Цзинь, а столица его перенесена с территории в нынешней Шаньси на территорию в пределах нынешнего Шаньдуна. Удел Цзинь (Тан) был одним из самых могущественных княжеств эпохи династии Чжоу.

[2] *Бурные, бурные воды реки...* См. Нравы царств, гл. VI, примеч. 4.

[3] *У* и *Ху* — названия селений в Тан.

[4] *Тройное созвездие.* — Имеются в виду три звезды из созвездия Скорпиона.

[5] *Рог изголовья* — вырезанный из рога валик, который, отходя ко сну, подкладывают под голову.

[6] Вдове кажется, что еще очень не скоро соединится она с погибшим мужем в его последнем прибежище.

XI. Песни царства Цинь

[1] *Цинь* — крупное царство в древнем Китае; постепенно поглощая один удел за другим, подчинило себе весь Китай и впервые объединило его в III в. до н. э. в мощную империю. Древняя столица Цинь находилась на территории нынешней области Цинь-чжоу в провинции Ганьсу.

[2] Чжу Си отмечал, что зимой приносят в жертву волков, летом — кабаргу, весной и осенью — оленей и вепрей.

[3] Вожжи колесницы продевались для облегчения управления ею в одно подвижное кольцо и затем уже собирались в руках возницы; кольцо это висело, таким образом, между передком колесницы и лошадьми.

[4] *Тройное копье* — трезубец, копье с тремя остриями.

[5] *Кони с резными значками* — с металлическими резными пряжками на груди.

[6] Факт, о котором здесь идет речь, имел место в 621 г. до н. э. Традиция погребения живых людей вместе с покойными князьями держалась в Цинь очень долго. В III в. до н. э. она была соблюдена при погребении первого циньского императора. В других царствах Китая эпохи Чжоу этот обычай сохранился лишь в виде пережитка — захоронения кукол.

XII. Песни царства Чэнь

[1] *Чэнь* — мелкое удельное княжество древнего Китая в пределах территории нынешней провинции Хэнань. Родовое имя чэньских князей было Гуй, они не принадлежали к роду царей Чжоу.

[2] *Перо белой цапли* — принадлежность танцора.

[3] *Накры* — ударный музыкальный инструмент, напоминающий литавры.

[4] *Хэские лещи* — лещи из р. Хуанхэ.

[5] *Цзян из Ци ищи.* — Цзян — родовое имя циских князей. Ужели в жены обязательно брать девушку, принадлежащую к княжескому роду?

[6] *Цзы* — родовое имя сунских князей.

XIII. Песни царства Гуй

[1] *Гуй* — мелкое удельное княжество в пределах территории нынешней провинции Хэнань; в VIII в. до н. э. было присоединено к владениям княжества Чжэн.

[2] *Под шапкою белой... в белой одежде* — то есть в трауре.

[3] Песнь об упадке царства Чжоу, о том, что не осталось уже зависимых от чжоуского двора князей.

[4] *...ехать на Запад* — то есть в столицу Чжоу.

XIV. Песни царства Цао

[1] *Цао* — небольшой удел, находившийся в пределах нынешней провинции Шаньдун. В конце XII в. до н. э. был пожалован чжоуским царем У своему младшему брату Чжэньдо. Впоследствии удел был присоединен к сильному княжеству Сун.

[2] *Алые наколенники* являлись знаком высокого достоинства их носителя.

[3] Княжество Сюнь, позднее поглощенное княжеством Цзинь, было расположено в пределах территории нынешней провинции Шаньси. Сюньский князь — потомок первого чжоуского царя Вэня, являясь наместником царя Чжоу, ведал делами нескольких удельных княжеств.

XV. Песни царства Бинь

[1] *Бинь* называлась территория (современная область Биньчжоу в провинции Шэньси), занимаемая племенем чжоу до его вторжения в XII в. до н. э. на восток и создания царства Чжоу. Песни, собранные в настоящей главе, приписываются князю Чжоу (Чжоу-гуну), регенту царства и опекуну юного царя Чэна (1115—1078 гг. до н. э.). Первая из них воссоздает порядок хозяйственных работ и нравы народа, которые он наблюдал в Бинь. Отсюда и название главы.

[2] *Звезда Огня* — Антар в созвездии Скорпиона.

[3] *Рот не сжат.* Каждый солдат держал во рту кляп, чем обеспечивалась бесшумность передвижения войск.

[4] Меркой для нового топорища служит старое, которое я, мастер, держу в руках.

[5] *Сосуды поставлены в ряд* — для свадебного торжества.

[6] Изображениями дракона могли украшаться только парадные одежды царя и его высших советников. Царская одежда украшалась изображениями взлетающего и опускающегося дракона, а одежда советника только изображением опускающегося дракона.

II

МАЛЫЕ ОДЫ

I (глава первая)

[1] *Шэн.* — См. Нравы царств, гл. VI, примеч. 2.

[2] *...позвана в гости родня* — родственники по отцу, носящие одно с хозяином родовое имя. В этой же строфе есть специальное упоминание о приглашении родственников по матери.

[3] *Достоинство духа...* — Утверждение с таким, видимо, смыслом: не пристало нам быть жадными, принимая гостей.

[4] *Время избрав и очистивши все* — избрав благоприятные дни для жертвоприношении и очистившись постом и омовениями.

[5] *Жертвы четыре в году принесешь.* — Имеются в виду жертвоприношения царя своим предкам, совершаемые им в храме весною, летом, осенью и зимой.

[6] *Заместитель* (предков) — лицо, представляющее предков при жертвоприношениях им.

[7] *Ты, как луна, чье сиянье растет* — то есть подобен нарастающей день ото дня луне.

[8] Северных варваров сянюнь времени «Шицзина» китайские историки отождествляют с сюнну — гуннами, обитавшими, например, в III в. до н. э. у северо-западных границ Китая. Именно для защиты от гуннов в III в. до н. э. императором

Цинь Ши Хуанди была начата постройка Великой китайской стены.

[9] *Шофан* — область на крайнем северо-западе Китая того времени, в пределах нынешней провинции Ганьсу. Как видно из последующего текста, первые попытки укрепиться стенами от вторжения кочевников с северо-запада, завершившиеся через несколько веков постройкой Великой стены, были предприняты еще в эпоху «Шицзина».

[10] *Сын Неба* — так в Китае называли императора.

II (глава вторая)

[1] *Иль в старости брови не будут густы?* — То есть ужели не доживете вы до глубокой старости, признаком которой являются густые брови?

[2] *До желтой ужель не дожить головы?* — То есть ужели не проживете вы до глубокой старости, когда седые волосы приобретают желтый оттенок?

III (глава третья)

[1] *...крепость дал ему* — то есть поместил лук в бамбуковую раму, сохраняя таким образом его упругость.

[2] *...место справа сохранял ему.* — См. Нравы царств, гл. IX, примеч. 2.

[3] Раковины в древности не только служили украшением, но и заменяли деньги.

[4] Описанная в оде победа над гуннами относится приблизительно к 827 г. до н. э.

[5] *...тридцать ли мы за день проводили.* — Ли — мера длины, не имевшая в древности точного стандарта, примерно равная 0,5 км. Медленность продвижения можно объяснить тем, что вместе с колесницами двигались пехота и обоз с ручными тележками.

[6] *Цзяо* и другие упомянутые в оде местности находились в пределах территорий нынешних провинций Шэньси и Ганьсу.

[7] Поход, о котором идет речь, был совершен в 825 г. до н. э.

[8] На каждую колесницу приходилось сто солдат: возница, лучник и копьеносец в самой колеснице, семьдесят два пехотинца, сопровождающих колесницу в бою, и двадцать пять обозных, обслуживающих этот отряд. Таким образом, речь идет об огромной для того времени армии в триста тысяч человек.

[9] К поясу подвешивались гребень, костяная игла для развязывания узлов и прочее.

[10] Имеется в виду состязание бьющего в гонг с барабанщиком.

[11] *Цзин* — древнее название племен южных областей Китая.

[12] *Ао* — название горы на территории нынешней провинции Хэнань.

[13] Чтобы лучше натягивать тетиву, на большой палец правой руки надевалось кольцо из слоновой кости, а для упора лука на левую руку надевался кожаный налокотник.

[14] День под циклическим знаком *моу* (согласно древнему китайскому календарю) считался благоприятным для охоты, для выступления в поход и т. д.

[15] Речь идет о молении и жертвоприношениях богу, покровителю коней. Охота велась с особых охотничьих колесниц.

[16] *День гэн-у* считался особенно благоприятным для охоты.

[17] Речь здесь идет о принудительном переселении крестьян в новые, отдаленные места на окраины государства. См. также II, IV, 9 (строфа VI).

[18] *Колокольчиков звон* — в сбруе коней в колесницах.

[19] Журавль кричит, скрывшись в глубине девяти болот, но крик его несется до диких полей и самого неба. Рыба живет, то скрываясь в глубочайшей бездне, то всплывая на отмели, являющейся противоположностью этой бездны. В прекрасном саду растет красавица катальпа, но под нею лежат мертвые листья и растет безобразный тутовник. Огромные камни горы могут быть превращены в мелкие осколки, годные для обточки нефрита. Все эти образы показывают противоречивость в развитии и смене явлений природы. Исходя из такого понимания текста, переводчик дал оде название «Противоречия».

IV (глава четвертая)

[1] *Ратей отец* — царский конюший, ведавший войсками.

[2] *Яшмовый жезл* — знак княжеского достоинства, вручаемый царем как знак власти при назначении удела. Точно такой же жезл (вторая его половина) оставался у царя как знак подданства владетеля (удельного князя) царю.

[3] Багровые наколенники были знаком царского достоинства, багрово-желтые — княжеского.

[4] *Сыну небес* — то есть царю, приносящему жертву небу как своему отцу.

[5] Речь идет о междоусобицах князей и крупных владетелей.

[6] Ода написана в поучение царю Ю-вану (780—770 гг. до н. э.), отвергнувшему добрых советчиков и приблизившему злых.

[7] В древности преступников превращали в рабов. Здесь речь идет о том, что рабами должны стать все безвинные люди погибшего царства, пленники захватчиков.

[8] Смысл утверждения: некому заглушить голос клеветы.

[9] Смысл утверждения: меня принимали за образец, идеал, которого не могли достигнуть.

[10] Известная красотой иаложница царя Ю-вана Бао Сы своим развратным поведением, завистью, клеветой и лестью па-

губно влияла на царя и, по мнению китайских историков, содействовала ослаблению царства Чжоу и падению его столицы — Хао.

[11] Совет царю: дорожить испытанными слугами, быть строгим к своему главному советнику, которому доверено управление государством.

[12] В мире, где царят недоброжелательство и жестокость, никто не может быть уверен в своей безопасности.

[13] Древние китайские историки относят это событие к шестому году правления царя Ю-вана, десятому месяцу лунного календаря и дню, стоящему под циклическим знаком синь-мао (29-й день цикла). Эта дата соответствует 29 августа 775 г. до н. э. Согласно вычислениям европейских астрономов, в этот день действительно происходило солнечное затмение, наблюдавшееся в Китае, причем солнечному затмению предшествовало лунное. Текст оды, таким образом, является убедительным доказательством подлинности Книги песен и гимнов.

[14] Речь идет о Бао Сы, наложнице царя Ю-вана.

[15] *...не скажет, что не время для работ* — то есть что в разгар полевых работ нельзя отрывать земледельцев для выполнения повинностей царю.

V (глава пятая)

[1] Здесь упоминается старинный способ гадания по трещинам на щите черепахи, обжигаемом на огне. Имеется в виду, что беспрерывно повторяемые гадания относительно результатов того или иного начинания бесплодны, ибо щиты черепах в конце концов перестают давать правильные ответы.

[2] Ода о жалобе царевича И-цзю на немилость отца, царя Ю-вана, лишившего его, старшего сына, прав на отчий престол в пользу Бо-фу — сына своей любимой наложницы Бао Сы.

[3] Люди чтут дело рук своих предков, завещанные потомкам традиции.

[4] Намек на лишение царевича царства незаконным наследником.

[5] *Великие клятвы* — торжественные, сопровождаемые закланием жертвенного животного клятвы во взаимной верности между царем и удельными князьями.

[6] *Сюань* — духовой керамический инструмент. Имеется в виду, что старший брат играл на сюани, а младший вторил на флейте.

[7] *Три жертвы* — собака, свинья и петух, кровью которых скреплялись торжественные, нерушимые клятвы.

[8] *Созвездие Сита* — четыре звезды созвездия Стрельца. Две из них считаются «языком» созвездия Сита.

[9] Клевета, распространившаяся вначале в низах, постепенно охватывает верхи.

[10] Звание евнуха дает основание полагать, что автор оды сам пал жертвой клеветы и подвергся мучительному и позорному наказанию оскоплением, существовавшему в древнем Китае.

[11] Ода об упадке Хао — восточной столицы царей Чжоу (в нынешнем Шаньдуне) и о возвеличении Лояна — западной их столицы (в нынешней Хэнани).

[12] Млечный Путь остается равнодушным к нашим страданиям.

[13] Созвездие Ткачихи, образующее угол из трех звезд, проходит, как считали древние китайские астрономы, за сутки полный круг по небесной сфере, поделенной на двенадцать частей: семь делений за день с пяти часов утра до семи часов вечера и пять за ночь с семи часов вечера до пяти часов утра. Пути небесных светил остаются неизменными, говорится в этих строках.

[14] *Бык в ярме* — шея созвездия Орла.

[15] *Звезда зари* и *Чан-гэн* — Венера.

[16] *Созвездие Теней* — созвездие Лавра.

[17] *Хань и Янцзы* — большие реки в южном Китае.

VI (глава шестая)

[1] Имеется в виду начало нового года.

[2] *Заместитель* — лицо, определяемое гаданием и происходящее из одного рода с приносящим жертву. Заместитель представляет духов предков: его сажают на почетное место и воздают ему почести как предку.

[3] Избрать таких животных, которых требуют правила обряда, — одномастных, с правильно поставленными рогами и т. д.

[4] *Прорицатель* — лицо, передающее просьбы духам и возвещающее их ответы. Он становится у дверей храма предков, чтобы встретить духов.

[5] *Духохранитель* — заместитель предков.

[6] *Юй* — легендарный царь древнего Китая (см. Гимны, гл. IV, примеч. 5).

[7] *Шерсти клочок от ушей у быка отстрижем* — чтобы доказать духам, что бык чистой рыжей масти.

[8] Имеются в виду духи четырех стран света.

[9] *...предку и нив и полей.* — Имеется в виду дух-земледелец Шэнь-нун, легендарный царь Китая.

[10] Шэнь-нун, по преданию, имел власть над стихией огня и назывался также Огненным государем.

[11] *Общее поле* сообща обрабатывалось многими земледельцами. Урожай с него шел в пользу владельца земли.

[12] *Ло* — река в центральном Китае. На ее северном берегу находилась древняя столица Китая — Лоян.

[13] Все должностные лица при дворе делились на левую и правую стороны, чиновники становились на приемах каждый на свое место слева или справа от престола. Речь здесь идет о человеке, достойном и способном занять любую должность.

VII (глава седьмая)

[1] Побежденные на соревнованиях в стрельбе из лука должны были выпивать, как бы в наказание за свою неловкость, чару вина.

[2] Многозначные иероглифы этой строки содержат такой не вмещающийся в стихи смысл: одарить ли «черной верхней одеждой с вышитыми на ней драконами и юбками с вышитыми на них топорами». Речь, таким образом, идет об одеянии, приличествующем достоинству князей.

[3] *Кормленье* — уделы, получаемые князьями за службу царю. Доходы с этих владений поступали в распоряжение князей, приносящих установленную дань царю.

[4] Удельные князья в установленные сроки должны были являться ко двору царя Чжоу и приносить дань со своей земли. Однако право царя на земли князей и власть его над ними с ослаблением дома Чжоу оказывались нередко чисто номинальными, между тем как аппетиты двора росли. Были случаи, когда князья отказывались являться ко двору с данью.

VIII (глава восьмая)

[1] *Инь* и *Цзи* — названия наиболее известных родов эпохи Чжоу.

[2] Экспедиция под командованием шаоского князя Му-гуна для постройки новой столицы княжества Шэнь была отправлена в годы правления чжоуского царя Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.). *Се* — местность в пределах территории нынешней провинции Хэнань.

[3] Отряд состоял из пятисот человек, в рать входило пять отрядов.

[4] Отвергнутая жена сетует: отличные тутовые дрова использованы ею не в очаге для тепла, а лишь на лучину. Так же поступает и супруг, лишив женщину достоинства главной жены.

[8] Недостойная наложница заняла место жены, в то время как законная супруга томится в неподобающем ей месте.

[9] *Би* — созвездие Гиады.

[10] Голова овцы выглядит непомерно большой, так как тело ее истощено голодом.

[11] Рыбы в реке нет, и мереже нечего ловить, кроме отразившихся в воде звезд.

III
ВЕЛИКИЕ ОДЫ

I (глава первая)

[1] *Царь Просвещенный* — *Вэнь-ван* в действительности никогда не царствовал. В XII в. до н. э. был главою удела Чжоу и, по преданию, своим духовным совершенством стяжал милость неба, отвернувшегося от последних представителей династии Инь (Шан) за их недостойное поведение. Сын Вэнь-вана, царь У-ван (Воинственный), вторгся в царство Шан и подчинил себе древний Китай. Царем Вэнь-ван был наречен посмертно благодарными потомками, подчеркнувшими этим, что нецарствовавший Вэнь-ван явился родоначальником династии Чжоу и по мудрости своей был достоин престола.

[2] Древний княжеский род Чжоу, управлявший уделом, получил по воле неба царский престол.

[3] Разве воля верховного владыки не проявилась своевременно, даровав Чжоу престол?

[4] Подымется ли дух Вэнь-вана в небо или опустится на землю для принятия жертвоприношений от благодарных потомков.

[5] *Корню с ветвями* — то есть всевластному царю Чжоу и его родичам, принявшим от царя в управление уделы и мелкие владения.

[6] *Воля небес* понимается здесь как вручение небом власти в стране какой-либо династии, как бы мандат от неба на престол.

[7] Ныне побежденные потомки дома Инь в своих древних одеждах и шапках, отличных от наших, прислуживают при жертвоприношениях родоначальнику нашей династии Вэнь-вану.

[8] Когда внизу, на земле, появляется человек, сияющий светом духовной доблести и совершенной мудрости, на него нисходит величественная воля неба, дарующего ему престол.

[9] Законный наследник из-за своих пороков отвратил от себя небо и лишился царства.

[10] *Ван-цзи* — отец Вэнь-вана, один из предков дома Чжоу.

[11] На берегах рек Ся и Вэй лежало большое княжество Шэнь (в пределах территории нынешней Шэньси).

[12] Старшая дочь шэньского князя вошла в дом Вэнь-вана его супругой, заменив в хозяйстве его покойную мать.

[13] *Пустыня Муе* — территория в пределах нынешней провинции Хэнань (см. Гимны, гл. IV, примеч. 8).

[14] *Дань-фу* — один из предков дома Чжоу.

[15] Ударами в барабан, видимо, соразмерялся темп работ. В данном случае трудовой ритм был быстрее ударов.

[16] Все походы, общие работы и прочее начинались с жертвоприношения духам земли.

[17] *Юйский и жуйский князь...* Князья царств Юй и Жуй спорили друг с другом в течение долгого времени из-за пахотного поля и наконец пошли разрешить свой спор в Чжоу к царю Вэнь-вану. Там они увидели, что везде, куда бы они ни пошли, жители Чжоу во всем уступали друг другу. Князья устыдились, повернули обратно и, уступая один другому спорное поле, оставили его свободным. Узнав об этом, сорок с лишним государств присоединились к Вэнь-вану.

[18] Царь совершал возлияние при жертвоприношении предкам.

[19] На яшмовом скипетре (знак царского достоинства) устанавливалась чаша для жертвоприношения предкам.

[20] *Свекровь свою — Цзян* — то есть супругу чжоуского князя Тай-вана, бабку Вэнь-вана.

[21] *Тай-сы*, супруга Вэнь-вана, унаследовала и продолжила прекрасную славу своей свекрови.

[22] Духи предков Вэнь-вана не были недовольны его поступками и жертвами, которые он приносил.

[23] Последний царь династии Шан заключил Вэнь-вана в темницу, а на княжество его совершали набеги варварские племена.

[24] *Оба великие царства* — династии Ся и Инь-Шан, правившие Китаем до династии Чжоу.

[25] *Воли небесной достойных* — достойных царского престола.

[26] Тай-бо, видя, что от Ван-цзи уже родился Вэнь-ван, и зная при этом, что небо остановило на Вэнь-ване свой выбор, удалился в страну У и не возвращался. После смерти предка царствовавшего дома царство Тай-вана было передано Ван-цзи.

[27] *Ми* (Ми-сюй) — название древнего матриархального рода. Этим именем называлось царство на территории нынешней провинции Ганьсу, в пределах современной области Цзинчжоу. Там же находились княжество Юань и местность Гун.

[28] На острове в своем парке Вэнь-ван устроил школу, в которой молодые люди обучались стрельбе из лука, идеальным нормам поведения и обрядам.

[29] *У-ван* — царь Воинственный, основатель династии Чжоу.

[30] Предки царствующего дома — Тай-ван, Ван-цзи и Вэнь-ван.

[31] *Чун* — древнее царство, находившееся на территории нынешнего уезда Хусянь провинции Шэньси.

[32] *Фын* — приток реки Вэн, впадающей в Хуанхэ. От него получили название прилегающая местность и столица царя Вэнь-вана.

[33] *Юй* — легендарный царь Китая, прорывший каналы и изменивший течения рек. С этой строфы речь в оде идет о царе У-ване.

[34] Царь У-ван перенес свою столицу в город Хао, неподалеку от города Фын. Перед дворцом он приказал вырыть пруд

в форме яшмового кольца — знака княжеской власти, в центре пруда на острове основал школу.

[35] *Почтительный сын* — царь Чэн-ван (1115—1078 гг. до н. э.).

II (глава вторая)

[1] *Хоу-цзи* — государь Зерно — легендарный предок племени чжоу, научивший народ возделывать землю и впоследствии считавшийся богом — покровителем земледелия.

[2] Полагали, что необычайность рождения Хоу-цзи чревата несчастьями, и решили таким образом от него отделаться.

[3] Черное просо, содержащее два зерна в одной оболочке.

[4] В оде описан пир, дававшийся главой знатного рода своим родичам после храмового жертвоприношения общему предку. Пир сопровождался пением под аккомпанемент арф и боем барабанов, а также состязанием гостей в стрельбе из лука.

[5] Во время состязания каждому стрелку полагалось выпустить четыре стрелы, у которых строго выравнивался центр тяжести, что обеспечивало их прямой полет.

[6] Речь идет о пожелании дожить до самой глубокой старости, когда белые волосы желтеют, а на спине появляются пятна.

[7] *Мертвых наместник* — лицо, представляющее предков и принимающее от их имени жертвоприношение.

[8] Имеется в виду помощь при жертвоприношениях общему предку.

[9] *Цзин* — приток реки Вэй, впадающий в Хуанхэ.

[10] Жертвоприношение совершалось в храме предков, в заднем притворе которого на другой день особо чествовалось лицо, представлявшее предков.

[11] *Преславный Лю* — по преданию, потомок Хоу-цзи и предок дома Чжоу. Князь Лю вывел свой народ из страны западных варваров в сторону Бинь, где и основал свое княжество.

[12] *...как предка чтут его* — признают его главой рода.

[13] Речь идет об определении сторон света по тени, отбрасываемой шестом.

[14] *Жуй* — приток реки Цзин.

[15] Да продолжишь ты жертвоприношения духам своих предков, как это надлежит главе рода, да воздашь им почести в храме.

[16] Небо давно уже вручило царство твоему предку, твоему роду.

[17] Нефрит и яшма издавна считались в Китае символом чистоты.

[18] Если вы, государь, не будете передоверять свою власть недостойным людям, а будете лично заниматься делами управления, то и ваши слуги будут заботиться о народе и любить его.

[19] *Утунг* — масличное дерево. Согласно легенде, на него садятся чудесные птицы — фениксы.

[20] *Сердцу всей страны* — то есть столице.

[21] ...*подобны... мертвецам* — то есть совершенно беспомощны.

[22] Небо просветляет народ с такой же легкостью, с какою звучат вместе сюань и флейта, с какою складывается из двух половин яшмовый княжеский жезл.

[23] *Перед входом поставленный щит.* — См. Нравы царств, гл. VIII, примеч. 2.

III (глава третья)

[1] Последний царь династии Шан (1766—1122 гг. до н. э.) по имени Чжоу, известный распутством и жестокостью, был свергнут с престола вторгнувшимся в пределы его царства с запада племенем чжоу, которое основало свою династию — Чжоу. Вэнь-ван — царь Просвещенный, глава племени чжоу, предупреждает шанского царя Чжоу о близкой гибели и призывает его положить конец своим беззакониям.

[2] Человек от рождения добр, но натура его искажается из-за приобретаемых в течение жизни пороков, и это приводит в гнев верховного владыку.

[3] *В царстве Срединном* — в Китае.

[4] *До демонских стран* — до самых отдаленных стран, где обитают варвары и демоны.

[5] ...*снова великие судьбы распасться готовы.* — Небо, давшее трон династии Шан, готово изменить свое решение, и тогда династия падет.

[6] Если царство, на которое не нападают извне и где нет восстаний внутри, со стороны князей, находится все же на краю гибели, то, значит, сам корень этого царства — государь его — утратил сознание долга и сам является виновником гибели.

[7] Судьба тирана Цзе, последнего царя первой китайской династии Ся, свергнутого с престола первым царем шанской династии, могла бы служить зеркалом и примером для самой династии Инь (Шан) в лице ее последнего представителя.

[8] В северо-западных, наиболее интимных, помещениях дворца обычно не делали окон, и свет в них проникал через особые отверстия в крыше. *Перед отверстием в крыше* — в месте, где тебя никто не видит.

[9] Если правитель явит народу добрые качества, то и народ воздаст ему добром. Если же правитель захочет добра от народа, не давая ему примера сам, то он уподобится человеку, желающему получить от ягненка бараньи рога.

[10] Под шелковицей подразумевается царство Чжоу, прежде цветущее, а затем все более приходившее в упадок.

[11] Гибель — неизбежная судьба враждующих между собой удельных князей.

[12] Все молодые мужчины взяты в войско или погибли, остались лишь седые старики.

[13] Речь идет о тех, кто предпочитает плоды своего личного земледельческого труда доходам от должностей и поместий, жалуемых царем, и не хотят идти на службу.

[14] Мудрец предвидит событие по его признакам, сам находясь вдалеке от места его свершения; слова мудреца широко распространяются.

[15] *Звездная река* — Млечный Путь.

[16] *Погребены мои дары.* — Одним из способов передачи жертвы духам было погребение ее в землю.

[17] Царство падет, и династия прервется.

[18] Дословно: обратившись с мольбой к духам всех четырех сторон и к духам земли.

[19] *Двух сторон вельможи* — стоящие по левую и правую сторону от трона высшие советники царя.

[20] Никто не желает уйти в отставку — все остаются на своих местах.

[21] *Князь Шэнь* был старшим дядей чжоуского царя Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.).

[22] Святыми горами называли Тайшань (в пределах нынешней провинции Шаньдун), Хуашань (в Шэньси), Хэншань (в Хэбэй) и Суншань (в Хэнани). На этих горах царь совершал жертвоприношения.

[23] *Фу* и *Шэнь* — названия родов, а затем княжеств в пределах нынешней провинции Хэнань. Оба рода происходят из знаменитого в древнем Китае рода Цзян, основатель которого был, по преданию, высшим сановником легендарного царя Яо и хранителем четырех святых гор.

[24] *Чжоу* — название царствующей династии.

[25] *Се* — княжество в пределах нынешней Хэнани.

[26] *Мэй* — селение в пределах нынешней Шэньси.

[27] Будет образцом для военной и гражданской власти.

[28] *Цзифу* (Инь Цзифу) — советник царя Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.), автор оды.

[29] *Чжун Шаньфу* — первый советник, наставник и телохранитель чжоуского царя Сюань-вана.

[30] *Одному человеку* — то есть царю.

[31] И у царя есть свои недостатки.

[32] Княжество *Ци* находилось на территории полуострова Шаньдун.

[33] *Хань* — княжество в пределах нынешней провинции Шэньси.

[34] *Лянские горы* служили как бы естественным укреплением княжеству Хань.

[35] Ханьский князь после смерти своего отца должен явиться к царю за получением указа, утверждающего его наследственное право на его княжество, и яшмового скипетра.

[36] Ты не будешь лишен княжеского достоинства и власти.

[37] *Сянь-фу* — советник царя Сюань-вана, дававший от имени государя прощальный пир ханьскому князю.

[38] *Фэнь-ван* — царь реки Фэнь. Так был назван чжоуский царь Ли-ван (878—827 гг. до н. э.), свергнутый с престола за жестокости и поселившийся на берегах р. Фэнь.

[39] *Хань-цзи* — дочь Гуй-фу и сестры Ли-вана, жена ханьского князя.

[40] Город построен был жителями княжества Янь (в нынешнем Хэбэе). В «Шицзине» есть ряд упоминаний о том, как население различных княжеств сгонялось к границам царства Чжоу для постройки укрепленных городов.

[41] *Шаоский князь Ху* (Шао Ху) — выдающийся полководец и строитель укрепленных городов на границах царства Чжоу в годы царствования Сюань-вана.

[42] *Цзян* (Янцзыцзян), *Хань* (приток Янцзы) и *Хуай* — крупные реки на юге древнего Китая.

[43] *...когда Просвещенный престол снискал* — когда основателю дома Чжоу, царю Просвещенному (Вэнь-вану), небо передало власть над страной.

[44] Такие скипетры употреблялись для возлияний при торжественных жертвоприношениях предкам.

[45] Готовясь к торжественной церемонии в храме предков и как бы испрашивая на нее одобрения перед таблицей основателя династии — царя Просвещенного.

[46] *Хуан-фу* — царский советник и великий наставник при жестоком царе Ю-ване (781—770 гг. до н. э.), внук Нань-чжуна, усмирителя гуннов (см. II, I, 8).

[47] *Инь-господин* — Инь Цзифу.

[48] *Сюйские земли* считались варварскими. Населявшие их племена часто опустошали южные княжества царства Чжоу.

[49] *...посещают наш двор* — являются данниками царя.

[50] *Царь Ю-ван,* согласно китайской исторической традиции, вновь привел в упадок царство Чжоу.

[51] Женщине так же не пристало вмешиваться в государственные дела, оставив свое ткачество и уход за шелкопрядом, как человеку знатному торговать на рынке втридорога.

[52] Не принимая мер против усиливающихся варварских племен, которые свободно вторгаются в нашу страну, ты умеешь гневаться только на меня за мое правдивое слово.

[53] Не оттого ли высыхает пруд, что высокие берега препятствуют притоку воды? Не оттого ли высыхает ключ, что вода в его глубинах иссякла? Не оттого ли растет наше горе, что вы, бесчестные правители, все больше сеете зла?

[54] *Шаоский князь* Кан был ближайшим помощником основателя дома Чжоу — Вэнь-вана и непрестанно заботился об увеличении его владений.

IV
ГИМНЫ

I. Гимны дома Чжоу

[1] *Помощники светлые* — князья, принимающие участие в царском жертвоприношении общему предку.

[2] Древние комментаторы видят в этом гимне благодарность князьям, участвовавшим в царском жертвоприношении предкам.

[3] *Тай-ван* (Великий царь) — титул, присвоенный посмертно деду первого чжоуского царя. В действительности Тай-ван был вождем племени чжоу и никогда не царствовал.

[4] *Циская гора* находится в пределах провинции Шэньси. Местность вокруг нее была заселена племенем чжоу до его вторжения в центральные княжества.

[5] *Два государя* — основоположник династии Чжоу У-ван и его отец Вэнь-ван.

[6] *Чэн-ван* — царь (1115—1078 гг. до н. э.).

[7] *Ся* — название первой китайской династии; древнейшее название Китая.

[8] *Кан-ван* — царь (1078—1052 гг. до н. э.).

II. Гимны дома Чжоу

[1] Личные наделы десяти тысяч земледельцев были равны квадрату земли со сторонами в 30 ли по периметру.

[2] Обычно два земледельца объединяли свои хозяйства и совместно вели все земледельческие работы.

[3] Чжу — деревянное било в виде открытого, суживающегося книзу ящика, в который бьют изнутри колотушкой. *Юй* — трещотка. *Дин* — каменный гонг.

[4] *Слушают музыку предки* — духи предков, явившиеся на устроенное в их честь торжественное жертвоприношение, сопровождаемое пением гимнов, музыкой и танцами

[5] *Цюй* и *Ци* — названия притоков реки Вэй в пределах территории нынешней провинции Шэньси.

[6] Князья предстают перед таблицей покойного царя в храме предков и просят утвердить их инвеститурры, а также законы правления в их княжествах.

[7] У-ван (царь Воинственный) победил последнего царя предшествующей Иньской династии и положил этим предел его жестокостям.

III. Гимны дома Чжоу

[1] Считалось, что дух предка то поднимается к небесам, то опускается на храмовый двор для принятия жертвоприношений.

[2] В гимне описаны приготовления к царскому жертвоприношению общему предку, которое обычно производилось князьями, родичами царя.

[3] В торжественных случаях в Китае принято было не снимать шапки, а надевать их.

[4] Древние комментаторы считают, что это гимн основателю династии Чжоу — царю Воинственному.

[5] Гимн исполнялся в храме при церемонии раздачи инвеститур князьям на их владения.

[6] *Священные горы крутые.* — На них царь приносил жертву небу.

—

IV. Гимны князей Лу

[1] *Лу* — небольшое княжество на Шаньдунском полуострове, родина Конфуция и конфуцианства, официально принятого в Китае со II в. до н. э. философского, политического и этического учения.

[2] *Цапель слетается белая стая* — танцоры, украшенные перьями этих птиц и подражающие им в танце.

[3] В учреждаемых князьями по примеру Вэнь-вана школах, обязательной принадлежностью которых был пруд, преподавались правила поведения, музыка, письменность, счет, стрельба из лука, а также искусство управления боевой колесницей. Школы подготавливали управленческий аппарат княжеств, бывший одновременно и командным составом армий.

[4] *Гао-ю* — советник легендарного царя Шуня, прославившийся мудростью.

[5] Легендарный царь Юй после постигшего страну потопа (легенду о потопе породили периодические разливы р. Хуанхэ, причинявшие стране огромные опустошения) изменил русла рек, провел каналы, разделил страну на девять областей и обложил окрестные племена данью; предок чжоуских царей и луских князей — государь Зерно (Хоу-цзи), продолжая дело Юя, научил народ земледелию.

[6] *Тай-ван.* — См. Гимны, гл. I, примеч. 3.

[7] Привлекал к себе народ как добродетельный правитель (вождь племени чжоу), ослабляя этим царствовавшую династию Инь (Шан).

[8] Равнина Муе находится в пределах территории нынешнего уезда Цисянь провинции Хэнань. На этой равнине произошел бой между племенем чжоу и войсками последнего шанского царя.

[9] *Дядя! — наш царь говорит...* — Под дядей здесь разумеют по традиции Чжоу-гуна, брата У-вана, основателя династии луских князей; царь — Чэн-ван, сын У-вана.

[10] *Лускому князю* — князю Бо-циню, сыну чжоуского князя.

[11] *Сын Чжуан-гуна* — то есть правящий князь Си-гун, которому посвящен гимн.

[12] *Цзинские орды и Шу.* — Княжество Цзин (Чу) — сильное государство у юго-западных окраин Китая. Государство Шу было с ним в союзе.

[13] Пожелание править страной до глубокой старости.

[14] *Тайская гора* — священная гора Тайшань (см. Великие оды, гл. III, примеч. 22).

[15] *Мань* и *мо* — племена, обитавшие к югу от княжества Лу.

[16] *Чан* и *Сюйтянь* — города в западной части княжества Лу, отторгнутые от него во время внутренних междоусобиц князей.

[17] *Старость... до детских зубов.* — Древние китайцы верили, что у древних старцев на месте выпавших зубов вновь вырастают «детские», молочные зубы.

V. Гимны дома Шан

[1] *Шан* — китайская династия (1766 — 1154 гг. до н. э.), переменившая в 1401 г. до н. э. свое название на Инь.

[2] *Чан-тан (Тан)* — основатель династии Шан. В гимне вызывается его дух принять жертву, принесенную его царствующим потомком.

[3] Автор имеет в виду удельных князей.

[4] *У-дин* (1324—1265 гг. до н. э.) — царственный потомок Чэн-тана.

[5] Согласно легенде, Цзянь-ди — дочь князя Сун и жена царя Гао-синя — вместе со своим супругом совершала весеннее жертвоприношение, моля о ниспослании ей потомства. К ней слетела ласточка и положила яйцо. Цзянь-ди проглотила яйцо и родила мальчика, которого назвали Се. Когда Се вырос, он был взят на службу легендарным царем Яо, поставлен главным советником царя по делам просвещения и пожалован уделом в Шан (нынешняя область Шанчжоу в провинции Шаньси). От него произошел род шанских царей.

[6] Цзинскую гору (в нынешней Хэнани), у подножья которой расположена столица Бо, обтекает р. Хуанхэ.

[7] *...в нашей возросшей стране* — в стране, протяженность границ которой весьма увеличилась.

[8] *Сун* — название рода шанских царей.

[9] *Владыка.* — Имеется в виду небесный владыка.

[10] *Черный царь* — Сюань-ван. Так посмертно был титулован Се, предок шанских царей, рожденный от «черной птицы», ласточки (см. Гимны, гл. V, примеч. 5). В действительности Се никогда не царствовал.

[11] *Сян-ту* — внук Черного царя Се.

[12] Князья стали являться к нему со своими яшмовыми жезлами, и их уделы признавали свою зависимость от нового царя.

[13] Три княжества — Вэй, Гу и Гунь-у в союзе с последним государем династии Ся (первая китайская династия) еще пытались оказывать сопротивление Чэн-тану.

[14] *Державший кормило* — так именовался главный советник Чэн-тана И-инь.

[15] *Предок* (Возвышенный) — Гао-цзун. Так был посмертно титулован царь У-дин, совершивший победоносный поход на южное княжество (царство) Цзин (Чу) (см. Гимны, гл. IV, примеч. 12).

А. Штукин

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЫМА ЦЯНЬ

СТАРИННЫЙ РОД КОНФУЦИЯ

Конфуций был рожден в селении Цзоу волости Чанпин княжества Лу. Его предка, уроженца Сун, звали Кун Фаншу. От Фаншу был рожден Бося, от Бося — Шулян Хэ. У Хэ от девушки из рода Янь, с которой он сошелся в поле, Конфуций и родился. Она молилась на холме Ницю и обрела Конфуция. Князь Лу Возвышенный был на престоле двадцать второй год, когда Конфуций появился на свет. На темени его с рождения имелась впадина, поэтому ему и дали имя Цю (Холма). Чжунни — его второе имя. Кун — фамилия.

Когда он родился, его отец скончался и погребен был на горе Фаншань, в восточной части Лу. Но Конфуций не знал точного местонахождения могилы своего отца, ибо мать его об этом умолчала. В детстве Конфуций, играя, часто расставлял согласно ритуальному уставу жертвенные чаши и сосуды. И после смерти матери, из осторожности, временно поставил ее гроб на Перепутье у Пяти отцов. И лишь когда мать Ваньфу, уроженца Цзоу, поведала ему о том, где расположена отцовская могила, пошел он и там на горе Фаншань захоронил рядом с отцом и мать.

Конфуций еще пребывал в трауре, когда вельможа Младший устроил для ученых угощение. К нему пошел вместе с другими и Конфуций. Ян Хо, гоня его, сказал:

— Младший потчует ученых, и тебе угощение не положено.

Конфуций из-за этого ушел.

Конфуцию исполнилось семнадцать лет, когда сановник Лу Радостный из Старших заболел и перед смертью, наставляя своего наследника Благостного, сказал:

— Конфуций из потомков человека высшей мудрости, их истребляли в Сун. Его предок Фуфу Хэ владел по первородству княжеством Сун, но уступил преемственно князю Строгому. А Чжэй Каофу помогал князьям — Уважительному, Воинственному и Открытому. Он трижды ими призывался и становился с каждым разом все почтительней. Поэтому и надпись на треножнике в храме у него гласит:

Призвали в первый раз — склонялся,
Призвали во второй — сгибался,
Призвали в третий — падал ниц;
Ходил лишь вдоль по стенке,
И мной никто не мог пренебрегать;
Здесь каша жидкая,
А здесь густая,
Чтоб утолить мой голод.

Такова была его почтительность. Я слышал, что средь отпрысков человека высшей мудрости, пусть и непризнанных, бывают непременно люди мудрые. И в наши дни, Конфуций с детства любил ритуал, уж не мудрец ли он? Коль я умру, то обязательно возьми его себе в наставники.

Когда Радостный скончался, Благостный и уроженец Лу Наньгун Почтительный пошли учиться ритуалу у Конфуция. В тот год скончался Воинственный из Младших и Мирный заступил ему на смену.

Конфуций был незнатен, беден. Когда он стал постарше, то назначался регистратором в дом Младших — считал, вымеривал, ровнял; служил приказчиком и занимался разведением скота. Поэтому и был назначен управителем общественных работ. Потом, отвергнутый, ушел из Лу; его прогнали из Ци, преследовали в Сун и Вэй, дошел до крайности меж Чэнь и Цай и после возвратился в Лу. Конфуций был девяти чи и шести цуней ростом*, этому все дивились и звали его «великаном». В Лу он вернулся потому, что здесь его вновь встретили радушно.

Наньгун Почтительный из Лу обратился к государю Лу:

— Позвольте мне с Конфуцием поехать в Чжоу.

И государь им дал повозку, двух коней, подростка, чтобы с ними находился. Приехав в Чжоу справиться о ри-

* 1м 91 см.

туале, они, кажется, встречались с Лаоцзы. Когда прощались, Лаоцзы, их провожая, говорил:

— Я слышал, богачи и знать при проводах богатством наделяют, а тот, кто обладает человечностью, говорит напутственное слово. Я не способен сделать знатным и богатым, но незаслуженно считаюсь человечным, поэтому скажу вам на прощание: кто въедлив и сметлив до умопомрачения, тот любит осуждать других; кто отличается безудержным красноречием, тот подвергает себя опасности, пробуждая зло в других. Но сыну следует не думать о себе, и слугам следует не думать о себе.

Когда из Чжоу Конфуций возвратился в Лу, то постепенно все больше стало приходить к нему учеников.

В те времена распутничал князь Мирный из удела Цзинь и властью овладели шесть вельмож, вели войну с князьями на востоке; у чуского царя Чудотворного были мощные войска, он попирал срединные уделы. Ци было велико и близко к Лу, а Лу — небольшим и слабым; коль Лу сближалось с Чу, то в Цзинь сердились; когда же примыкало к Цзинь, то подвергалось нападению из Чу, а не остерегалось Ци — и циские войска вторгались в Лу.

На двадцатом году правления князя Блестящего в Лу Конфуцию было примерно тридцать лет. Князь Великий из удела Ци вместе с Янь Иному прибыл в Лу и спросил Конфуция:

— Удел Цинь князя Прекрасного в прошлом был небольшим и находился в захолустье, но как же стал его правитель гегемоном?

Конфуций ответил:

— Хоть Цинь был небольшим, но отличался силой устремлений; хотя и находился в захолустье, но действовал согласно справедливости. И сам князь выдвинул Угу, возвел его в сановники, освободил от пут, с ним говорил три дня, вручил ему бразды правления. Коль этим брал, то для него быть гегемоном мало, он мог бы даже стать царем.

Князю Великому ответ понравился.

Когда Конфуцию было тридцать пять лет, Мирный из Младших и Блистающий из Хоу провинились перед князем Лу Блестящим при проведении петушиных боев. Блестящий возглавил войско и напал на Мирного, Мирный со Старшим и Средним Сунем, тремя родами вместе, атаковали князя Блестящего, армию его разбили, он бежал

в Ци и там поселился в Ганьхоу. Спустя немного времени в Лу наступила смута. Конфуций удалился в Ци и стал подданным дома Гао Блестящего, стремясь через него вступить в общение с князем Великим. Он говорил о музыке со старшим музыкантом из удела Ци, внимал «Весеннему» напеву, ему учился, три месяца не ведал вкуса мяса и был прославлен цисцами.

Когда князь Великий спросил Конфуция о том, в чем заключается правление, Конфуций ему ответил:

— Это когда будет государем государь, слугой слуга, отцом отец и сыном сын.

Князь Великий сказал:

— Отлично! Воистину, если не будет государем государь, слуга слугой, отец отцом и сыном сын, то пусть бы даже у меня был хлеб, смогу ли я его вкушать?!

Когда на следующий день он опять спросил Конфуция о правлении, Конфуций ему ответил:

— Править — значит бережно расходовать богатства.

Ответ понравился князю Великому, и он уже собрался жаловать Конфуция полями Ниси, но тут вперед выступил Янь Ин и возразил:

— Ученые так на язык остры, но не способны следовать канонам; они заносчивы, упрямы, не могут править низшими; чтут траур, предаются скорби, дом разоряют пышным погребением, не могут направлять нравы; с речами странствуют, берут взаймы, не могут править государством.

Когда великих мудрецов не стало и захирел совсем дом Чжоу, в обряд и музыку проникли пропуски, изъяны. Конфуций же заполняет их внешними прикрасами, запутывает ритуалами восшествия и спуска. Коль попытаться вникнуть в эти правила, то и за несколько поколений нельзя будет их выучить, за годы зрелости не уяснить его обрядов. Вы, государь, желаете использовать Конфуция для исправления нравов, но это ведь совсем не то, что может Вас поставить впереди людишек.

Князь Великий позднее принял Конфуция с уважением, но не расспрашивал его о ритуале. В другой же день князь, остановив его, сказал:

— Я не могу принять Вас как главу семейства Младших.

И принял его по положению между Младшими и Старшими.

Циские сановники стремились погубить Конфуция; и Конфуций это знал. Князь сказал:

— Я стар, не в силах Вас использовать.

Конфуций тут же удалился и вернулся в Лу.

Конфуцию было сорок два года, когда в Ганьхоу умер луский князь Блестящий и в Лу стал править князь Твердый.

Князь Твердый был на престоле пятый год, летом скончался Мирный из Младших, вельможа Столп по наследству занял его место. И вот у него при рытье колодца обнаружили глиняный сосуд, в котором помещалось что-то наподобие овцы. Столп спросил у Конфуция:

— Это что, собака?

Конфуций ответил:

— Судя по тому, что я слыхал, — овца. Я слышал, что божества скал, деревьев — это одноногий Куй, леший Ванлян, божества вод — дракон и водяной Вансян, божество недр — овца Фэньян.

Когда У напало на Юэ, оно разрушило Гуйцзи, и усцы там нашли обломок кости, занявший всю телегу. Из У отправили гонца спросить Конфуция о том, «кому принадлежит самая большая кость».

Конфуций так ответил:

— Когда Юй сзывал всех духов на горе Гуйцзи, Фанфэн пришел последним, и Юй его казнил, выставил на обозрение останки. Один сустав Фанфэна занял всю телегу. Это самая большая кость.

Гонец из У спросил:

— Кто правит духами?

Конфуций ответил:

— Духи рек и гор достаточно сильны, чтобы с их поддержкой править Поднебесной; ее хранители повелевают духами; духи же земли и злаков правят высшими князьями, но все они подвластны царю.

Гонец спросил:

— А над чем властвовал Фанфэн?

Конфуций ответил:

— Государь Ванвана властвовал над горами Фэн и Юй, носил фамилию Си, при Юй, Ся, Шан там жили ванваны, при Чжоу — долговязые северные дикари, а теперь их называют великанами.

Гонец спросил:

— Какого роста бывают люди?

Конфуций ответил:

— Три чи, рост пигмеев,— самый низкий, а люди рослые — не выше десяти — предел для роста человека.

Гонец из У воскликнул:

— Воистину, о Мудрейший!

У Столпа из Младших был любимый подданный по имени Чжунлян Хуай, и он поссорился с Ян Хо; Ян Хо решил прогнать Хуая, Гуншань Строптивый его от этого удерживал. Осенью Хуай стал еще более заносчив, и Ян Хо его схватил. Столп рассердился, тогда Ян Хо арестовал и Столпа. Затем, заключив с ним мир, поил вином. Поэтому Ян Хо стал относиться к Младшему все более пренебрежительно. Младший в свою очередь не считался с князем. Побочный подданный присвоил в государстве власть, и все в Лу, от сановников и ниже, утратив меру, сбились с правильной стези. Поэтому Конфуций не служил, ушел и занимался Песнями, Преданиями, обрядами и музыкой. Все больше становилось у него учеников, к нему шли издалека, и всех он принимал.

На восьмом году правления князя Твердого Гуншань Строптивый вызвал недовольство Младшего. Затем Ян Хо затеял смуту. Желая уничтожить сыновей от главных жен троих потомков князя Столпа и взамен их поставить побочных сыновей, к которым он давно благоволил, Ян Хо схватил Столпа, но Столп обманул его и сумел спастись. На девятом же году правления Твердого Ян Хо, ослабев, бежал в Ци. В ту пору Конфуцию было пятьдесят.

Гуншань Строптивый восстал против Младших, укрепившись в Би, и прислал людей позвать Конфуция. Конфуций следовал пути давно, но из-за мягкости своей нигде не подвергался испытанию службой, ни у кого не мог себя использовать, поэтому сказал:

— Поднявшись во владеньях Фэн и Хао, Просвещенный и Воинственный стали царями, основав дом Чжоу, а ныне Би, пускай и мал, но, может быть, к ним близок.

И решил пойти. Но Цзылу выразил недовольство и хотел остановить Конфуция.

Конфуций же сказал:

— Разве напрасно пригласил меня? Если использует меня, то это будет Чжоу на Востоке!

Но так и не пошел.

После этого князь Твердый сделал Конфуция управляющим Чжунду, и через год ему уж подражали все в ок-

руге. Из управляющих он был назначен управителем общественных работ, затем — судебным управителем.

Когда правлению князя Твердого шел десятый год, весной достигли мира с Ци. А летом сановник Ци Ли Чу сказал князю Великому:

— Конфуций служит в Лу, для Ци это становится опасным.

И тогда отправили посланца в Лу с предложением встретиться в Цзягу на дружеском свидании. Князь Лу хотел уже отправиться на колеснице, но Конфуций, временно замещавший распорядителя обряда, сказал:

— Я слышал, что тот, кто занят мирными делами, непременно озабочен и подготовкой к войне; тот же, кто ведет войну, непременно озабочен подготовкой к миру. В древности князья, выезжая из своих владений, обязательно включали в свою свиту все чины. Прошу взять старшего и младшего военачальников.

Князь ответил:

— Да будет так.

Старшего и младшего военачальников включили в свиту.

Для встречи с князем Ци в Цзягу соорудили жертвенник и глиняную лестницу с тремя ступенями. Правители сошлись по ритуалу встречи, взошли по лестнице, друг другу кланяясь и уступая. Когда ритуал угощения закончился, распорядитель Ци поспешно приблизился и попросил:

— Позвольте выступить музыкантам с Запада.

Князь ответил:

— Позволяю.

И тут поднялся крик, загрохотали барабаны, замельтешили копья, алебарды и мечи, штандарты, стяги, бунчуки и перья. Конфуций торопливо выступил вперед, стал подниматься по ступеням, остановился перед верхней и, воздевая руки, сказал:

— У ваших государей дружеская встреча, зачем же исполнять здесь варварскую музыку?! Прошу дать указание распорядителю!

Распорядитель попытался оттеснить Конфуция, но тот не уходил; тогда вся свита посмотрела на Янь Ина и князя Великого. Князь Ци почувствовал смущение в душе и мановением руки удалил артистов. Немного времени спустя распорядитель Ци поспешно подошел и попросил:

— Позвольте выступить придворным музыкантам.

Князь Ци ответил:

— Позволяю.

Кривляясь, выбежали к ним шуты и карлики. Конфуций торопливо выступил вперед, стал подниматься по ступеням, остановился перед верхней и сказал:

— Когда простолюдины потешаются над князем, за это преступление они заслуживают казни! Прошу дать указание распорядителю!

Распорядитель предал шутов казни, их руки, ноги разбросали. Князь Ци в испуге двинулся в обратный путь, он неважно знал должное; когда вернулся, пребывал в сильном страхе и сказал своим чинам:

— В Лу помогают своему правителю, используя путь благородных, вы же наставляете меня, используя путь варваров; и в результате оказались виноваты перед государем Лу. Как же поступить?

Распорядитель выступил вперед и ответил ему:

— Если ошибку совершает благородный муж, он приносит извинения по существу; если делает ошибку малый человек, то приносит извинения лишь внешне. Раз вы об этом сожалеете, то принесите извинения по существу.

Тогда, чтоб искупить свою ошибку, князь Ци вернул захваченные им у Лу поля Гуйинь, Вэньян и Юнь.

На тринадцатом году правления князя Твердого, летом, Конфуций в разговоре с ним сказал:

— Слугам не следует прятать у себя латников, и сановники не должны сооружать мощную городскую стену.

И послал Чжун Ю на должность управляющего у семейства Младших, чтобы повести войска на разрушение селений трех родов. И вот Сунь Средний сперва разрушил Хоу. Когда же Младший отправился на разрушение селения Би, Гуншань Строптивый и Сунь Средний Чжэ, возглавив жителей Би, ударили по Лу. Князь вместе с Младшим, Средним Сунем, Старшим Сунем скрылись во дворце у Младшего и поднялись на террасу Уцзы. Жители Би атаковали их, но безуспешно, и тогда стали окружать. Конфуций приказал тут Шэнь Цзюйсюю и Юэ Ци спуститься и по ним ударить. Войско Би ушло на север. Люди княжества за ним погнались и нанесли поражение в Туме. Гуншань Строптивый и Сунь Средний Чжэ бежали в Ци, и тут же Би был разорен. Тогда отправились на разрушение селения Чэн, но его управляющий Гунлянь Чуфу сказал Старшему Суню:

— Если Чэн разрушат, цисцы обязательно подступят к Северным воротам. К тому же Чэн — оплот ваш, и без Чэна не станет рода Старших. Я помогу Вам сохранить его.

В двенадцатой луне князь взял в осаду Чэн, но успеха не добился.

Правлению князя Твердого шел четырнадцатый год, Конфуцию же исполнилось пятьдесят шесть лет. Как судебный управитель, он временно стал замещать первого советника, весь вид его при этом выражал радость.

Привратник у него спросил:

— Я слышал, благородные мужи в несчастье не страшатся, а в счастье не испытывают радости.

Конфуций ответил:

— Так говорят. Но не говорят ли: «Радуюсь, что низшие в почете»?

Затем казнил луского сановника Шаочжэн Мао, ввергавшего правление в смуту. Три месяца вместе с другими вершил дела правления, и продавцы барашков, поросят не набивали цен; мужчины не ходили с женщинами по одной стороне улицы; не брали ничего, что обронили другие на дороге; гостей, пришедших отовсюду в стольный град, без всякого их обращения к распорядителю одаривали как вернувшихся домой.

Узнав об этом, цисцы испугались и сказали:

— Конфуций правит так, что Лу неотвратимо станет гегемоном, а наши земли от него всех ближе, и, став гегемоном, Лу нас первыми захватит. Но почему бы их тогда ему не подарить?!

Ли Чу сказал:

— Сперва попытаемся им помешать. А не сумеем помешать, то неужели опоздаем отдать земли?!

И вот по всему Ци набрали восемьдесят юных чаровниц, одели их в узорчатые платья и обучили танцу «Наслаждение»; на тридцати упряжках по четыре пегих лошади отправили их в подарок государю Лу. Танцовщиц и пегих лошадей построили за Высокими воротами южнее городских стен Лу. Столп из Младших два или три раза ходил туда переодетым посмотреть на них и, пожелав их впустить, уговорил князя Твердого прогуляться по большой дороге; они пошли и целый день смотрели, забросив дела правления.

Цзылу сказал:

— Учитель может удалиться.

Конфуций же ему ответил:

— Но если бы в предместье Лу преподнесли сановникам жертвенного мяса, то я бы еще мог остаться.

Столп из Младших все-таки принял танцовщиц удела Ци. Три дня не слушались дела правления и сановникам в предместье не пожаловали жертвенного мяса. Конфуций сразу же ушел. Когда остановился в Чуне на ночлег, Ши Цзи, который провожал его, сказал:

— Ведь Вы не виноваты.

Конфуций попросил:

— Можно я спою?

И спел:

Те женщины своими языками
Способны изгонять из дому;
А посещение тех женщин
Способно извести, убить;
Поэтому так весело на воле
Гуляю до скончания жизни.

Когда Ши Цзи вернулся. Столп его спросил:

— Что говорил Конфуций?

Ши Цзи ему все рассказал. Столп тяжело вздохнул:

— Учитель порицал меня за танцовщиц.

Конфуций вслед за этим прибыл в Вэй и управлял там домом Янь Чжоцзоу, который приходился старшим братом жене Цзылу.

Князь Вэй Чудотворный спросил Конфуция:

— Какое жалованье Вы получали в Лу?

— Получал хлебами шесть десятков тысяч, — был ответ.

И вэйцы тоже дали ему шесть десятков тысяч хлебами. Спустя немного времени кто-то очернил Конфуция перед князем. Князь велел Гунсунь Юйцзя показаться несколько раз с оружием в руках. Конфуций опасался быть обвиненным в преступлении и, прожив в Вэй десять месяцев, ушел оттуда.

По дороге в Чэнь, куда он направлялся, подъехали к Куану, и Янь Кэ, который был возницей, указав своим кнутом, сказал:

— Я был здесь прежде, это место подвергалось разорению.

Это услышали куанцы и тут же задержали Конфуция, ибо они приняли его за Ян Хо из Лу, который некогда их

притеснял. Конфуций был по виду схож с Ян Хо, и куанцы его пять дней не отпускали. Янь Юань пришел позднее, и учитель сказал:

— Я думал, ты уж мертв.

Янь Юань ответил:

— Как я посмею умереть, когда Учитель жив?!

Куанцы проявляли к Конфуцию все большую враждебность, и ученики испытывали страх.

Конфуций же сказал:

— Разве после смерти государя Просвещенного тут, во мне, не уцелела просвещенность? Если бы Небо пожелало эту просвещенность погубить, то я не смог бы приобщиться к ней. Но Небеса ее не погубили. А куанцы? Как им со мною справиться?

Конфуций смог уйти лишь после того, как послал ученика в Вэй в услужение Нину Воинственному.

Уйдя оттуда, прибыл в Пу. Но через месяц с лишним возвратился в Вэй и управлял там домом Цюй Боюя. Женой князя Чудотворного была Наньцзы, она послала человека сказать Конфуцию:

— Те благородные мужи отовсюду, кто не считает для себя позором желание быть с нашим государем братьями, обязательно со мной встречались. Я бы хотела с Вами встретиться.

Конфуций поначалу отказался, но потом был вынужден к ней пойти. Она расположилась за тонким пологом. Войдя, Конфуций обратил лицо на север и склонился ниц. Она за пологом поклонилась дважды, подвески из нефрита у нее на поясе издали нежный звук.

Конфуций же сказал:

— Я направлялся не на встречу с ней, когда же она появилась, то ответил ей по ритуалу.

Цзылу был недоволен. Кланяясь ему, Конфуций говорил:

— Коль я неверно поступил, пусть Небеса меня отвергнут! Пусть Небеса меня отвергнут!

Когда он прожил в Вэй больше месяца, князь Чудотворный выехал с женой в одной коляске, евнух Юн Цюй сел с ними третьим, Конфуция же вынудили следовать во второй коляске и, подъехав к рынку, там слонялись.

Конфуций сказал:

— Я не встречал еще того, кто любил бы добродетель так же сильно, как чувственные наслаждения.

Затем, испытывая омерзение, покинул Вэй и прибыл в Цао. В тот год князь Твердый из удела Лу скончался.

Конфуций, выехав из Цао, прибыл в Сун и там с учениками под огромным деревом совершенствовался в ритуалах. Военачальник Хуань Туй из Сун, желая погубить Конфуция, это дерево обрушил. Конфуций отошел, и ученики сказали:

— Можно было бы идти и побыстрей.

Конфуций им ответил:

— У меня от Неба добродетель. А Хуань Туй? Что может он мне сделать?!

Когда Конфуций прибыл в Чжэн, он и его ученики друг друга потеряли. Конфуций одиноко стоял в предместье у Восточных ворот. Какой-то чжэнец сказал Цзыгуну:

— Есть у ворот Восточных человек, своим челом напоминает Яо, своею шеей — Гао Яо, плечами схож с Цзычанем, но от пояса до низа недостает ему трех цуней, чтоб сравняться с Юем, стоит понурый, как бездомный пес.

Цзыгун потом все передал Конфуцию. Конфуций этому обрадовался, засмеялся и сказал:

— Внешний облик значит мало, но как верно, как верно он сказал, что я схож с бездомным псом!

Затем Конфуций прибыл в Чэнь и управлял там домом у Сычэна Правдивого. Прошел год с лишним; Фуча, царь У, напал на Чэнь, взял три селения и ушел. Чжао Ян напал на Чжаогэ. Чу окружило Цай, и Цай перенесло столицу ближе к У. У разгромило при Гуйцзи юэского царя Гоуцзяня.

К князю Чэнь на двор сел коршун и издох. Он был пронзен стрелой из прутняка, с наконечником из камня и длиною в одно чи и чжи. Князь удела Чэнь Сострадающий послал гонца спросить об этом у Конфуция.

И Конфуций разъяснил:

— Этот коршун прилетел издалека. Он был пронзен стрелой сушэньцев. Когда в былое время царь Воинственный поверг дом Шан, он проложил дорогу ко всем варварам на юге и востоке и повелел им вносить дань богатствами из каждой местности, чтобы они не забывали свои промыслы. С тех пор сушэньцы и вносили дань стрелами из прутняка, с каменными наконечниками и длиною в один чи и чжи. Царь-предок пожелал прославить их высокие достоинства и одарил стрелами сушэньцев свою дочь

Дацзи, дал ей в мужья князя Юй Долголетнего и жаловал ему владение Чэнь. Ценя родство, он наделял редкими нефритами своих родных со стороны отца и назначал заведовать далекими краями родичей по женской линии, чтоб не забыли своего предназначения. Так Чэнь было наделено стрелами сушэньцев.

Попробовали поискать их в старой кладовой, и они действительно там были.

Конфуций прожил в Чэнь три года, и тут схватились меж собою царства Цзинь и Чу, попеременно стали нападать на Чэнь, и У вторгалось в Чэнь. Чэнь постоянно подвергалось разорению. Конфуций сказал:

— Я возвращаюсь! Возвращаюсь! Мои сынки стали необузданны и дерзки; стремясь вперед, не забывайте о своем начале.

И после этого покинул Чэнь.

Приехал в Пу, а там как раз восстал Гуншу и люди Пу не стали пропускать Конфуция. Среди его учеников был Гунлянь Жу, следовавший за Конфуцием с пятью своими повозками. Это был человек выдающихся достоинств, смелый и могучий, и он сказал Конфуцию:

— Я и прежде, сопровождая Вас, познал беду в Куане, и вот теперь здесь новая напасть, уж такова судьба. Мы с Вами подвергаемся опасности вторично, но лучше я умру в бою.

Он дрался очень яростно, в Пу испугались и обратились с предложением к Конфуцию:

— Мы Вас отпустим, если не пойдете в Вэй.

И заключив с ним договор, выпустили Конфуция через Восточные ворота. Конфуций сразу же поехал в Вэй. Цзыгун спросил:

— Можно ли нарушить договор?

— Вынужденной клятве духи не внемлют, — был ответ.

Князь Вэй Чудотворный был рад, когда услышал, что пришел Конфуций, и встречал его в предместье. Он спросил Конфуция:

— Пу можно уничтожить?

— Можно, — отвечал Конфуций.

Князь сказал:

— Мои советники считают, что нельзя. Пу ныне — это то, чем Вэй обороняется от Цзинь и Чу. Но можно ли тогда, чтоб Вэй пошло войной на Пу?!

Конфуций ответил:

— Мужчины Пу готовы умереть, а женщины хотят лишь сохранить Западную реку. И нападавших на меня людей было не больше четырех-пяти.

Князь сказал:

— Прекрасно!

Но нападать на Пу не стал.

Князь был стар, пренебрегал правлением и не использовал Конфуция.

Конфуций тяжело вздохнул:

— Когда какой-нибудь правитель пригласит меня на службу, то у него уже в течение года станет лучше, а через три он обретет успех.

И ушел.

Би Си был управляющим Чжунмоу. Чжао Цзяньцзы напал на Фань, Чжунсин, ударил по Чжунмоу. Би Си восстал и послал гонца позвать Конфуция. Конфуций пожелал пойти.

Цзылу сказал:

— Я от Вас, Учитель, слышал: «Кто лично сам вершит дурное, к тому не ходят благородные мужи». Би Си ведь сам восстал в Чжунмоу, так как же Вы желаете к нему идти?!

Конфуций ответил:

— Я это говорил. Но не говорилось ли: «Так тверд, что точишь — и не поддается»?! Не говорилось ли: «Так чист, что пачкаешь — и не грязнится»?! Разве я похож на тыкву?! Как можно не испробовать меня, держа на привязи?!

Конфуций бил в каменный гонг. Какой-то человек с плетушкой за плечами, проходя мимо ворот, сказал:

— Как тяжело на сердце у того, кто так играет на гонге! Как мелки эти звуки и назойливы! А всего-то только — что тебя никто не знает!

Конфуций обучался у наставника Возвышенного игре на лютне. Десять дней не отходил. Возвышенный сказал:

— Можешь изучить и глубже.

Конфуций ответил:

— Я уже знаю эту музыку, но не постиг еще ее искусства.

Спустя немного времени Возвышенный сказал:

— Уже постиг ее искусство, можешь изучить и глубже.

Конфуций ответил:

— Я не постиг еще того, к чему в ней человек стремится.

Спустя немного времени Возвышенный сказал:

— Уже постиг его стремление, можешь изучить и глубже.

Конфуций ответил:

— Я не постиг еще, какой это был человек.

Спустя немного времени Конфуций впал в благоговение, глубокую задумчивость, стал весел, преисполнился высоких устремлений и далеких помыслов и сказал:

— Знаю, что за человек он был; внутри него полный мрак и темнота, стоит он высокий и великий, со взглядом, устремленным вдаль, как властелин над всеми странами. Кто может это быть, как лишь не Просвещенный царь?!

Возвышенный слез с циновки, дважды поклонился и сказал:

— Наставник говорит, должно быть, о «Мелодии для лютни Просвещенного царя».

Не добившись, чтоб его использовали в Вэй, Конфуций выехал на запад к Чжао Цзяньцзы. Когда достиг реки, узнал о смерти Доу Минду и Шунь Хуа и, вздохнув, сказал:

— Прекрасны эти воды! Как широки они! Я их не перейду, уж такова судьба!

Цзыгун приблизился поспешно и сказал:

— Позвольте Вас спросить, что это значит?

Конфуций ответил:

— Доу Минду и Шунь Хуа — достойные сановники из Цзинь. — Когда Чжао Цзяньцзы не достиг еще, чего хотел, то ждал их, чтоб затем вершить правление; когда же он, верша правление, достиг, чего хотел, то их убил. Я слышал, что там, где вытравливают плод и губят юных, Цилинь-единорог не появляется; коль осушают водоем для сбора рыбы, то водяной дракон не чередует холода и жара; когда выбрасывают гнезда и бьют яйца, то фениксы не прилетают. А почему? Благородный муж страшится навредить себе подобным. Ведь даже птицы, звери помышляют избежать того, что делать не пристало, тем паче я!

И тогда Конфуций возвратился отдохнуть в селение Цзоу и там создал в честь скорбной памяти погибших Доу Минду и Шунь Хуа «Мелодию для лютни Цзоу». Затем вернулся в Вэй и принял управление над домом Цюй Воюя.

Когда князь Чудотворный спросил Конфуция однажды, как построить войско, тот ответил:

— Я знаю, как расставить жертвенные чаши и сосуды, но как построить войско, — этому пока не обучился.

На следующий день, беседуя с Конфуцием, князь увидел в небе пролетающих гусей и, запрокинув голову, принялся за ними следить, а на Конфуция уж больше не глядел. Конфуций сразу же ушел и снова прибыл в Чэнь.

Летом князь Чудотворный скончался, взошел на трон его внук Чжэ; то был князь Вэй Выдающийся. В шестой луне Чжао Ян вернул наследника князя Чудотворного, его сына Куайвая, в Ци. Ян Ху заставил Куайвая облачиться в траурное платье, восемь человек, как бы из Вэй, в траурных одеждах, его притворно встретили и, плача, провели и поселили в Ци. Зимой в уделе Цай перенесли столицу в Чжоулай. Тогда шел третий год правления князя Скорбной Памяти удела Лу, Конфуцию же было шестьдесят. Цисцы оказали помощь Вэй при окружении поселения Ци из-за того, что там был Куайвай, наследник Вэйского престола.

Летом в Лу сгорел храм князя Ли, внука Столпа; Наньгун Почтительный тушил пожар. Конфуций находился в Чэнь и, когда услышал о пожаре, то спросил:

— Пожар, должно быть, в храме князя Ли?

В действительности так и было.

Осенью занедужил вельможа Столп из Младших; сидя в повозке, он взглянул на стены Лу, вздохнул печально и сказал:

— В былое время это княжество едва не стало процветающим и лишь из-за моей вины перед Конфуцием не достигло процветания.

Он оглянулся и сказал своему наследнику Благодетельному:

— Когда умру, то непременно будешь в Лу главным из советников, а станешь им, то непременно пригласи Конфуция.

Прошло несколько дней, и он скончался. Благодетельный занял его место; когда же завершились похороны, решил позвать Конфуция. Но Гун Чжиюй сказал:

— В былое время наши предки — государи его использовать не стали до конца и их в конечном счете все князья подвергли осмеянию. Коль ныне вновь использовать его не сможем до конца, то нас уже вторично все князья подвергнут осмеянию.

— Кого же тогда можно пригласить? — спросил его Цзи Канцзы.

И тот ответил:

— Надо пригласить Жань Цю.

Тогда отправили гонца позвать Жань Цю. Когда же уезжал Жань Цю, Конфуций так ему сказал:

— Тебя призвали в Лу не ради малого, а для великого.

Конфуций в тот же день сказал:

— Я возвращаюсь! Возвращаюсь! Мои сынки стали необузданны и дерзки. Они достигли многого, и я не знаю, как их обуздать.

Цзыгун знал о желании Конфуция вернуться, поэтому, когда он провожал Жань Цю, то наставлял его:

— Ты, как приступишь, постарайся, чтоб Конфуция позвали.

В следующем году, как Жань Цю ушел, Конфуций выехал из Чэнь и поселился в Цай. В то время цайского князя Блестящего призвал к себе правитель У. Собравшись ехать в У, князь Блестящий, пренебрегая подданными, перенес столицу в Чжоулай. Когда же позже вновь намерился ехать в У, сановники У боялись, что он опять перенесет столицу, и Гунсунь Пянь его убил. Чу вторглось в Цай. А осенью скончался циский князь Великий.

В следующем году Конфуций выехал из Цай и прибыл в Шэ. Когда князь Шэ спросил Конфуция о правлении, он ответил:

— Правление — в приходе дальних и смыкании близких.

На следующий день князь Шэ спросил Цзылу о том, что за человек Конфуций. Цзылу не ответил. Узнав об этом, Конфуций у него спросил:

— Ю, почему ты не сказал: вот это человек какой — он учится пути без устали, увещевает ненасытно, не помнит в горестном порыве о еде, испытывая радость, забывает все печали и не замечает подступившей близко старости?

Конфуций выехал из Шэ и возвратился в Цай. Чан Цзюй с Цзе Ни пахали вдвоем. Конфуций, думая, что они отшельники, послал Цзылу спросить у них, где находится переправа. Чан Цзюй сказал:

— А кто это в повозке с вожжами в руках?

Цзылу ответил:

— Это Кун Цю.

— Не луский ли Кун Цю?

— Да, он.

— Этот сам знает, где переправа.

Цзе Ни спросил Цзылу:

— А ты кто?

— Я Чжуй Ю.

— Ты ученик Конфуция?

— Да.

Цзе Ни сказал:

— Вся Поднебесная — словно бушующие воды, с кем сможете добиться перемен? Чем следовать за тем, кто избегает того или иного человека, не лучше ли следовать за теми, кто бежит от мира?

Сказав это, он продолжал без остановки рыхлить землю. Цзылу об этом рассказал Конфуцию. Конфуций с огорчением сказал:

— Человек не может жить с животными и птицами. Если был бы в Поднебесной путь, я не стремился бы с вами добиться перемен.

На следующий день Цзылу ушел и встретил старика с корзиной за плечами. Цзылу его спросил:

— Вы видели Учителя?

Старик ответил:

— Не утруждаешь рук и ног, не различаешь хлебных злаков, какой же у тебя учитель?!

И, воткнув в землю палку, принялся полоть. Когда Цзылу об этом рассказал, Конфуций пояснил:

— Это отшельник.

Цзылу опять ходил к нему, но не застал на месте.

Конфуций прожил в Цай три года. У вторглось в Чэнь, Чу поддержало Чэнь, расположив войска в Чэнфу. Услышав, что Конфуций находится меж Чэнь и Цай, князь Чу послал гонца пригласить Конфуция. Конфуций уж собрался пойти и поблагодарить за приглашение. Но тут сановники из Чэнь и Цай стали совещаться:

— Конфуций — мудрый человек, его укоры и насмешки разят князей в их язвы. И вот теперь надолго задержался между Чэнь и Цай, ему не по душе все наши действия. Чу — княжество большое, послало приглашение Конфуцию. Коль в Чу используют Конфуция, то все сановники на службе в Чэнь и Цай окажутся в опасности.

И вслед за этим сообща послали стражу, чтобы окружить Конфуция на открытом месте. Уйти не смог, запас зерна иссяк, ученики все расхворались, не могли подняться. Конфуций же по-прежнему без устали учил, играл на

лютне, пел. Цзылу был недоволен, подошел к нему и спросил:

— И благородный муж живет в нужде?

— Благородный муж в нужде не отступает, малый человек, терпя нужду, становится распущенным, — отвечал Конфуций.

Лицо Цзыгуна выражало недовольство. Конфуций у него спросил:

— Цы, ты думаешь, что я из тех, кто изучает многое и все запоминает?

— Да, а разве нет?

Конфуций сказал:

— Нет. У меня все пронзено одним.

Конфуций видел, что ученики таят в душе обиду, поэтому он пригласил Цзылу и его спросил:

— В Песнях сказано:

Не носороги и не тигры
По той степи просторной рыщут.

Почему мы здесь? Мы выбрали неверный путь?

Цзылу ответил:

— Быть может, мы нечеловечны? И люди нам не доверяют. Быть может, не умудрены? И люди нас не пропускают.

Конфуций сказал:

— Ты, Ю, так думаешь? Но если бы, допустим, непременно доверяли человечному, тогда ужель бы умерли Старший Ровный с Младшим Равным?! И если б непременно пропускали мудрого, ужель бы что-нибудь случилось с царским сыном и Биганем?!

Цзылу вышел, и вошел Цзыгун. Конфуций у него спросил:

— Цы, в Песнях сказано:

Не носороги и не тигры
По той степи просторной рыщут.

Почему мы здесь? Мы выбрали неверный путь?

Цзыгун ответил:

— Ваш путь весьма велик, поэтому никто под Небесами не может Вас принять. А что, если Вы сделаете его меньше?

Конфуций ответил:

— Цы, ведь искусный сеятель умеет сеять, но не жать; искусный мастер может проявить свое умение, но не способен привести к покорности. И благородный муж способен совершенствовать свой путь; владеет, управляет им, но он не может его сделать для других приемлемым. А ты свой путь не совершенствуешь, а требуешь, чтоб был он принят. Стремления твои, Цы, недалеки!

Цзыгун вышел, и вошел Янь Хуэй. Конфуций у него спросил:

— Хуэй, в Песнях сказано:

Не носороги и не тигры
По той степи просторной рыщут.

Почему мы здесь? Мы выбрали неверный путь?

Янь Хуэй ответил:

— Ваш путь весьма велик, поэтому никто под Небесами его принять не в силах. Пусть так, но Вы его проводите, распространяете. Какая ж в том беда, что его не принимают?! Ведь лишь когда не принимают, и появляется благородный муж!

Конфуций этому обрадовался, засмеялся и сказал:

— Истину сказал сын Яня! Коль был бы ты богат, то я бы у тебя стал управляющим.

Затем послал Цзыгуна в Чу. Конфуций смог освободиться, лишь когда чуский царь Блестящий поднял свои войска ему навстречу.

Царь Блестящий хотел пожаловать Конфуцию семь сотен ли записанной за общиной земли. Но канцлер царства Чу Цзыси его стал спрашивать:

— Имеются ль у Вас среди посланцев, отправляемых к князьям, такие, как Цзыгун?

— Нет.

— Имеются ль у Вас среди советников такие, как Янь Хуэй?

— Нет.

— Имеются ль у Вас среди военачальников такие, как Цзылу?

— Нет.

— Имеются ль у Вас средь глав палат такие, как Цзай Юй?

— Нет.

— К тому же предков царства Чу дом Чжоу жаловал землею в пять десятков ли и княжескими титулами треть-

ей и четвертой степени. И вот теперь Конфуций излагает каноны трех властителей, пяти владык, берется разъяснять заветы князя Чжоу, князя Шао. Коль станете его использовать, ужель тогда навечно сохраните свое прекрасное владение, простертое на много тысяч ли? Царь Просвещенный находился в Фэне, а царь Воинственный пребывал в Хао, правители земель лишь в сотню ли в конечном счете стали властелинами всей Поднебесной. Когда Конфуций обретет опору на земле и станут помогать ему его ученики, для Чу не будет это благом.

И царь Блестящий отступил. Той же осенью в Чэнфу царь Блестящий скончался.

Безумец из царства Чу, «Встречающий повозки», напевая, шел мимо Конфуция и сказал:

— О, феникс, феникс! Как твоя добродетель оскудела! Нельзя корить за то, что было; но то, что будет, еще достижимо. Избавься же! Избавься же! Рискует ныне тот, кто занимается правлением!

Конфуций, желая с ним поговорить, слез с повозки, но тот быстро ушел, и Конфуцию поговорить с ним не удалось.

Затем из Чу Конфуций возвратился в Вэй. В то время ему было шестьдесят три года, а в Лу шестой год правил князь Скорбной Памяти.

На седьмом году его правления при встрече в Цзэне государей У и Лу уский царь потребовал от Лу сто жертвенных животных; старший над чинами усец Пи позвал вельможу Благодетельного из Младших, Благодетельный приказал идти Цзыгуну, и после этого смогли отвергнуть требование усцев.

Конфуций сказал:

— У княжеств Лу и Вэй — братские правления.

В то время родитель государства Чжэ, правившего в Вэй, не мог взойти на трон, жил у чужих, князья корили Чжэ, побуждая уступить престол отцу. Но многие ученики Конфуция служили в Вэй, и вэйский государь желал привлечь Конфуция к правлению. Цзылу спросил:

— Вэйский государь Вас ждет для дел правления. С чего Вы начнете?

Конфуций ответил:

— Нужно исправить имена.

— Вы так считаете? — возразил Цзылу. — Это слишком непонятно. Зачем их исправлять?

Конфуций ответил:

— Как ты необразован, Ю! Ведь если не подходит имя, то неуместно его толкование; а неуместно толкование, не может быть успеха в деле; а без успеха в деле не процветают ритуал и музыка; но если ритуал и музыка не процветают, то наказания бьют мимо цели; когда же наказания бьют мимо цели, народ находится в растерянности. Тому, что совершает благородный муж, он непременно может дать название, и что бы ни сказал, способен непременно выполнить; благородный муж избегает в толковании лишь небрежности.

На восьмом году правления князя Скорбной Памяти Жань Ю стал полководцем у семейства Младших и победил в сражении при Лане войско Ци. Благодетельный из Младших его спросил:

— Вы обучались ратному искусству, иль это Ваш природный дар?

Жань Ю ответил:

— Я этому учился у Конфуция.

— А что за человек Конфуций? — спросил Благодетельный.

— Пошлют ли его к знатным, изгонят ли к простому люду или представят демонам и духам, он не подведет. А до чего своею стезей я могу дойти, пускай объединил бы тысячу общин, ему все это не покажется успехом, — был ответ.

Благодетельный спросил:

— Мне бы хотелось пригласить его. Возможно ль это?

Жань Ю ответил:

— Коль Вы желаете, не ждите, что он будет служить Вам как малый человек, и можете тогда позвать.

Кун Просвещенный из удела Вэй, когда решил напасть на Тайшу, попросил Конфуция составить план; ссылаясь на незнание, Конфуций отказался, вышел, приказал закладывать повозку и, перед тем как выехать, сказал:

— Птица знает, на какое дерево ей сесть, как может дерево распоряжаться птицей?

Просвещенный его долго не пускал. Но тут как раз Благодетельный из Младших, прогоняя Гунхуа, Гунбиня и Гунлиня, выехал с подарками ему навстречу, и Конфуций возвратился в Лу.

Конфуций возвратился в Лу спустя четырнадцать лет после того, как ушел оттуда.

Князь Скорбной Памяти из Лу спросил Конфуция о том, в чем заключается правление, и он ответил:

— Правление — в отборе слуг.

Когда Благодетельный из Младших спросил Конфуция о правлении, он ответил:

— Если возвышать прямых и ставить над кривыми, то и кривые станут прямы.

Благодетельный был обеспокоен воровством, и Конфуций ему сказал:

— Коль сами будете скромны в желаниях, не согласятся воровать и за награду.

Но в Лу использовать Конфуция так и не смогли, Конфуций тоже не стремился к службе.

Во времена Конфуция дом Чжоу ослабел, и ритуалы, музыка пришли в упадок, песни и предания оскудели. Конфуций неустанно следовал обрядам трех династий, вносил порядок в записи и книги. Он начинал с эпохи Яо и доходил до циньца Мяо, определяя очередность всех событий. Конфуций говорил:

— Я мог бы рассказать о ритуале дома Ся, да в Ци недостает свидетельств; я мог бы рассказать о ритуале дома Инь, да в Сун недостает свидетельств; а доставало бы, тогда я мог бы подтвердить свои слова.

Обозревая то, что Инь и Ся добавили и сократили в ритуалах, он сказал:

— Что будет после, даже через сотню поколений, вникая то во внешнее, то в суть, постигнуть можно. Дом Чжоу зрел пример двух предыдущих царствований. Какой в нем блеск учености! Я подражаю Чжоу.

Поэтому с Конфуция берут начало «Комментарии к Преданиям» и «Записи о ритуале».

Конфуций говорил со старшим музыкантом из удела Лу:

— А музыку, ее знать можно! В начале исполняют — как бы слита, затем — как бы без примеси, как бы светла и как бы непрерывно тянется в конце. Когда из Вэй я возвратился в Лу, музыка была исправлена, все оды, гимны обрели свои места.

Песен в древности насчитывалось более трех тысяч; когда же оказались у Конфуция, то он отбросил лишние и выбрал годные для церемоний и обрядов, взял по времени из высших песни Се и Господина Просо, средними поведал о расцвете Инь и Чжоу и дошел до прегрешений

Ю и Ли. Зачинают на циновке в спальной, поэтому Конфуций и сказал:

— Начало Нравам положило завершение песни «Крики чаек»; началом Малых од является «Олений зов», начало Великих од — «Царь Просвещенный», начало Гимнов — «Чистый храм».

И все триста пять песен Конфуций распевал, перебирая струны, чтобы достичь созвучия с напевами «Весенний», «Воинственный», мелодиями од и гимнов. С тех пор стала возможной передача ритуалов, музыки и появилось шесть искусств для устроения стези царей.

На склоне лет Конфуций полюбил книгу «Перемен», определил порядок в ней «Суждений», «Приложений», «Образов», «Истолкования триграмм», «Письмен и слов». Пока зачитывался книгой «Перемен», бамбуковые планки с ее записью рассыпались. Он сказал:

— Если бы у меня было еще несколько лет и я бы попрежнему занимался «Переменами», то стал бы целостным.

Конфуций учил Песням, Преданиям, ритуалам и музыке. Учеников у него было около трех тысяч, семьдесят два из них постигли полностью все шесть искусств, а тех, кто, подобно Янь Чжоцзоу, усвоил учение, насчитывалось очень много.

Конфуций обучал по четырем разделам: учености, поступкам, честности и преданности. Ему были чужды четыре недостатка: склонность к домыслам, излишняя категоричность, упрямство, себялюбие. Относился бдительно к посту, войне, болезни. Учитель редко говорил о выгоде, судьбе и человечности. Кто не проникнут горестным порывом, тех не просвещал; не повторял тому, кто не способен отыскать по одному углу три остальных.

В своей деревне он казался простодушным и безыскусным в речах, а при дворе и в храме предков говорил красноречиво, хотя и мало. В ожидании аудиенции, беседуя с высшими чинами, он казался твердым, в беседе с низшими чинами — ласковым.

Когда входил в дворцовые ворота, казалось, изгибался весь, спешил вперед, растопырив руки, словно крылья; когда князь приказывал ему принять гостей, он как бы и в лице менялся; если князь приказывал ему явиться, то шел, не дожидаясь, когда для него запрягут коней.

Не ел несвежих рыбы или мяса, неправильно разделанного мяса. Он не садился на циновку, постланную

криво. Когда ел вместе с человеком в трауре, то никогда не наедался досыта. В тот день, когда Учитель плакал, он не предавался пению. Встречая человека в траурной одежде иль слепца, пускай бы это даже был подросток, неизменно проявлял к нему глубокую почтительность. Конфуций говорил:

— Я непременно нахожу себе наставника в каждом из двоих моих попутчиков. Я испытываю печаль, когда не улучшают нравы, не уясняют то, что учат, а зная долг, не могут ему следовать и не стремятся устранить порок.

Если кто-либо искусно пел, он просил его начать сначала и затем к нему присоединялся.

Учитель не высказывался о чудесном, силе, смуте, духах.

Цзыгун сказал:

— Можно изведать просвещенность нашего Учителя, но слов о пути Неба и судьбе, природе человека от него не услышишь.

Янь Юань вздохнул печально и сказал:

— Смотрю — оно все выше, вникаю — все сокрытей, гляжу — передо мною, то вдруг уж позади. Учитель сразу все не раскрывает, умеет завлекать людей. Он всесторонне просвещает нас и сдерживает ритуалом. Мне это не отбросить, даже если пожелаю. И вот когда все мои силы на исходе, оно как будто уж возвышается вблизи. Я хочу следовать за ним, но не могу этого сделать.

Житель улицы Состоятельных сказал:

— Как велик Конфуций! Его ученость необъятна, вот только не сумел ни в чем прославиться.

Учитель, услышав об этом, сказал:

— Чем же мне заняться? Заняться ли управлением колесницей? Заняться ли стрельбой из лука? Займусь-ка управлением колесницей!

Лао сказал:

— Учитель говорил: «Я умею много, так как не был испытан на службе».

Когда правлению князя Скорбной Памяти из Лу пошел четырнадцатый год, весной князь совершал объезд земель в Дае. Чушэн, каретник Суня Среднего, поймал зверя, подумали, что не к добру. Конфуций посмотрел на зверя и сказал:

— Это Линь — единорог.

И единорога взяли. Конфуций же воскликнул:

— Не шлет Река предначертаний.

Не появляется из Ло письмен.

Свершается мой час последний!

Когда умер Янь Юань, Конфуций сказал:

— Гибну я от Неба!

Увидев при объезде западных земель единорога, заметил:

— Пришел к концу мой путь!

Вздохнул печально и сказал:

— Увы! Никто меня не знает.

— Но почему же Вас никто не знает? — спросил Цзыгун.

Учитель ответил:

— Не ропщу на Небо, не виню людей, занимаясь низшим, высшее постиг, не Небесам ли и известен я?!

Конфуций говорил:

— Старший Ровный с Младшим Равным были людьми, которые не отказались от своих стремлений и не опозорили себя.

Он сказал о Милостивом из Люся и Шао Лине:

— Они отказались от своих стремлений и опозорили себя.

Он отозвался также о Юйчжуне и Ии:

— Они в своем уединении сохранили себя в чистоте и проявили гибкость, удалясь от мира. Но что касается меня, то я, в отличие от них, не предрешаю, как мне можно поступить и как нельзя.

Учитель сказал:

— О, нет! Только не это! Благородный муж страшится, что умрет он и не будет его имя прославляться. Путем моим не следуют. Как я смогу себя увидеть в поколениях потомков?

И на основе записей хронистов создал он летопись «Весна и осень». В глубине времен достиг князя Уединившегося, а завершил четырнадцатым годом правления князя Скорбной Памяти, охватив правления двенадцати князей. Основой сделал Лу, близко касался Чжоу, поэтому вовлек в свое повествование Три династии. Все выражения его были очень сдержанны, но глубоки по смыслу. Так, государи У и Чу себя звали царями, а в «Весне и осени» из осуждения о них просто сказано: «мужи». На съезд в Цзяньу Сын Неба Чжоуской династии на самом деле был приглашен, а в «Весне и осени» об этом не упоминается, но говорится:

— Небесный царь совершал объезд земель в Хэяне.

Наталкивал на эти сравнения, чтобы исправить современников. Впоследствии отдельными царями смысл принижения был извлечен, раскрыт; когда же этот смысл «Весны и осени» стал широко известен, то все сановники-бунтовщики и сыновья-отцеубийцы устрашились.

По долгу службы разбирая тяжбу, Конфуций никогда один не принимал решений, если можно было это сделать вместе с кем-либо другим. Но при создании «Весны и осени» он коль писал, так уж писал, коли вычеркивал, то уж вычеркивал; ученики ему помочь были не в силах ни в единой строчке. Когда ученики уже прочли «Весну и осень», Конфуций им сказал:

— Последующие поколения будут знать меня благодаря «Весне и осени», но станут осуждать меня тоже за «Весну и осень».

На пятнадцатом году правления князя Скорбной Памяти в Вэй умер Цзылу. Конфуций расхворался, а Цзыгун попросил его принять. Конфуций стоял непринужденно у ворот, опершись на палку, и сказал:

— Цы, почему пришел так поздно?

Вслед за тем Конфуций вздохнул и пропел:

— Гора Великая обрушилась!

Столбы и устои рухнули!

Мудрец совсем зачах!

Затем заплакал и сказал Цзыгуну:

— Под Небесами нет пути уже давно, никто не в силах следовать за мной. При Ся гроб со своим умершим оставляли на восточной лестнице, при Чжоу же — на западной, а иньцы — меж двух столбов. А я происхожу от иньцев.

И через семь дней он скончался.

Конфуцию было семьдесят три года, он умер на шестнадцатом году правления князя Скорбной Памяти в Лу, в шестой луне, в день Цзичоу.

Князь Скорбной Памяти сказал о нем в надгробном слове:

— Безжалостные Небеса не пожелали старика оставить, чтобы изгнать меня, единственного, с трона и ввергнуть, сирого, в страдания. Увы! О, горе! О, несчастье! Конфуций, отче, не казни собой!

Цзыгун сказал:

— Разве он не сгинул в Лу? Учитель говорил: «Ошибиться в ритуале — значит помрачиться умом; ошибиться

в имени — значит совершить проступок. Утрата воли означает помрачнение, ее утрата и ведет к проступку».

При жизни не суметь использовать, а после смерти оплакивать — это прегрешение против ритуала; назвать себя «единственным» — это прегрешение против имени.

Конфуция похоронили над рекою Сы, к северу от городских стен Лу. Все его ученики три года соблюдали траур. Когда трехлетний траур по Учителю закончился и они, прощаясь, стали расходиться, то расплакались, вновь повергнутые в безутешное горе, а некоторые опять остались. Но лишь Цзыгун жил на могиле в хижине шесть лет. А вдоль могильного холма расположилось больше сотни домов учеников Конфуция и уроженцев Лу, которые здесь поселились с семьями и были названы «Деревнею Конфуция». В Лу по преемству поколений в соответствии со сменой сезонов совершались жертвоприношения на могиле Конфуция, а ученые вблизи нее обучались ритуалам, устраивали волостные пиршества и большие состязания в стрельбе из лука. Могильный холм Конфуция занимает один цин. Благодаря тому, что ученики толпились у покоев, где он жил, а потомки сохраняли в храме Конфуция его одежду, шапку, лютню, книги и повозку, все эти вещи не пропали вплоть до Ханей, в течение уже более двухсот лет. Когда же августейший повелитель Возвышенный проезжал по Лу, то принес на могиле Конфуция в жертву быка. Князья, вельможи и сановники бывают там, сперва обычно посетят, а уж потом приступают к правлению.

От Конфуция родился Ли, по второму имени Боюй; Боюй дожил до пятидесяти лет и умер раньше, чем Конфуций. От Боюя же родился Цзи, по второму имени Цзысы, дожил до шестидесяти двух лет. Он притеснялся в Сун; Цзысы создал «Незыблемую середину». А от Цзысы родился Бай, по второму имени Цзышан, и дожил до сорока семи лет. У Цзышана же родился Цю, по второму имени Цзыцзя, дожил до сорока пяти лет. А от Цзыцзя родился Цзи, по второму имени Цзыцзин, дожил до сорока шести лет. А от Цзыцзина был рожден Чуань, по второму имени Цзыгао, дожил до пятидесяти одного года. От Цзыгао был рожден Цзышэнь, дожил до пятидесяти семи, был в Вэй министром. От Цзышэня же родился Фу, дожил до пятидесяти семи лет, был советником князя Шэ из Чэнь. У Фу был младший брат Цзысян, дожил до пятидесяти семи лет, был советником августейшего владыки

Милосердного и стал правителем Чанша; был ростом девять чи, шесть цуней. От Цзысяна же родился У, от У — Яньнянь с Аньго. Аньго был советником при ныне царствующем августейшем повелителе, достиг поста правителя Линьхуая, скончался рано. От Аньго родился Ань, от Ана же — Хуань.

Я, придворный летописец, так скажу: есть в Песнях строки:

К горам высоким рвемся мы,
Стремимся к светлому пути.
Хоть и не можем добрести,
Но увлекает нас порыв души.

Я читал книги Конфуция, и захотелось мне узнать, каким он был человеком. Поехав в Лу, увидел храм Конфуция, его жилье, повозку, платье и предметы ритуала; ученые в положенное время обучались ритуалу в его доме. Я задержался там в раздумье, не в силах уйти. Царей, как и людей достойных, в Поднебесной было много, они при жизни процветали, а умерли — и канули. Имя же Конфуция, простолюдина, уж более чем десять поколений на устах. Ученые его считают своим родоначальником. Все, кто в Срединном государстве, начиная с Сына Неба и князей, толкуют о шести искусствах, обращаются за истиной к Учителю. Могу назвать его самым великим из людей, достигших высшей мудрости.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗРЕЧЕНИЯ
(ЛУНЬЮЙ)
Перевод И. И. Семененко

КНИГА ПЕСЕН И ГИМНОВ
(ШИЦЗИН)
Перевод А. Штукина

I. ГОФЫН. НРАВЫ ЦАРСТВ

II. СЯО Я. МАЛЫЕ ОДЫ

III. ДА Я. ВЕЛИКИЕ ОДЫ

IV. СУН. ГИМНЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ